

**СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНАЯ УЛИЦА**

1-2.2017

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Руфин Судковский. «Морской пейзаж»
(по атрибуции обладателя – Национального музея искусств Азербайджана имени Р. Мустафаева).
Фактически – один из последних вариантов «Прозрачной воды». Картон, масло. 1885

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 1-2 (16-17) 2017 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(випусковий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
Олена ІВАНЕНКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Тарас КРЕМІНЬ
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Тетяна ТВЕРДА
Тетяна ФАБРИКОВА

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Никольська, 46

E-mail: sobornaya.street@ukr.net

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г. В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 20,93
Замовлення № 2305-1
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2017-2020 роки**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**1-2
2017**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Илья СТАРИКОВ: Пишу на родном языке	3
--	---

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Виталий КОРОТИЧ: «Переведи меня через майдан...»	4
Леонид ШКАРУБА, Олег БАРАН: Анахарсис в семье древнегреческих мудрецов	6
Анатолій МИХАЙЛИК: Шляхи – обереги Кінбурну	15

ПОЭЗИЯ

Василий МАЛАГУША: И вздрогнет душа... ..	22
Дмитро КРЕМІНЬ: Из червоного й черного шовку	27
Тетяна СВІРСЬКА: За мить до одкровенъ	47
Павел ТКАЧ: Периплос	51
Юрій ЗІНЬКОВСЬКИЙ: Перепустка в юність	68
Александр ВЕРБИЦКИЙ: На доньшке души	73
Евгений ПИВЕНЬ: Точнее приблизить не удаётся	87
Аліна ДАНІЛОВА: Через кожні півтора кроки	92
Александра ТКАЧЕНКО: Песчинка на её пути	105

ПРОЗА

Юлий ГЕРЦМАН: Полёт Шмуля. <i>Рассказ</i>	33
Віталій ОЛІЙНИК: Довічні карби, або Трагедія в сопках. <i>Оповідання</i>	44
Анатолій МАЛЯРОВ: Театральные были	55
Ольга СЛАВНА: «Чокнутый». Шахраї. <i>Оповідання</i>	77
Александр ФИНОГЕЕВ: «Хомяк». Музыкальный дивертисмент. Поэзия любви. <i>Рассказы</i>	83
Лілія БОНДАРЕНКО: Фотографія. <i>Оповідання</i>	95
Катерина ТУЗ: До снега. Добро пожаловать в N	110

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир ХРИСТЕНКО: Оборона Николаева	115
Вячеслав КАЧУРИН: Они были первыми. <i>История одной фотографии</i>	125
Інна БЕРЕЗА: Зоряний шлях Олесь Бердника	130
Віталій КАРПЕНКО: Глибока течія Івана Григурка	134
Анатолій КАЧАН: Дорога у широкий світ. <i>Біографічні нотатки</i>	139
Людмила СТАРОВОЙТ: Недоспівана пісня Дмитра Надііна	147

МАСТЕРСКАЯ

Вадим ШПИЛЕВОЙ: Очаковская отмель Руфина Судковского	151
Сергей ПИСКУРЁВ: Возвращение с острова мёртвых. <i>Эссе</i>	157
Алексей ТОРХОВ: Конфликт вербального и визуального	164

АРХИВ

Елена ЖАТЬКО: Всеволод Мейерхольд в Николаеве	168
--	-----

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Анна Румянцева: «Львівський форум – крок уперед»	171
Издательский перекрёсток:	
Валерія Богуславська. Переклад з трипільської. <i>Про нову книжку О. Торхова</i>	173
Зоя Шаталова. Волшебная кладовка Евгения Куцева	175
Наталья Морква. Скамейка мудрецов. <i>Из серии «Одарённые мудростью»</i>	177

ЭКСЛИБРИС

Наталья КУХАР-ОНЫШКО: Золотой корабль в лазоревом поле	178
---	-----

ОБЛОЖКА

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Дом с атлантами	180
--	-----

ПИШУ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

В конце прошлого года интернет всколыхнула информация о том, что в киевском книжном магазине украинская писательница подняла скандал из-за того, что обслуживавшая её продавщица говорила с ней на русском языке. Комментарии были разные. Одни – поддерживали, другие, наоборот, – возмущались. А меня короткое сообщение заставило подумать: как осторожно нужно относиться к проблеме языка, чтобы она не оказалась поводом для разжигания ненависти и войны.

Во многом это зависит от нас самих. Сейчас точно не помню, какие строчки выучил в детстве раньше: пушкинские «У лукоморья дуб зелёный...» или шевченковские «Лечу. Дивлюся, аж світас...»

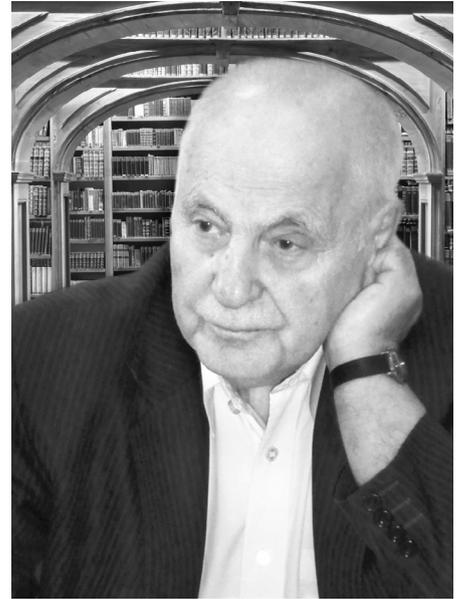
Уже в университете у кого-то из греческих мудрецов вычитал такую мысль: сколько языков знает человек, столько раз он и человек. Ещё позднее, когда создал свою семью и мы все – с родителями, дедушками и бабушками – собирались за праздничным столом, разговор украшали словечки и обороты русской, украинской, еврейской и грузинской речи. Эти языки стали родными для нашей родни. И такая национальная разногласица придавала особую теплоту семейному общению. А сейчас с завистью улавливаю, как легко внучка по мобилке общается с друзьями и знакомыми на английском. В нашем, прежде «закрытом», городе добиться такого было невозможно...

Теперь многие политики и социологи, изучающие психологический климат общества, бывая в Николаеве, отмечают существенные его отличия. Важной особенностью нашего города, установили они, является национальная толерантность. Эта особенность не случайна. Во многом она определяется правильной языковой политикой, ставшей традиционной для нашего региона и оберегаемой местной властью. Для нее важно не соблюдение процентного распределения языков, а соблюдение принципа естественности при решении языковой проблемы.

Мы привыкли, и ни у кого не вызывает удивления, что, к примеру, на страницах русскоязычных газет «Южная правда» и «Вечерний Николаев» регулярно печатается прекрасная поэзия Дмитра Креминя и других николаевских авторов, пишущих на украинском языке. А областная газета «Рідне Прибужжя» регулярно публикует материалы на русском, соблюдая принцип сохранения языка автора. В нашем областном отделении писателей много лет творчески сотрудничают как члены Союза писателей России, так и Национального союза Украины. В издательстве «Илион» регулярно выходят двуязычные сборники стихотворений николаевских литераторов. Они позволяют глубже почувствовать богатство и прелесть русской и украинской речи.

Не случайно и наш журнал двуязычен. Это, во-первых, ещё раз подчёркивает важную для нас идею соборности, вынесенную в название журнала. Во-вторых, позволяет на конкретном литературном материале доказывать, что редколлегия, отбирая материал для публикации, ориентируется не на то, на каком языке он написан, а на художественный уровень произведения. Нельзя допускать языковой дискриминации в многонациональной стране. Это сразу же создаёт почву для различных конфликтов и падения культурного уровня народа. И язык вместо функции сплочения начинает использоваться для раздора.

Русский царизм многие годы угнетал и принижал украинский язык и украинскую культуру. В то время великий Иван Франко мудро подметил: «З людиною, що позбулася рідної мови, можна зробити що завгодно». Это правило относится не только к украинцам, но и к тем, для кого родной язык русский. Николаеву с самого основания города было даровано двуязычие. Нужно правильно относиться и оценивать этот исторический дар. Важно помнить, что язык, словно губка, впитывает культуру народа. А культура преобразует его сознание. С этого начинаются успешные процессы демократизации, развития экономики, роста благополучия и жизненного уровня населения страны. Не случайно гениальный Тарас Шевченко подсказывал: «Учіться, читайте, і чужому научайтесь, й свого не цурайтесь».

Илья СТАРИКОВ

«ПЕРЕВЕДИ МЕНЯ ЧЕРЕЗ МАЙДАН...»

Читателям литературно-художественного журнала нет нужды представлять нашего современника Виталия Коротича, лауреата Шевченковской и Государственной премии СССР, выдающегося украинского поэта XX века, публициста, переводчика и редактора, чьё имя в хронике отечественных событий стоит рядом с историческими фигурами писателей и государственных деятелей. Он был главным редактором литературных журналов «Ранок» и «Всесвіт», легендарного московского «Огонька», народным депутатом СССР, вместе с Евгением Евтушенко воевал за свободу слова, отмену советской цензуры, брал интервью у президента США Рональда Рейгана, выслушивал порицания генсеков, учил демократии президента Украины – Виктора Януковича. После развала СССР В. Коротич выехал в США и в течение восьми лет работал профессором Бостонского университета, читал лекции в Канаде, Мексике, Австралии. В украинском медийном пространстве сегодня, пожалуй, трудно назвать другую фигуру, кто обладал бы столь уникальной биографией и опытом анализа духовной жизни современников... Недавно поэту исполнилось 80 лет, он автор более двадцати книг стихов и прозы, пе-

реведён на иностранные языки, по-прежнему остаётся публичным человеком, отзывчивым и мудрым собеседником. В. Коротич охотно согласился дать интервью журналу «Соборная улица».

– Виталий Алексеевич, вы киевлянин по рождению, объездили полсвета, а приходилось ли бывать на украинском юге, в Николаеве, городе на Южном Буге?

– Доверие к собеседнику – чрезвычайно важная, пожалуй, главная примета успешного контакта между читателями и теми, кто пишет книги. Всю жизнь я стремился завоевать такое доверие. И сейчас стремлюсь, хотя – страшно сказать – сейчас уже размениваю девятое десятилетие своего пребывания на свете, а всё ещё не знаю, верно ли я поступил в своё время, уйдя в литературу, расставшись с киевским кардиологическим институтом имени М. Д. Стражеско, где уже написал диссертацию и был достаточно успешен в своей работе.

Сомерсет Моэм, английский писатель, чьей первой профессией тоже была медицина, писал однажды, что не знает ни одной профессии, которая подпускала бы к человеку так близко, как врачебная, и так располагала к литературной деятельности. В общем, так сложилась жизнь, а успешна ли была она – судить вам...

В Николаеве я был только однажды. На съезде писателей Украины меня избрали одним из секретарей правления писательского союза и поручили провести перевыборы руководства писательской организации в Николаеве. Приехал. Провёл. Города, в сущности, не увидел, потому что на второй день моего пребывания в нём сообщили: умер мой отец Алексей Степанович. Я возвратился в Киев, похоронил его, и никогда больше в Николаеве мне быть не пришлось, о чём искренне сожалею. Печаль той поездки всегда со мной, вспоминая про Николаев, помню о том, как бежал оттуда, как больно мне было и до сих пор больно, хотя прошло уже больше сорока лет.

– Любителям поэзии хорошо известны слова, ставшие смысловым выражением целой эпохи. Я веду речь о вашем стихотворении 1971 года «Останні прохання старого лірника», блестяще переведённом Юнной Мориц. Его рефрен «Переведи меня через майдан» стал широко известной песней, использован в названии кинофильма. Стихотворение получило большую прессу, отозвалось на You Tube, приобрело народный характер. Что для вас значит это стихотворение?

– Грустные ответы получаются. Но с «Переведите мене через майдан» многое было необычно. В августе 1971 года погиб мой сын, Андрей. Было ему 12 лет, и он был главной моей любовью. Помню всё, что тогда происходило, буквально по минутам. Помню то, как сел к письменному столу и вдруг

во мне начали писаться стихи. «Переведіть мене через майдан» написалось, по сути, без черновика, сразу как бы под диктовку. Я слышал про такое, читал, что бывало так с другими людьми, но со мной было раза два-три за всю жизнь. Стихи написались сами собой и ушли от меня в самостоятельную жизнь. Юнна Мориц перевела их, Никитины первыми спели, потом Малинин, затем ещё кто-то. Никакого участия в этом я не принимал, песен я вообще почти не писал – было светло и странно. Через какое-то время довелось быть во Владивостоке, и в гостиницу ко мне пришли местные барды, уверенные, что стихи эти посвящены Владимиру Высоцкому, с которым я был хорошо знаком и даже выступал вместе. Тогда на берегу Тихого океана у костра я услышал хоровое исполнение стихотворения, которое было одним из самых моих интимных, которое я читаю только про себя и только шёпотом. Удивительно всё это...

Сейчас я слышал уже несколько исполнений «Майдана» в оригинале, по-украински. Спасибо.

– Сегодня из жизни журналистов ушли в прошлое так называемые передовые статьи, газеты предпочитают печатать колонку редактора, появилась даже специализация – колумнист. Вы уже многие годы публикуете в еженедельнике «Бульвар Гордона» колонку «От первого лица». Дайте несколько советов, как научиться быть колумнистом.

– Мне кажется, что в Украине, да и вообще на белом свете, очень немного колумнистов. Колонки я начал писать, как стихи, – там должна быть осевая мысль непременно, и мысль эта должна быть изложена так, чтобы пересказать её без потерь можно было бы только стихами. Колонки очень дисциплинируют мышление, и надо их редактировать немилосердно. Может быть, когда-то колонки эти можно будет издать – огромный слой ненаписанных стихов растворился в этих колонках. Кстати, до колонок надо созреть. Когда в конце прошлого века я редактировал «Огонёк», поэт Евгений Евтушенко изводил меня: «Почему ты не пишешь колонки? Если бы у меня была такая возможность...» и так далее. Но я ещё, видимо, не созрел. А потом уже в «Бульваре» как бы само собой всё пошло...

Вообще я многим обязан «Бульвару». Когда, много лет отпрофессорствовав в США, получив там несколько высоких премий и званий, я всё-таки возвратился, мне воображалось, что меня здесь ждут не дождутся. Американский профессор, лауреат, академик – я воображал ректоров, заманивающих меня на свои кафедры. Но ничего подобного не случилось. Украина – центрифуга, расшвыривающая своих детей по всему свету и не зовущая их домой почти никогда. Или совсем никогда. Тем более я благодарен Дмитрию Гордону, который сумел найти меня и вовлечь в свой проект еженедельника, и вот, мне кажется, лет шестнадцать подряд я, кроме всего прочего, еженедельно сочинял колонки для еженедельника. Они были счастливой находкой, и я благодарен вам, если вы их читали.

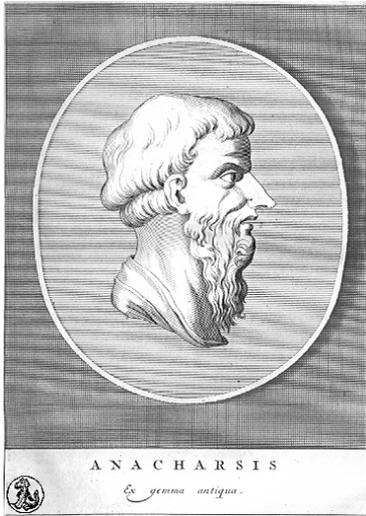
– И ещё одна тема. Есть ли в современной украинской литературе один-единственный писатель, кто может представить мировому сообществу национальную культуру, стать Нобелевским лауреатом?

– Не переоценивайте роль премий и других формальных отличий. Вспомните хотя бы имена лауреатов высшей национальной премии Украины последних лет: вы их читали? Вспомните имена Нобелевских лауреатов. Вы их читали? Лауреат Нобелевской премии мира Барак Обама вправду самый выдающийся миротворец? Светлана Алексиевич, отмеченная Нобелевской премией, вправду светоч белорусской культуры? Давно уже слишком многие процессы политизированы, и то, что, скажем, Лина Костенко никогда не фигурировала в числе Нобелевских кандидатов и многие (не стану перечислять) крупнейшие писатели тоже не маячили в кандидатских реестрах, никого не возвышает и не унижает. Когда я был профессором в Бостонском университете, со мной рядом там служили четыре Нобелевских лауреата-писателя. Служили, передавали свои знания студентам; нет нигде в мире такой фетишизации лауреатств, как у нас. Нобелевская лауреатская медаль – настольная, положи её и любуйся. Настоящий авторитет – это книги, которые люди читают и благословляют авторов за них. Только у нас лауреатские медали делают с ленточками и булавочками для ношения на верхней одежде. У меня (начинаю бахвалиться) есть почётные звания, премии, государственные награды из девяти стран. Честное слово, я никогда не носил те из отличий, которые сопровождаются какими-нибудь наградными знаками, на одежде. Ехидная актриса Фаина Раневская называла все эти предметы «похоронным инвентарём». Надо завоёвывать уважение читателей, а не знаки начального уважения, которыми все эти награды становятся у нас. Даже если они честно заслужены...

Леонид ШКАРУБА, Олег БАРАН

АНАХАРСИС В СЕМЬЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МУДРЕЦОВ

Профиль Анахарсиса
на античной гемме

Мировую известность нашему краю дала Ольвия, самый северный античный город Причерноморья. О нём молчаливо напоминают скифские «бабы» и курганы, а также многочисленные артефакты из антично-скифского прошлого. Они отзываются разными историческими голосами. Если внимательно в них вслушаться, то можно распознать спокойно-убедительную речь Анахарсиса – единственного скифа, удостоенного эллинами титула «мудрый». Правда и вымысел в жизнеописаниях Анахарсиса переплелись настолько тесно, что историки, опираясь на имеющиеся письменные свидетельства, не могут однозначно решить, какие события его жизни можно считать заслуживающими доверия, а какие – вымышленными. Значит, авторам, пишущим об Анахарсисе, следует осторожно плыть между Сциллой исторической реальности, основанной на достоверных научных данных, и Харибдой вымысла и фантазии.

В современных публикациях об Анахарсисе очень заметна тенденция гиперболизации влияния мудрого скифа на, ни меньше ни больше, почти всю мировую культуру, разве что пока за исключением таких регионов, как Африка и Америка.

В качестве примера такой гиперболизации приведём работы российского автора Петра Золина, в частности, его «Дипломатию скифа Анахарсиса». Этот автор следует печальной современной традиции делать глубокие научные выводы только на основании случайного языкового сходства. «Отцом философа был Гнур (созвучие типа «гнуть»; украинское Гнур до сих пор – Хряк, Боров), а братом Савлий – это имя есть в новгородских берестяных грамотах». (Удивительно, как это до сих пор цыгане не претендуют на основание Рима, поскольку их самоназвание – ромы, значит, Ромул – цыган).

По поводу трактовки имени скифского мудреца П. Золин склоняется к тому, что оно созвучно праславянскому «знахарь» (пахари-оратаи у Днестра уже были известны), да и самого Анахарсиса он запросто называет «русом». «По эпосу, Словен и Рус – основавшие в 3 тыс. до н.э. города у Ильмена скифские князья. В какой-то мере скиф Анахарсис – и их потомок, но уже не эпический», поскольку Анахарсис созвучно слову «пахарь». Но в таких случаях надо опираться не на совпадения, которые могут быть случайными, а на серьёзный лингвистический анализ, иначе получается, например, что буддизм зародился в Украине, потому что на её карте есть городок Буда. А Геродот, оказывается, «иногда скатывался к унижению скифов», говоря о том, что, кроме Анахарсиса, «мы не встречаем ни одного знаменитого человека». Таким образом, к гуляющей в интернете и не обоснованной лингвистически трактовке имени Анахарсиса как Сына неба (Ан-Харс) и «великий мудрец» добавился славянизированный вариант.

П. Золин не сомневается в принадлежности «писем Анахарсиса» скифскому мудрецу, как принимает за истину изобретение скифом плуга, якоря и гончарного круга, хотя допускает, что «есть и другие версии», не сомневается в том, что именно Анахарсис «возглавлял посольство философов к царю Крезу», а ответы Анахарсиса на некоторые вопросы «Крез посчитал... результатом русского «звероподобного воспитания». Слово «скифское» автор свободно заменяет на «русское».

Анахарсисом «могут гордиться нынешние Украина и Россия»; «ныне абсолютно ясно, что выдающийся скифский философ-энциклопедист Анахарсис... является яркой фигурой всего мирового античного прошлого... Россиянам всё ещё трудно представить, что у нас почти 26 веков назад был такой удивительный мудрец-любомудр, пращур-земляк. Это символ мудрости славянских народов –

русских, белорусов и украинцев». Изобретение Анахарсисом плуга, «рогатого якоря и гончарного круга» доказывает, что «скиф оказывается уже не просто мыслителем-экономистом (теоретиком), но и активным практиком – инноватором, изобретателем важных для экономики орудий труда».

Посольство Анахарсиса в Грецию и соседние страны одни авторы рассматривают как этнографическую экспедицию, а другие – как масштабную разведку. Влиятельный и умный царский скиф должен был формировать и поддерживать привлекательный имидж Великой Скифии, налаживать связи с её потенциальными союзниками на политической арене античного мира. И эта политика имела вполне экономический смысл. Корабли со скифскими товарами (зерном, кожами, солёной рыбой, оружием и т.д.) часто прибывали в Афины, Милет и другие известные города. А суда с заморскими винами, драгоценностями и т.п. спешили к портам Приазовья и Северного Причерноморья.

Из высказывания Анахарсиса о том, что виноградная лоза приносит три кисти: первую – удовольствия, вторую – опьянения, третью – отвращения, П. Золин делает далеко идущий вывод: «И с таким афористическим выражением маржинализма ныне, вероятно, согласятся многие экономисты, да и дипломаты». Этот же маржинализм автор находит в высказывании скифа о том, что первые три чаши на пиру – это чаша наслаждения, чаша опьянения и чаша омерзения. Хотелось бы более серьёзного обоснования наличия в высказываниях мудрого скифа «ярких» дипломатических и экономических мыслей.

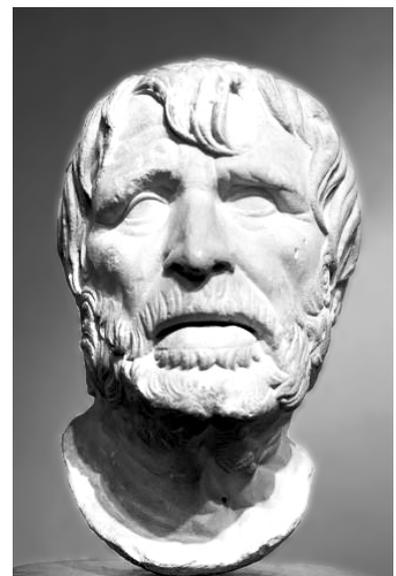
Если опираться на какое-то высказывание Анахарсиса и делать из него значительные выводы в духе П. Золина, то, на наш взгляд, можно зайти очень далеко. Например, возьмём высказывание мудрого скифа, когда Анахарсис, попрекаемый в том, что он скиф, ответил: «И розы растут среди терновника, но это не умаляет их красоты». При желании это можно рассматривать как теорию красоты в духе эстетики Н. Чернышевского. Из высказываний Анахарсиса о языке, конечно, следует, что перед нами выдающийся античный лингвист. А если Анахарсис не смеялся над скоморохами, но смеялся, когда появились обезьяны, и объяснил это тем, что они смешны по своей природе, тогда как человек смешит по принуждению, то, конечно, скиф является античным теоретиком смеха.

Как на наш взгляд, так задолго до Анахарсиса действительно здравые мысли экономического характера высказал ещё Гомер, описывавший хозяйственную жизнь древних греков. Гесиод, живший лет за 100 до Анахарсиса, в дидактической поэме «Труды и дни» пишет о противоречиях между богатыми и бедными, о том, что «цари», т.е. аристократы, держат в своих руках всю власть, а незнатный, хотя бы и дельный, способный и даже талантливый человек, слаб, потому что находится в полной зависимости от сильного. Самыми привлекательными чертами поэт изображает счастье и благоденствие людей в государстве, где правители соблюдают Правду. Гесиод – единственный древнегреческий поэт, изложивший систему сельского хозяйства и писавший о пользе и привлекательности труда. Он так обращается к своему брату Персу:

*Помни же ты ежечасно завет этот мой и трудися,
Перс, о божественный отпрыск, чтоб голод тебя ненавидел,
Но чтоб Деметра любила прекрасновенчанная вечно,
Чтимая всеми, и житницу хлебом твою наполняла.
Пусть тебе будет любезно труды свои скромные делать,
Чтоб у тебя были полны все житницы вызревшим хлебом.
Всё от трудов своих люди – и скот, и богатство имеют,
Да и бессмертным, трудясь, они много любезней бывают.
Труд никакой не позорен, позорна одна только праздность.*

Нам представляется, что Гесиод оставил более глубокий след в античной экономической мысли, чем Анахарсис. Задолго до Анахарсиса Гесиод писал об опасностях мореплавания. Не только Анахарсис критически относился к рынку, негативные стороны рыночных отношений видели и сами греки. Аристофан в своей комедии «Всадники» передаёт рыночную атмосферу, стремление обмануть покупателя, всучив ему гнилой товар:

*Мастер, ты гнилую кожу норовишь за добрую продать
Простакам-крестьянам, срезав вкось её по-плутовски.*

Гесиод

В комедии «Ахарняне» Аристофан передаёт настроение окунувшегося в рыночный шум своего героя – сельского жителя Дикеополя, привыкшего к сельской тишине:

*О тишине тоскую, на поля гляжу
И город ненавижу. О село моё!
Ты не кричишь: углей купите, уксусу.
Ни «уксусу», ни «масла», ни «купите» – нет.
Ты само рождаешь всё без покупателя.*

Вероятно, такие настроения были близки и скифу, попавшему на афинский рынок. В целом же, насколько мы понимаем, в истории мировой экономической мысли скифский «философ-эциклопедист» не значится.

П. Золин весьма сочувственно относится к сообщению византийского историка Льва Диакона (X в.) о том, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка Мирмикон около Меотиды. Изгнанный скифами за свой дикий и жестокий нрав, Ахилл переселился в Фессалию. Надо же искать доводы в пользу тезиса о связи «Анахарсиса и народов Руси (как наследницы Великой Скифии)».

Излагая беседу Креза с Анахарсисом, в ходе которой скиф говорил, что из всех существ самым храбрым является дикое животное, потому что оно умирает за свободу, а самым справедливейшим опять же является дикое существо, живущее по природе, а не по законам, оно же является и мудрейшим, потому что предпочитает природную истину истине закона, что Крез посчитал результатом «звероподобного воспитания», П. Золин делает вывод, что в высказываниях Анахарсиса выразились принципы «стоической философии с элементами диктата природного над разумом человека, противостоящего и богу». «Это и важная дипломатическая позиция», – замечает автор. Мы не дипломаты, но всё же сомневаемся в том, что здесь присутствует эта самая «важная дипломатическая позиция». В общем, оказывается, «Анахарсис представлял дипломатическую активность значительной части населения планеты той поры». Насколько мы понимаем, в истории мировой дипломатии Анахарсис тоже не значится, как бы этого кому-то ни хотелось.

Анахарсис и Токсарис старше китайского философа Конфуция, по влиянию на европейскую культуру они и стоят выше, но известны несравненно меньше.

Пётр Золин поддержал мысль о связи идей, высказанных Анахарсисом, с философией даосизма. Так, диалог между Анахарсисом и Солоном по своему содержанию напоминает другой непримиримый спор, происходивший в Китае. Это спор между двумя основными религиозно-философскими школами: конфуцианством и даосизмом. «Последователи даосизма утверждали, что, постигая свою собственную природу, тождественную истинно сущности каждой вещи, каждого явления, человек одновременно отождествляется и сливается с миром окружающей природы, образуя с ней нераздельное и гармоническое единство».

Даосы развивали принципы «недеяния» и «непривязанности», утверждали идею беспристрастности («нужно сделать (своё сердце) предельно беспристрастным, твёрдо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение»).

«(В мире) большое разнообразие вещей, но (все они) возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется (постижением) ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и (в результате) к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достигает совершенства, становится

ПОПУЛЯРНЫЕ АФОРИЗМЫ АНАХАРСИСА

Злой человек похож на уголь: если не жжёт, то чернит. В подражание Анахарсису Козьма Прутков сказал: «Вакса чернит с пользой, а злой человек – с удовольствием».

Лицемерие – модный порок, а все модные пороки сходят за добродетели. (В списке высказываний Анахарсиса, составленном Я. Киндстрандом, этого высказывания нет).

Удивительно, как это в Элладе участвуют в состязаниях люди искусные, а судят их неискусные.

На вопрос, что в человеке хорошо и дурно сразу, Анахарсис ответил: язык.

Безопасные корабли – это корабли, вытасканные на берег.

справедливым; тот, кто обрёл справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует Дао, тот, кто следует Дао, вечен, – излагает автор идеи даосизма и добавляет: – Подобные мысли высказывал и Анахарсис». По нашему мнению, всё то, что высказывал Анахарсис или что приписывается ему, прямо противоречит его активной жизненной позиции. А считать Анахарсиса близким к даосизму (если не даосом) является очень большой натяжкой хотя бы потому, что у мудрого скифа не было никакой философской системы, мы согласны с теми авторами, которые подчёркивают: Анахарсис представляет дофилософское мышление на уровне современной ему греческой культуры. Хотя, конечно, очень соблазнительно поговорить о даосе-Анахарсисе.

Пётр Золин цитирует диалог Анахарсиса и Эзопа в изложении Плутарха. Эзоп язвил, что «у Анахарсиса нет дома, и он даже гордится тем, что живёт на повозке, подобно тому, как солнце, говорят, что оно странствует на колеснице, посещая то одну, то другую сторону неба». «Поэтом-то, – возразил Анахарсис, – оно или единственное из богов, или преимущественно перед другими богами свободно, самостоятельно и властвует над всеми, само никому не подвластно, но царствует и правит». Отсюда Золин делает вывод: «За этими словами Анахарсиса стоит стройное понимание и всего бытия. Скифы так же, как и даосы, понимали, что привязанность к вещам порождает страх и лишает человека покоя».

Где же нашёл автор «стройное понимание бытия» Анахарсисом, когда это понимание вообще отсутствовало в современной скифу Греции? Разговор об Анахарсисе нужно, на наш взгляд, вести не на фоне Греции вообще, а на конкретном фоне, учитывая именно общественно-политическую и экономическую ситуацию Эллады VII–VI вв., которая определяла и мировоззренческие ориентиры Анахарсиса и его современников.

«Как ни странно, но прослеживаются интересные параллели между взглядами Анахарсиса и представителей украинской философской мысли. Скиф-философ... высказывал своё скептическое отношение к благам цивилизации. Он считал, что человек должен жить природной жизнью, не соблазняясь на разного рода искушения. Это во многом напоминало взгляды украинского философа XVIII в. Г. С. Сковороды. Закономерность это или случайность – это уже может быть предметом интересной дискуссии», – пишет украинский философ Пётр Кралюк.

«Природность», естественность, предпочтение природному над обычаем, скептическое отношение к благам цивилизации в высказываниях Анахарсиса отмечают многие авторы. Да, всё это есть в наследии Анахарсиса, но, на наш взгляд, эти принципы давно сделались общим местом уже в античности и перешли к последующим поколениям не именно от мудрого скифа, а от всей античности. Простота, естественный образ жизни – да это давно стало общим местом и в античной мысли, и в постантичной. Для доказательства нашего тезиса достаточно обратиться к античной мудрости, зафиксированной в пословицах и поговорках.

Commune est, quod natura optimum fecit. – Всё лучшее в природе принадлежит всем. (Петроний).

Convenienter cum natura vive. – Живи сообразно с природой.

Lege naturae compositus est. – Установлено самой природой.

Natura hoc ita comparatum est. – Самой природой так заведено. (Ливий).

Naturalia non sunt turpia. – Что естественно, то не безобразно. (Сенека).

Naturam ducem sequi oportet. – Необходимо следовать указаниям природы.

Naturam expellas furca, tamen usque recurret. – Гони природу вилами, она всё равно вернётся. (Гораций).

Naturam si sequemur ducem, nunquam aberrabimus. – Если нашим проводником будет природа, мы никогда не заблудимся.

Non fingendum aut excogitandum, sed inveniendum, quid natura faciat aut ferat. – Надо не выдумывать, не измышлять, а искать, что творит и приносит природа. (Ф. Бэкон).

Сказано в начале Нового времени, но в духе античности.

Отменяет ли всё это высказанное Анахарсисом? Конечно, нет, голос скифского мудреца тоже прозвучал в этом многоголосии. И этого достаточно для того, чтобы остаться в истории мировой мудрости. Украинский мудрец Г. С. Сковорода прекрасно знал античность.

Посмотрим, что говорила античная мудрость о нраве и законе, чего коснулся и Анахарсис.

Plus boni mores valent, quam bonae leges. – Добрые нравы имеют большее значение, чем хорошие законы. (Тацит).

Quid sunt leges sine moribus, quid sunt mores sine fide? – Что значат законы без (добрых) нравов, что значат (добрые) нравы без веры? (Гораций).

Iustitia est obtemperatio scriptis legibus instituisque populorum. – Справедливость – это подчинение писанным законам и обычаям предков.

Boni pastoris est tongere pecus, non deglubere. – Хороший пастух стрижёт овец, а не сдирает с них шкуру. (Тиберий у Светония).

Многие пишут о презрении Анахарсиса к богатству, но об этом думал не только мудрый скиф.

Cui cum paupertate bene convenit, dives est. – Кто хорошо сжился с бедностью, тот богат. (Сенека).

Dives est, cui tanta possession est, ut nihil optet amplius. – Богат тот, у кого столько имущества, что он не желает большего. (Цицерон).

Is minimo eget, qui minimum cupit. – У кого меньше всего желаний, у того меньше всего нужды. (Публилий Сир).

Nihil habeo, nihil timeo. – Ничего не имею, ничего не боюсь.

Paupertas non est vitium. – Бедность – не порок.

Nulla vis auri aut argentum pluris quam virtus. – Никакое множество золота или серебра не должно цениться выше добродетели.

И это всё Анахарсис? И о пьянстве говорил не только он, оно было одной из сквозных тем античных мыслителей.

После того, как подействовало вино на человека, всё его тело наливается тяжестью, начинают спотыкаться ноги, заплетается язык, туманится рассудок, начинают блуждать глаза, разгораются крики, рыдания, ссоры. (Лукреций).

Ebrietas est metropolis omnium vitiorum. – Пьянство – столица всех пороков.

Ebrietas est voluntariainsania. – Пьянство – это добровольное безумие.

In vino veritas. – Истина в вине.

Plures crapula quam gladius (perdidit). – Больше погубило пьянство, чем меч.

Vina bibunt hominess, animalia cetera fontes. – Только люди пьют вино, а остальные животные – ключевую воду.

Тема вина является одной из сквозных в античной лирике. Приведём лишь несколько примеров.

За кружкой кружку – только бы бражничать...

И днём и ночью полон весь дом вином,

Он песни пьяные горланит,

И умолкает глагол закона.

Алкей

На пиру за полной чашей

Мне несносен гость бесчинный:

Охмелённый, затевает

Он и спор, и бой кровавый.

Мил мне скромный собеседник,

Кто, дары царицы Книда

С даром муз соединяя,

На пиру беспечно весел.

Анакреонт

Милых товарищей много найдёшь за питьём и едою.

Важное дело начнёшь – где они? Нет никого!

Феогнид

Вот она, античная мудрость винопития: соблюдай меру, как и во всём остальном! «Юноша, скромно пируй и шумную Вакхову влагу /с трезвой струёю воды, с мудрой беседой мешай», – советует Ион Хиосский. Анахарсис в этом отношении не представляет исключения. Но ведь это сказал скиф! А что нового о вине он сказал? Да ничего особенного, но просто, как говорят сейчас, он был в античном тренде!

Европейский Анахарсис***Естественный человек? Благородный дикарь?***

Авторы, пишущие об Анахарсисе, не обратили внимание на интересную связь нашего героя с некоторыми идеями и образами французских просветителей. В частности, речь идёт о теме так называемого «естественного человека» и «благородного» дикаря. Этнический образ скифа в античности «стал одним из символов многих глубоких философских идей, сопровождающих европейскую традицию на протяжении веков, и прежде всего идей, связанных с размышлениями над ролью человеческой цивилизации и культуры ценой прогресса», – пишет В. Н. Козулин.

В Европе интерес к скифам угасает в послеантичный период и возрождается в XVIII в., когда скифов находили во всей Восточной Европе, они определяли её варварские черты и ассоциировались с современными татарами. «Скифы были известны по той важной роли, которую им отводил Геродот в своей четвёртой книге, рассказывая о том, как они сопротивлялись персам, приносили в жертву пленных, пили кровь своих поверженных врагов. Франсуа Артог предположил, что для Геродота и греков скифы были воплощением культурной «инакости» и что неопределённость античной географии превратила скифов Геродота в «народ, живущий где-то посередине между двумя мирами, на границах Азии и Европы».

Мы думаем, что скифов, идеализированных уже в античности, вполне можно рассматривать как предтечу образа «естественного человека», концепция которого сформировалась в европейской философской мысли XVIII в. под влиянием Д. Локка, критически переосмыслившего теорию «врождённых идей» и провозгласившего практический опыт единственным источником человеческого существования. Руссо пришёл к выводу о том, что «естественный человек» отличается от «общественного человека» как участника различных социальных отношений, накладывающих свой отпечаток на его «естественную» природу и искажающих её.

Руссо утверждал, что науки, письменность, искусство являются худшими врагами морали, а «естественный человек» добр, целостен, биологически здоров, морально честен и справедлив. Дикарю не позволяют поступать дурно не просвещение и не законы, а естественное отношение к страстям и незнание пороков. Если Руссо утверждал, что «природный» источник человеческой души чист, а цивилизация и культура делают его мутным, то Вольтер полагал, что «естественное» начало человеческой природы является основой социальных бедствий современного мира. Под пером Руссо «благородный дикарь» стал идеалом добродетели, а Вольтер доказывал, что само по себе «естественное» состояние является лишь сырой основой, облагородить которую могут лишь опыт и рассуждения, т.е. цивилизационные усилия, без которых «естественный человек» остаётся не более чем дикарём.

Вот здесь-то просветители вспомнили о скифах, чуждых цивилизационному началу, победивших самого персидского царя Дария. Вольтер пишет в 1767 г. трагедию «Скифы», в которой обращается к изображению простых людей, нарушая классицистическую традицию выбирать героев из высших, привилегированных слоёв, тем более, если речь идёт о таком высоком жанре, как трагедия. В предисловии к трагедии Вольтер пишет: «Несколько дерзким, возможно, покажется изображать пастухов и земледельцев рядом с высокопоставленными особами и смешивать сельские нравы с нравами двора. Но ведь это театральное новшество целиком почерпнуто из природы. Можно даже представить эту простую природу героической и заставить говорить воинственных и свободных пастухов с тем

**ПОПУЛЯРНЫЕ АФОРИЗМЫ
АНАХАРСИСА**

Чтобы не стать пьяницей, достаточно иметь перед глазами пьяницу во всём его безобразии.

Удивительно, как при начале пира пьют из малых чаш, а с полными желудками – из больших.

Рынок – это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать друг друга.

Первая чаша принадлежит жажде, вторая – веселью, третья – наслаждению, четвёртая – безумию.

Лучше иметь одного друга многоценного, чем многих малоценных.

Виноградная лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.

Закон – паутина: маленькие насекомые погибают, крупные же благополучно пребываются.

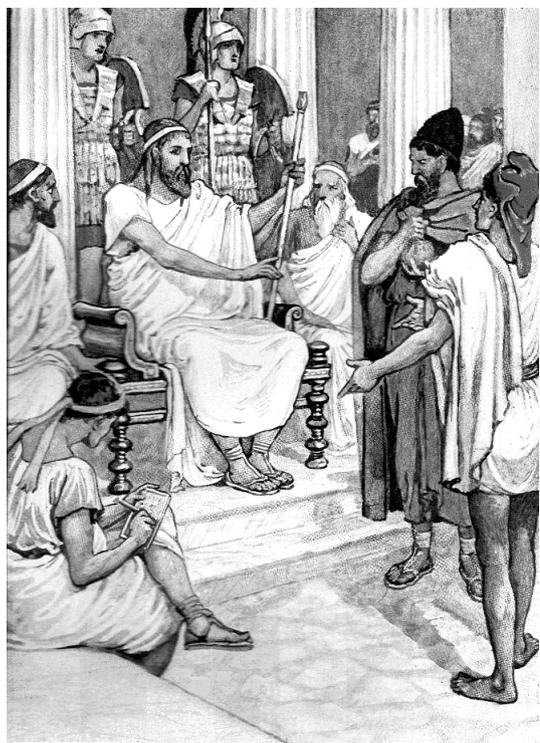
величием, которое поднимается над низостью, столь несправедливо приписываемой нами их состоянию».

В этой трагедии Вольтер сталкивает обитателей причерноморских степей с персами, в «Китайском сироте» вступают в конфликт полудикие монголы из войска Чингисхана с носителями высокой культуры китайцами, в «Гебрах» – дикие племена солнцепоклонников с римлянами, в «Законах Миноса» – лесные жители сидонцы с более цивилизованными земледельцами. «Эти столкновения различных персонажей, стоящих нарочито на разных ступенях культурного развития, подсказаны Вольтеру, возможно, Руссо, но решение конфликтов совсем не руссоистское. Писатель признаёт в «естественных» народах простодушие, правдивость, своеобразную гуманность, он видит, что в «естественном» состоянии люди склонны к благородству, среди них царит равенство, которого не знает цивилизованное общество. Но Вольтер не скрывает, что «естественный» человек прост, добр, но одновременно необуздан в проявлении своих страстей и безмерно жесток. Так, в «Скифах» вдова убитого должна своими руками принести искупительную жертву, солнцепоклонники-гебры оказываются в тисках жестокого религиозного фанатизма, они необразованны, а потому подозрительны и недоверчивы», – пишет А. Д. Михайлов («История Всемирной литературы» в 9 томах, т. 5. М., 1988, с. 122).

В повести «Простодушный» (1767) Вольтер сталкивает Гурона, неиспорченное «дитя природы», француза, воспитанного индейцами-гуронами, с современной писателю Францией. Руссоистскому «естественному человеку» оказываются чужды и непонятны европейские нормы жизни, он судит обо всём с точки зрения «естественного права», не признаёт никаких моральных ограничений. В начале повести Вольтер добродушно подсмеивается над Гуроном, иронизирует над руссоизмом, но в финале показывает, к каким несообразностям может привести поведение «естественного человека», игнорирующего нравы цивилизованного общества.

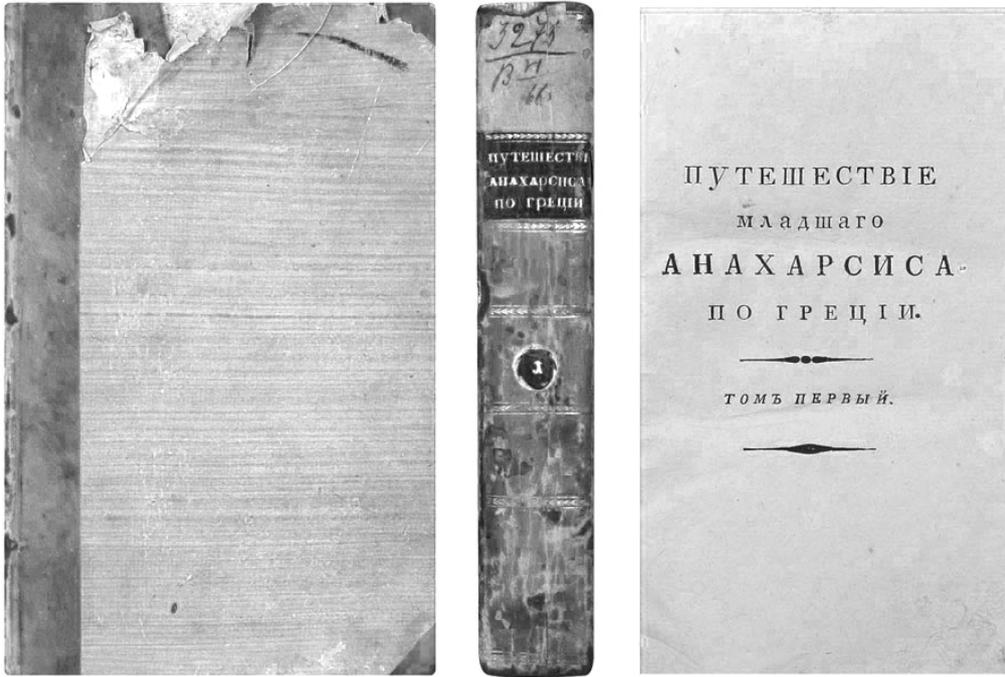
Нам представляется, что предтечей Простодушного можно считать вполне реального человека – Анахарсиса, который воспринимал эллинское общество с позиций скифов, живущих в причерноморских степях естественной жизнью по своим законам, близких к природе, мужественно отстаивающих свою землю. Он первым высказал своё нелюбимое суждение о греческом обществе с позиций «инакости» и стал идеализированным воплощением мудрости «естественного» человека.

В 1748 г. в Париже увидел свет роман Жан-Жака Бартеlemi (1716–1795) «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» («Путешествие молодого Анахарсиса по Греции»). Автор романа – французский археолог и лингвист, дешифровавший надписи на финикийском языке, член французской Академии надписей и изящной словесности, писатель, основоположник жанра «археологический роман». Жан-Жак сначала готовился к духовной карьере, но вскоре посвятил себя изучению древностей. В 1754–1757 гг. он совершил путешествие по Италии с археологической целью.

и изящной словесности, писатель, основоположник жанра «археологический роман». Жан-Жак сначала готовился к духовной карьере, но вскоре посвятил себя изучению древностей. В 1754–1757 гг. он совершил путешествие по Италии с археологической целью.

«Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» стало самым известным романом автора, он был переведён на многие европейские языки, на русский язык переведён на средства Александра I. Это яркая и правдивая картина семейных нравов и общественной жизни греков IV в. до н.э., написанная в форме лёгкого общедоступного повествования. Главный герой – молодой скиф Анахарсис – отправляется в Грецию для получения образования, он назван по аналогии с Анахарсисом-мудрецом, совершившим поездку в Элладу двумя-тремя столетиями раньше. Впервые в литературе Жан-Жак Бартеlemi использовал вещественные памятники для изучения не самих вещей, а как средство для познания истории общества, создавшего эти вещи. Роман был опубликован за год до революции во Франции и отразил настроения европейских вольнодумцев, их интерес к принципам гражданской свободы. Исполненное пафоса свободолюбия, произ-

Бартелеми Ж-Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Рождества Христова: [в 9 т.]. Москва, 1803–1819. Т. 1.

ведение привлекло внимание читающей и мыслящей России, нашло отзвук в творчестве Ф. Глинки, А. Грибоедова, Н. Карамзина. Книга Бартелеми была в библиотеке Пушкина, под её впечатлением в стихотворении «Вельможа» поэт сравнил с Анахарсисом путешествующего по Европе князя Юсупова: «И скромно ты внимал /за чашей медленной арфею иль деисту, /как любопытный скиф афинскому софисту».

Личность мудрого скифа привлекла к себе внимание Клоотса (Жана Батиста, 1755–1794), одного из активных деятелей Великой французской революции. По происхождению это прусский барон, приехавший во Францию в 1766 г., где сблизился с энциклопедистами и, прочитав роман Жан-Жака Бартелеми, принял имя Анахарсис. В 1789 г. Клоотс стал членом Якобинского клуба, во время революции принял французское гражданство и был избран в Конвент в 1792 г. Он предложил осуществить насильственную дехристианизацию, проповедовал идею «всемирной республики», для чего требовал объявления войны европейским государствам, а когда война началась, – её продолжения вплоть до создания «всемирного союза республик». М. Робеспьер и его сторонники не согласились с такой программой Клоотса-Анахарсиса, он был исключён из Якобинского клуба, устранён из Конвента и был казнён вместе с другими эбертистами, представлявшими крайне левое течение среди якобинцев.

Писатель-краевед Андрей Березин из Казахстана сообщает фантастические сведения о сыновьях Анахарсиса. Оказывается, у Анахарсиса были сыновья, хотя известно от самих современников мудреца, что детей у него не было. Но очень хочется, чтобы были! «После смерти мудреца у него остались шестеро сыновей: Ак, Пан, Жан, Бал, Бек. (Мы внимательно перепроверили текст в интернете, пересчитали сыновей и не нашли ответа на вопрос, куда делся шестой сын. Эта история очень похожа на историю с детьми лейтенанта Шмидта. – Прим. Л. Ш., О. Б.). Уже в следующем поколении власть царей скифов перешла к его потомкам, которые разделили подвластные дузы (территории) на три административно-военные территории. Отныне история Великой Степи будет связана с именами его сыновей: Ак, Жан, Бен. Это им судьбой выпало возглавить стороны света: Ак Арыс – восход солнца (Улы дуз), Жан Арыс – центр (Ората дуз) и Бек Арыс – закат солнца (Киши дуз). По пути узнаём: Анахарсис – выдающийся философ саков Арыс. Он «предстаёт перед современным читателем и высокообразованным учёным-философом, и путешественником, и писателем, и врачом, и даже изобретателем. По легендам, именно скиф Анахарсис изобрёл якорь, усовершенствовал парус и гончарный круг». (Андрей Березин. Мудрец сакской степи).

Воистину, как сказал поэт: «О сколько нам открытий чудных /Готовит просвещенья дух!»

Анахарсис – шашист. И не только... Не даёт Анахарсис покоя некоторым современным «мудрецам». Е. А. Кадников установил, что, оказывается, Анахарсис с раннего юношеского возраста научился играть в шашки, стал хорошим шашистом, отличным охотником, музыкантом и освоил оружие воинов. Принципы игры в шашки Анахарсис ввёл в военное дело, скифы стали обучаться игре в шашки. Играя в шашки, Анахарсис усовершенствовал скифские стрелы: он утяжелил наконечники стрел шашками и тем самым изобрёл дальнобойные стрелы. Но «всего, что знал ещё» Анахарсис в трактовке таких «мудрецов», «пересказать» нам «недосуг». (Кадников Е. А. Шашечные арабески). Где же здесь так усиленно проповедуемая античностью и её представителем – скифским мудрецом – мера! Хотя бы мера вымысла!

Каковы же итоги нашего путешествия между Сциллой и Харибдой по греко-скифским местам, связанным с именем Анахарсиса?

1. Личность Анахарсиса представляет интереснейший культурный феномен, общий как для античной Греции, так и для Скифии.

2. Несмотря на недостаточное количество достоверных источников о жизни и деятельности Анахарсиса и значительное количество легендарных сведений о нём, научное сообщество считает этого мудрого скифа реальной личностью.

3. Для более полного и достоверного представления об Анахарсисе необходимо основываться на научно корректных знаниях о Скифии и Элладе времени Анахарсиса (VII–VI вв. до н.э.), сочетая трезвый аналитический подход к источникам с внимательным отношением к гипотезам, вполне уместным в данном случае.

4. Высказывания мудрого скифа и всё его пребывание в Элладе и других странах убедительно свидетельствуют о том, что Анахарсис не затерялся на общем интеллектуальном фоне своего времени и занял достойное место в сонме мудрецов Древней Греции. Особый интерес греков к высказываниям и личности Анахарсиса был вызван его критической оценкой достижений древнегреческой цивилизации с позиций «чужого», представителя культуры «варварской» Скифии. Наиболее ценным и перспективным в культурном наследии Анахарсиса в современных условиях представляется его стремление наводить мосты между «чужим» и «своим», желание и умение понять «другого».

5. На оценке личности и деятельности Анахарсиса сказалась характерная для определённых общественно-философских течений античности и просветительства идеализация образа жизни скифов, якобы не знающих социальных противоречий, живущих в согласии с природой и исповедующих принципы умеренности и простоты. Анахарсис стал средоточием привлекательных черт скифского образа жизни, идеальным скифом.

6. Во многих современных материалах об Анахарсисе явно прослеживается тенденция гиперболизации масштабов личности Анахарсиса и его деятельности, не имеющая серьёзного научного обоснования.

7. Анахарсис, внёсший свой вклад в развитие культур многих древних народов, в том числе в культуру Украины, в её скифский слой, заслуживает более основательного закрепления в исторической памяти Николаевщины и Украины.

Судить о том, насколько успешным было наше путешествие, предоставляем читателям. Мы не настаиваем категорично на нашей правоте, но и не отказываемся от результатов нашего исследования.

Finis coronat opus. – Конец венчает дело.

Acti labores jucundi. – Оконченные труды приятны.

Шкаруба Леонид Михайлович. Кандидат филологических наук. Более двадцати лет возглавлял кафедру русской и зарубежной литературы Николаевского пединститута (университета), автор учебно-методических пособий, очерков по истории художественной культуры, монографий «Основы иконоведения» (2008), «Зарубежная литература в культурологическом контексте» (2011).

Баран Олег Иванович. Доцент кафедры математики и механики Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского.

Анатолій МИХАЙЛИК

ШЛЯХИ – ОБЕРЕГИ КІНБУРНУ

Регіональний ландшафтний парк «Кінбурнська коса» був створений у 1992 році, він один з перших в Україні проектів ЮНЕСКО по збереженню національного біорізноманіття. Сьогодні на території Кінбурнського півострова в акваторії Дніпровсько-Бузького лиману Чорного моря й Ягорлицької затоки вже існує ландшафтний регіональний та національний природний парк «Білобережжя Святослава», однак доля унікального природного комплексу Миколаївської області, як і раніше, викликає побоювання.

Чи збережемо унікальну природу?

Тільки на Кінбурнській косі можна спостерігати казкове чудо, коли природа ще тільки прокидається. Із вод Ягорлицької затоки плавно і впевнено виходить рожево-жовтий диск сонця, швидко відривається від води і зависає над нею. Його промені бризнули на воду і проклали на ній золотисту дорогу, а потім освітили степ, упали на дерева, на дахи сільських будинків, пофарбували їх ніжним фіолетовим кольором. І ось уже схід Сонця зазвучав як симфонія, як могутній хорал, який наповнює Землю новою силою і новим настроєм.

На Кінбурні стало тепло і затишно. Літній день розпочався...

Кінбурнський півострів – унікальне явище не тільки Миколаївської області, а й усієї України. Це симфонія кольорів і звуків, неба, суші і води. Природа створила тут особливий мікроклімат за рахунок того, що невелика смуга коси (ширина 8–10 км, довжина близько 40 км) з однієї сторони омивається прісною водою Дніпровсько-Бузького лиману, а з другої – морськими водами; посередині – соснові ліси, багато озер і трав. Тут виникла геніальна гармонія, біорізноманітний природний комплекс.

У минулі роки на косі існував рибколгосп. У наш час Кінбурнська коса вже не є економічно привабливою територією. Сьогодні вона поступово перетворюється в рекреаційну та туристичну зону. Ця територія стає сферою спілкування людей з природою, місцем збагачення нашої духовності, формування почуття краси, оптимізму та психічного здоров'я.

На Кінбурні створено два природних парки, існують об'єкти Чорноморського державного біосферного заповідника – це сім островів, Волижин ліс та Ягорлицький орнітологічний заказник. Створення заповідних зон сприяє збереженню та раціональному використанню унікального природного комплексу Кінбурну.

Загальна площа національного природного парку становить 35223,15 га. Фауна налічує близько 5 тисяч видів тварин: з них 45 видів ссавців, 300 птахів, 9 плазунів, 8 земноводних, 74 риб, близько 4 тисяч комах, 160 павукоподібних, 55 ракоподібних, 63 молюсків. 159 видів тварин занесено до Червоної книги України та міжнародних списків. На косі зростає близько 600 видів судинних рослин. Тут знаходиться близько 300 видів птахів, частина з яких виводить пташенят. Понад 60 видів птахів

занесені до Червоної книги України. На водах коси можна побачити лебедів, пеліканів, чаплю білу і чаплю сіру, орлана білохвостого, мартина жовтоногого, кулика довгоногого та інших. Тут водяться і небезпечні для людини представники комах, рептилій, риби. Це, в першу чергу, гадюка степова, полоз сарматський, павук каракурт (чорна вдова), скат морський. При зустрічі з цими видами люди повинні вести себе досить обережно, не турбувати їх, адже укуси можуть бути смертельними.

На косі росте багато лікувальних трав. Можна сказати, що коса – це безкоштовна зелена аптека під відкритим небом. Багато різних видів м'яти, росте чебрець, безсмертник піщаний, золототисячник, звіробій та багато інших трав. Усе це – великі дари природи, які потрібно охороняти.

Знайомство з Кінбурнською косою розпочинається з доріг. Як і все на косі, дороги тут особливі, вони мають свою специфіку. Щоб потрапити на косу, потрібно знати характер кінбурнських доріг, знати, на якому транспорті можна дістатися до поселень, знати, куди виведуть тебе дороги і куди заведуть. По-перше, тут усі дороги прокладені по глибокому піску. По-друге, на косі багато шляхів, і їх потрібно запам'ятати, щоб за світловий день дістатися призначеного місця. По-третє, дороги постійно змінюють свої напрямки: якщо дорога розбита транспортом, то її залишають і прокладають нову. По-четверте, дороги на косі ніколи не бувають нудними й одноманітними. Вони пролягають біля озер, через сосновий ліс, через високі трави лугів, біля берега моря. Для людини, яка вперше їде по косі, – це екскурсія заповідними місцями. За вікном автомобіля постійно змінюється пейзаж, з'являються різні птахи, тварини.

Вісімнадцять-двадцять кілометрів від села Геройського до Покровки люди сприймають як лабіринт, із якого важко вибратись. Кінбурнська земля дуже мудра, вона не бажає легко відкривати свої незаймані місця, а тому важкі дороги виступають оберегами природи. Більшість місцевих вважає, що коли б була одна дорога з твердим покриттям, то низький рівень екологічної культури наших людей перетворив би землю коси на піщану пустелю.

Дороги, як павутина, пересікають Кінбурнський півострів різними напрямками. Вони то розходяться, то знову сходяться, то повертають вправо, то вліво, зникають у високих трав'яних заростях. З цієї причини гостям коси важко зрозуміти логіку розташування місцевих доріг, а тому вони часто блукають і ночують у степу. У місцевих мешканців існує цікавий вираз: «На косі сто доріг, по якій підеш – та і твоя». Ставлення до доріг дуже різне: одні вважають, що на косі багато доріг, а інші кажуть, що тут доріг взагалі немає, одне бездоріжжя. Рацію мають і ті, й інші.

Раніше люди на косі ходили пішки, їздили на возах, які тягнули бики або коні. У недалекому минулому надійним транспортом були важкі мотоцикли. У різні часи вдень і вночі на косі то тут то там можна було чути, як працювали двигуни мотоциклів. У наш час ніхто на косі уже далеко не ходить пішки, кінна повозка теж стала рідкістю. Кінбурнськими пісками все більше їздять імпорتنі джипи. Кожного дня можна почути, як натужно гуркотять КамАЗи, «Урали», трактори та інші потужні машини, які доставляють будівельні матеріали. Тиха, спокійна коса прокидається від звуків будівельників, які завзято споруджують нові житла, котеджі та бази відпочинку.

Техніка розбила, покалічила усі старі дороги, а щоб не засісти у пісках, водії намагаються об'їжджати небезпечні місця по узбіччях – і під колесами автотранспорту зникають лікарські та інші рідкісні рослини.

Кінбурнські шляхи – унікальні як у природному, так і в історичному плані. Якби вони могли говорити, то, мабуть, розказали би про те, що у 1735 році запорозькими козаками була створена Прогноївська паланка (сучасне село Геройське). Паланка була центром козацького управління південної території. Вона нараховувала більше півтисячі козаків. Вони вели господарство, ловили і в'ялили рибу, заготовляли для домашніх тварин сіно, вивозили багато солі з місцевих озер у Запоріжжя, в центральну Україну і навіть до Польщі. А щоби сіль не розтавала під жарким серпневим сонцем, на возах влаштовували щось на зразок холодильників: нарощували з очерету високі борти та верхівку.

Кінбурнські дороги могли би розповісти і про славного О. В. Суворова, про його криваву битву з турками, у якій взяли участь 5 тисяч яничар і одна тисяча російських військ. Така героїчна перемога не повинна зникати з пам'яті нових поколінь. Війська О. В. Суворова стояли на смерті, сам полководець отримав два поранення і був на грані смерті, але продовжував командувати військом. Багато людей загинуло в цій битві, вузька стрічка коси і берегова вода були устелені трупами. Із великої кількості турків до Очакова повернулись лише 700 чоловік, решта полягли на косі.

Дослідники історії, археології засвідчують, що в античні часи по дорогах Кінбурну ходили стародавні греки, кіммерійці, таври та скіфи, слов'яни. Одна із грецьких легенд розповідає, що біля

берегів Кінбурну відбулась битва греків з троянцями. У битві переміг Ахілл і на честь перемоги влаштував спортивні легкоатлетичні ігри. На основі цієї події Кінбурнська коса (у ті часи це був острів) отримала назву Ахіллів біг, або Ахіллів дром – бігова доріжка. На карті 1590 року зафіксована назва Кінбурнського півострова «Dromos Achillis».

А якщо по дорозі із Покровки на Геройське повернути вправо і виїхати на лівий берег Ягорлицької затоки, то дорога приведе на озера, де люди в літню спеку добували самосадну сіль. За сіллю приїздили чумаки, що засвідчують чумацькі пісні про Кінбурн. Це прекрасна йодиста морська сіль, вона має біло-голубий відтінок і морський аромат. Мало хто бачив, як утворюються кристали солі на поверхні випареної під сонцем води озера. Кінбурнська сіль – це дивне явище природи. Місцеві люди використовують таку сіль для в'ялення риби, м'яса, для засолювання грибів.

Дискусія щодо кінбурнських шляхів ніколи не стихала. Одні вважають, що чим гірші дороги на косі, тим менший буде наплив людей, а тому краще буде зберігатися природа краю. Інші стоять на тому, що збереженню рослинності коси може допомогти будівництво єдиної дороги. За наявності такої дороги автомобілі перестануть руйнувати рослинність степу. Транспорт, який буде їхати однією дорогою, не буде лякати живність, давити їжаків, вужів та птахів. Одна дорога допоможе зробити в'їзд і виїзд людей більш контрольованими.

З кожним роком потік людей на косу збільшується, його зупинити, мабуть, не вдасться. У зв'язку з цією ситуацією гостро постає проблема екологічної культури відпочиваючих. З цією метою – ознайомлення з правилами поведінки на косі, доведення до них інформації про те, що можна робити, а чого не можна. Людям, які приїхали на відпочинок, обов'язково потрібно проводити інструктажі про правила поведінки з небезпечними мешканцями Кінбурну: зміями, морськими скатами та каракуртами, надання першої допомоги при укусах. Можна згадати десятки прикладів, коли люди не вміють відрізнити полоза від вужа, а вужа від отруйної змії і вбивають красенів, сприймаючи їх за ворогів.

Про екологічну культуру

Перед національним парком стоїть важливе завдання – розширити та поглибити екологічні знання відпочиваючих та любителів природи. У літні місяці на косі перебуває багато інтелігенції: педагоги, художники, музиканти, лікарі, спортсмени та студенти. Вони здатні брати участь у патрулюванні місць, де є скупчення людей. Виїзди до таких місць можна проводити на транспорті відпочиваючих. Парку потрібно видавати більше інформаційних листків, буклетів, альбомів, використовувати засоби масової інформації для підвищення екологічної культури гостей.

На Кінбурні за останні роки накопичилось багато серйозних проблем, які потрібно терміново вирішувати: зменшилась кількість риби, різко знизилась кількість морського бичка. У минулі роки, коли людина заходила у воду Ягорлицької затоки, зграя мальків тікала з-під ніг. Зараз над водою затоки навіть чайки не літають через відсутність бичка, який служив для них кормом.

Через перевантаження сосновим лісом території коси багато озер висохли, їхню воду випила сосна, а відтак перестали гніздуватись дикі качки. Люди безконтрольно виловлюють креветку, перетворивши продаж на бізнес. На ринках Миколаєва, Одеси йде жива торгівля креветкою, її завозять із коси мішками. Складається така ситуація: немає у водоймі креветки – немає риби, немає риби – немає птиці.

Місцеві жителі ще не забули, як років вісім тому води Ягорлицької затоки день і ніч утюжили київські катери з двома моторами. Капітани катерів мали київські ліцензії і вели себе на водах затоки як справжні господарі. За одну ніч вони виловлювали по 50 відер креветки.

Є ще одна біда для природи Кінбурну – це сотні грибників, які з'являються в лісах у пошуках білого гриба. У сезон на лісових дорогах їздять мікроавтобуси, збір грибів носить варварський характер. Лісами з граблями й крючками ходять люди, які в пошуках грибів перевертають лісову підстилку. Вони намагаються взяти від природи все. Варварське і стихійне полювання потрібно припинити, запровадивши ліцензії на збирання грибів, і видавати їх за невеликі кошти, рівномірно розподіляти грибників по ділянках лісу.

У вихідні дні кінбурнські гаї наповнюються гуркотом та звуковими сигналами машин, криком людей. А куди діватись бідним тваринам лісу, де знайти спокій та захист? Це дуже важливе питання, яким повинен займатися національний парк. Якщо проблема залишиться стихійною, то через дуже короткий відрізок часу ліс буде мертвий, у ньому не залишиться ні тварин, ні птахів. Тут не йдеться

Ягорлицька затока

про заборону відвідувати ліси і збирати гриби, мова йде про упорядкування і припинення стихії зі знищення природи. Існує багато засобів упорядкування цього питання, наведемо один із них. Катер із Очакова до хуторів іде 40–45 хвилин. Ці хвилини і потрібно використати для бесіди з пасажирами катера, особливо з тими, хто їде на косу вперше: розказати про місцевість та її мешканців, про те, як потрібно поводитися на цій дивовижній землі, як відрізнити їстівні гриби від отруйних. З кожним роком на Кінбурні накопичується все більше і більше екологічних проблем, їхня кількість збільшується швидше, ніж підвищується рівень екологічної грамотності людей. Природа не встигає ліквідувати сліди, які залишають після себе недбалі люди.

Ідеться, насамперед, про накопичення неорганічних смітєвих звалищ, оскільки такі відходи не утилізуються. У кращому випадку сміття вивозять на окраїну селища або в степ і там його залишають. Із вікон машин люди на ходу викидають пластикові пляшки, целофанові пакети та інше сміття, яке ніхто не збирає. На косі не визначені офіційні місця збирання сміття. Кожен викидає його там, де йому зручно.

На Кінбурні працюють декілька готелів і баз відпочинку, кожен літній сезон вони приймають чимало людей. Це готель «Пелікан», «Крута осип», «Таврія». Незважаючи на заборону створювати готелі в заповідних зонах, будуються нові відпочивальні комплекси. Готелі є великими забруднювачами природи. Вони не мають надійних очисних споруд. Викиди від туалетів, кухонь й інших побутових об'єктів скидаються у вигрібні ями, а потім вони потрапляють у ґрунтові води, забруднюють і отруюють їх, наносять велику шкоду кінбурнській воді. Вода півострова за аналізами санстанції класифікується як вода першого класу. Вона не має в собі металів, сольових розчинів та органіки. Кінбурнська вода приємна на смак, легка і має лікувальні властивості. Такої води на інших територіях Миколаївщини не існує.

У наші дні люди, які не вдаються до глибокого аналізу процесів Кінбурнської коси, вихваляють її чарівну природу. Це правильно. Ця природа дійсно чарівна, заслуговує преклоніння. Але стан роботи місцевої охорони природи потребує більш критичного ставлення. Кінбурнською косою потрібно не тільки милуватися, а й захищати, приймати ділові рішення для її спасіння.

Представники інтелігенції, історики, археологи, екологи сильно переймаються долею Кінбурну, вони стурбовані тим, що про косу багато пишуть, дискутують, але ефективних кроків з оздоровлення унікальної землі немає. Небайдужі люди пропонують декілька сценаріїв розвитку рекреації на Кінбурнській косі. Один із наукових варіантів полягає в тому, щоб виробити показники рекреаційного навантаження на одиницю площі за одиницю часу. Пропонують будівництво нових баз відпочинку та готелів. Однак за відсутності санітарних заходів та очисних споруд такі об'єкти несуть

загрозу екосистемі Кінбурну. Перспективним є будівництво туристичних баз у місті Очаків. Врятувати ситуацію може сільський зелений туризм, завдяки чому можна залучити місцеве населення до процесу створення системи культурного відпочинку і створити робочі місця.

Для кого існують природні зони?

Національні парки, заповідні зони існують не для людей, а для вільного життя і збереження тварин. Природні місця цікавлять туристів тоді, коли там можна спостерігати різних тварин у природних умовах, коли у тварин немає кліток, немає наглядців, як у зоопарку. Коли ж у лісі немає тварин і птахів, то він цікавить тільки лісників, які вирощують і використовують деревину. Років 10–15 кінбурнські ліси були наповнені різними тваринами – птахами й звірами. По лісу, болотами бігали стада диких свиней, дикі кози, зайці та фазани. Та, на превеликий жаль, кабанів у кінбурнському лісі вже не побачиш. Ці сильні, «розумні» звірі покинули ліси й очерети півострова. Однією з причин стало те, що в кінбурнські ліси зайшли із Херсонщини вовки. Вони не нападали на дорослих диких свиней, такі випадки були вкрай рідкісними, вовки виїдали порослят, і доросле покоління покинуло ці краї. Ці агресивні звірі на людей не нападали, але вони різали домашню худобу, коней, овець. Вовки виїдали й домашніх собак. Уранці господарі знаходили тільки кістки та шкуру своїх домашніх сторожів. Нерідко й від залишеної на вулиці корови чи теляти теж залишалися лише шкура та кістки. У звичайних селах уночі, коли люди сплять, вахту несуть дворові собаки – подають голоси. А коли вовки виїли усіх собак, сільська ніч на косі стала беззвучною і тривожною, адже поряд могли бути вовки. Після того як їжі не стало, вовки повернулися на Херсонщину.

У минулі роки досить вільно себе почували на косі дикі свині. Можна було зустріти стадо до 10 і більше голів. Їжі на всіх не вистачало, і кабани взялися за сільські городи. Підбирали все, чим можна було поживитись. Особливий інтерес свині мали до моркви, буряків, полуниці та спілого винограду. На городи нападали в нічні години, коли всі міцно спали. Людей сильно не боялись, але й не нападали. При зустрічі намагались утікати. Напасти могла свиноматка, але тільки в тому випадку, коли бачила загрозу для порослят.

Відносно людей і кабанів часто набували гумористичного характеру. Перед тим як лягати спати, люди обходили свій город і дзвонили у рейку – відлякували свиней. Таку процедуру кожен вечір виконувала бабуся Шура з Покровки. Якогось разу поскаржилася сусідові на свиней, які в нічний час роблять велику шкоду, вислухав бабусю сусід і дав пораду: «Перестаньте бити у рейку, а то свині сприймають ваші звуки, як команду збиратися на вечерю».

Ще один епізод. Дикі свині занаділись куштувати спілу полуницю. Господар, він же мисливець, недалеко від полуниці поставив палатку і став з рушницею чекати гостей, але свині не з'явилися. А коли вранці зійшло сонце, він задрімав. Через годину прокинувся і побачив, що свині поїли усю полуницю.

Дикі свині досить кумедні на вигляд: товстий тулуб, короткі ніжки, витягнуте рило. Незважаючи на те, що вони не мають спортивної статури, свині дуже динамічні і швидко бігають. Якщо почули небезпеку, то за декілька секунд зникають з поля зору. На біг досить витривалі. Мисливці стверджують, що кабан з пробитим серцем може бігти ще 200–300 метрів.

Свині досить хитрі й обережні, мають добрий слух і нюх, а ще можуть годинами стояти в засаді, терпляче вичікувати моменту для нападу на городи. Перехитрити диких свиней дуже важко. Усі дії стадо виконує за командою вожака.

Років десять тому на косі можна було зустріти два табуни напівдиких коней, по 27–30 голів у табуні. Вони вели самостійне життя, ніякого догляду з боку людей не потребували. Свобода, наявність прекрасної трави, звільнення від тяжкої роботи стали важливою умовою їхньої краси, привабливості. Спостерігати за ними – велике задоволення: одні паслись, молодняк вибрикував, деякі особини лягали на спину і перекичувалися з боку на бік. Коні людей не боялись, але близько до себе не підпускали: коли хтось із людей наближався до табуна, назустріч рішуче виходив сміливий вожак-жеребець. Наступ його був агресивний, він готовий захищати свій табун. Усі коні ситі, з округлими боками, довгою гривею і хвостом. Хіба можна їх порівняти з тими, які тягнуть воза, орють землю та перевозять вантажі. В їхній генетичній пам'яті прокинувся образ далеких пращурів, які не знали важкої роботи, не мали досвіду рабської праці на людей, вели вільний спосіб життя. Кінбурнські коні наче демонструють перед людьми свою свободу, вільне життя, свою енергетику. Коли б вони могли говорити, то висловили людям докірливі слова про те, що їх, замучених важкою працею, хворих, вигнали на

природу помирати, але вони не загинули, поступово відродились, з'явилися нові сильні покоління. Вижити їм допоміг досвід диких коней, які знали, як існувати без людей у холод і в спеку.

Коли коні отримали статус приручених тварин, то за них думали люди. Вони їх годували, поїли, взимку захищали від холоду. А коли здобули свободу, то їм прийшлося турбуватися про своє виживання самотужки. Дикі чи напівдикі коні дуже розумні істоти, в їхньому житті все продумано й організовано. Так, наприклад, зимою вони пробивали собі у високих товстих комишах вузький коридор, а за ним витоптували круглий манеж, у якому гуртом переживали морозні часи. Молодняк, який страждав від холоду, пропускали у середину табуна і гріли своїм теплом.

І сьогодні у них усе прекрасно, але не дай Боже попасти до людських рук, які тут же здадуть їх на м'ясо, як було вже не раз. У наші часи на косі знову з'явилися вільні коні. Дуже хочеться, щоб вони вижили і стали прикрасою кінбурнської природи.

Населення Кінбурнської коси

Сучасне населення Кінбурнського півострова формувалось у залежності від тих історичних подій, які відбувались навколо. Історики виділяють три історичні групи населення Кінбурну.

Перша група – це нащадки козаків, які мешкали на косі з XVII ст. Це сім'ї – Василенки, Руденки, Щабельські, Морози, Бурдиги, Щербані та інші.

Друга група – це нащадки селян-кріпаків з українських областей: Чернігівської, Катеринославської та Полтавської. Їхні прізвища сьогодні досить відомі: Ляшенки, Муленки, Твердовські, Ткаченки.

Третю групу селян складають нащадки російських солдат, які після служби поселились на косі і від них пішов рід. За прізвищами – це Іванови, Цветкови, Красовські, Агафонові, Бородіни, Селецькі, Федотови.

В історичному плані склад сільського населення постійно змінювався. Якщо у минулі століття на косі з'являлися прибульці і кількість населення збільшувалась, то в сучасний період фіксується загальна тенденція відтоку селян до міст. Така тенденція не обійшла стороною і кінбурнські поселення. А з іншого боку, багато людей переселяються на Кінбурн у вигляді дачників. Це сезонна міграція, яка пов'язана з відпочинком людей. У період літніх відпусток у кінбурнських селах збільшується кількість людей, а зимою села стають майже безлюдними.

У наші часи населення коси постійно змінюється. Особливі зміни відбулись у середині XX століття. Велика частина населення чоловічої статі не повернулася з війни. Усю тяжку роботу взяли на свої плечі жінки, вони ставали рибалками, заготовляли сіно для зимівлі рогатої худоби, возили в Одесу кінбурнську сіль і обмінювали її на продукти. У період засадження коси сосною жінки, і навіть школярі, виконували страшну роботу. Вони колотили у бочках з водою дуст, яким обробляли від шкідників молоді сосни. Багатьох тих людей уже немає в живих.

У післявоєнні роки населення на півострові не збільшувалось. На це було декілька причин. Власні не дозволяли місцевим жителям продавати свої садиби й оформляти документи купівлі-продажу. В кінці XX і на початку XXI століття на косі частково збільшується кількість населення за рахунок переселення пенсіонерів, які купують приватні будинки і проводять у них свою старість. Це були переселенці з Києва, Москви, Ленінграда, Одеси та інших міст. Усі вони підтримують своє здоров'я кінбурнською водою, лікувальними травами та чистим повітрям. Корінні мешканці мають свої садиби, своє домашнє господарство, за рахунок чого й живуть. Тримають велику рогату худобу, овець, кіз, деякі господарі мають коня. Жінки не мають постійної роботи, все життя працюють у приватному господарстві. Батьки, діди і прадіди кінбурнських людей завжди жили на косі, обробляли малородючу піщану землю. Чоловіки здебільшого займались рибальством, працювали в рибколгоспі, який був у селі Василівка на березі Дніпровсько-Бузького лиману. Після відміни колгоспів продовжили рибалити самостійно. Вони добре володіли рибальською справою, продовжували традиції своїх старших родичів, виготовляли прекрасні баркаси, плели сітки, досконало знали поведінку риби. Знали, в яких водах, за якої погоди і яку рибу можна ловити. Рибальська професія романтична, але дуже важка, пов'язана з серйозними ризиками, особливо в холодні пори року. Все життя їх було пов'язане з лиманом, морем. Узимку, коли риболовля зупинялась, рибакі були сердиті, в поганому настрої, з нетерпінням чекаючи, коли вода очиститься від льоду і можна буде посипати сітки.

Зимовий період для рибаків був тяжким випробуванням. Дехто поправляв свій мінорний настрій домашнім виноградним вином. У рибаків, порівняно з іншими людьми, все по-іншому. Їхнє поле –

широкі водні простори, а знаряддя праці – сітки, баркас чи фелюга. У рибаків склалась навіть своя спеціальна мова. Ось деякі приклади: бакалаз – маленький лящ; чоп – маленький судак; шаран – короп невеликого розміру; горішняк – вітер з півночі; низовка – південний вітер; широкий – південно-східний вітер.

Серед корінного населення Кінбурнської коси слід виділити працівників сільської ради, вчителів, працівників лісгоспу, природних парків та персонал баз відпочинку. На превеликий жаль, корінного населення з кожним роком стає все менше.

Ще одна група кінбурнських людей – це місцяни. Вони полюбили чорноморську природу, лісові, степові та водні краєвиди. Купили у місцевих людей садиби, привели їх до порядку і кожне літо проводять у своїх будинках. Весною на грядках висаджують овочі, у дворах розводять квіти. Ніякої живності не тримають. До природи ставляться бережливо. Серед них є люди, які багато десятиліть відпочивають на косі, спілкуються з місцевими жителями. Вони приїжджають із Миколаєва, Одеси, Києва, зі Львова. Це вчителі, бізнесмени, наукові працівники, лікарі. На жаль, їх знання та досвід керівництво Національного парку поки що не використовує.

Мешкають на косі й представники творчої інтелігенції. Більшість із них зупиняється у друзів, знайомих, на базах відпочинку, а нерідко вони живуть і в палатках. Вони поєднують відпочинок з творчою роботою. Художники зображують краєвиди, поети складають вірші. Первісна природа, самобутні люди стають об'єктами письменників, кінорежисерів і фотографів. Представники мистецтва і літератури своїми творами формують потребу берегти і захищати природу. Творчі люди більш глибоко й емоційно сприймають навколишнє життя, гостро реагують на загрози, а тому висловлюють велику стурбованість про сучасний стан Кінбурнської коси, про варварське ставлення до неї тих, кого не хвилює доля унікального краю.

Одним із поетів, який боляче переживав негативні зміни Кінбурну, був наш земляк Михайло Ковалевський. Сумну картину сучасного ландшафту він намалював у вірші «Свидание с Кинбурном» («Земное братство», 2009):

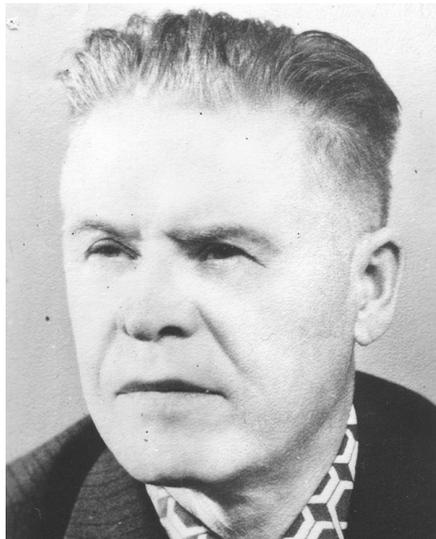
*Где редки были даже хаты,
Фазаньи гнёзда были тут,
Коттеджи и пансионаты
Сегодня, как грибы, растут.*

*Здесь сходит тишина в могилу,
Чего постичь не может ум.
И быстро набирает силу
В открытых барах пьяный шум.*

У період літніх канікул на косі перебувають школярі. Як правило, це організований відпочинок під керівництвом вихователів. Місця відпочинку бувають різні: дитячі бази, приміщення школи та будинки місцевих жителів. Діти займаються спортивними іграми, ходять у туристичні походи, купаються в морській воді та загорають. Усі жителі й туристи безкоштовно користуються дарами Кінбурнської коси, вони представляють важливу громадську силу і разом зі співробітниками національного природного парку здатні не тільки захистити флору і фауну півострова від забруднення, пожеж та браконьєрів, але і зберегти унікальний природно-ресурсний та значний історико-культурний потенціал краю.

Шлях пісками й озерами

Малагуша Василий Андреевич (1911–2007). Поэт, публицист, человек уникальной биографии и драматической судьбы. Родился в с. Гурьевка (ныне Николаевской области). Окончил Николаевский институт народного образования (ИНУ им. В. Сухолинского), где поступил в аспирантуру по кафедре литературы. Активный участник литературного движения 30-х годов, кандидат в члены Всеукраинского Союза пролетарских писателей (ВУСПП). Осенью 1937 г. по доносу секретаря комитета комсомола был арестован и осужден, отбывал наказание в Северно-восточных лагерях «Одинокий», «Пурга», «Ледяной». Реабилитирован в 1955-м. Автор сборника стихов «Сага о вечной мерзлоте» (2003).

Василий МАЛАГУША

И ВЗДРОГНЕТ ДУША...

КАМЕРНОЕ

Тебе

Когда Любви вставал «Девятый вал»,
Вам не понять, как больно
сердце ноет...
Я ржавые решётки целовал,
я видел в них
лицо твоё родное...

1938

НОСТАЛЬГИЯ

Родному селу Гурьевка

Сошлись,
сошлись концы с концами...
Печаль и радость встали в ряд.
И, словно знаки восклицанья,
над Бугом тополя стоят.
И неба синь. И запах мяты...
И в сад открытое окно...
И аист над горбатой хатой,
как чёрно-белое кино...
Вдруг
всё разрушилось, сломалось
и вмиг местами поменялось:
мой дом родительский – с тюрьмой,
и Украина с Колымой...
О, ведьма! О, злодейка-ночка!
Ну разве можно грубо так?!
Давно остыла печка-бочка,
и стужа заняла барак.
Сковали боли поясницу...
Брезент дырявый надо мной...
А мне село родное снится –
мой неповторный рай земной.

1939

МОИ ПАРТВЗНОСЫ

Приходят горькие вопросы
и больно бьют по струнам чувств...
Который год свои партвзносы
Я в партячейку не плачу?!

Но взгляд упал на щебень шалый...
И словно все тревоги – прочь!
...В колоде золото лежало,
что мы намыли в эту ночь...

По жёлтым гладким самородкам
шершавую провёл рукой...
И встал ответ – прямой и чёткий,
и сердце обрело покой.

За это время, в годы-грозы,
навет мне руки не скрутил.
Свои законные партвзносы
я чистым золотом платил.

1941

* * *

Я видел сон, что я – Буслаев,
что Буг поил меня не зря...
За мною – битвы грозной слава
и мощь в плечах богатыря.
Врагов огромной бью оглоблюю.
И пот струится по глазам...
Проснулся.
Приподняться пробую, –
э-ге-е... да я в оглоблях сам!..
И хоть со мной моя отвага, –
тяжки оглобли, как ломы...
Пять лет тащу я «колымагу» –
по мёрзлым кочкам Колымы.
Верчусь...
Поскрипывают нары...
Ворчу...
Матрац мой сбился в ком!
...Колотят в рельс.
Идут «бояре» –
вести в забой нас под штыком.

1941

ГЛУХОТА

Памяти Евгения Воецкого

Его в снегу похоронили.
Без гроба.
Средь глухой тайги.
К нему на этом свете были
бездушны люди и глухи.
Как был он в письмах непреклонен
во все «высокие» места:
«Я – не виновен...
Не виновен!..»
В ответ – немая глухота.

Когда же на лицо бедняге
набросили его бушлат, –
пришла бумага из СЕВЛАГа:
«Освободить. Не виноват...»

1943

АПОКАЛИПСИС

Герои мы ложной отваги
играли в игру «Круговерть»:
в «ГУЛАГи», «СЕВЛАГи»,
«ДУРЛАГи» –
под общим названием «СМЕРТЬ»!
Улыбаться бы Жизни нам, братцы,
но решили – рвать землю ртом:
разделяться, ругаться и... драться
(а улыбаться – потом!).
Наконец на бескрайнем погосте
наступили «покой» и «лад»...
И по-братски белые кости
в чёрной земле лежат...
Из ушибов былых и ошибок
приговор сотворила судьба.
...И не строят улыбок
пусторотые черепа...

1944

НАШ ФРОНТ

Склонила Скорбь
над полем боя Знамя.
И к вечной мерзлоте
наш фронт прижат.
Здесь Вечного огня
застыло пламя.
Здесь –
мёртвые дивизии лежат.

Колыма, 1945

НА ОТЪЕЗД ИЗ КОЛЫМЫ

Здесь я трудился до седьмого пота.
Здесь моя юность отдана на слом.
«Бой с клеветой» – такая есть работа
с извечным этим вероломным злом.

И нет судьбы страшней моей и злее.
Отвалы горные. И гордый вид!..
Здесь молодость моя, как в Мавзолее
забальзамирована временем, лежит.

Магадан, 1954

* * *

Клаве Никитиной-Дорошенко

Почему я вспомнил пилигримов?
 Может быть, я так же, как они,
 через годы шёл к своей любимой
 и терпел страдания одни.
 Чтоб достичь своей священной Мекки,
 падали паломники в пути.
 ...Но трудней, как видно,
 к человеку,
 чем порой
 к Святым местам дойти.

1957

ДИАЛОГ С ЧУДАКОМ*Борису Шубладзе*

– Отчего, чудак, твои губы синие?
 – Небо пил!
 – Почему лихо так ноги раздвинул?
 – Море переходил!
 – Отчего спина твоя в ссадинах-ранах?
 – Скалу держал!
 – Отчего грудь твоя в сизых шрамах?
 – От врага не бежал!..

От гнева мои посинели губы.
 Я прошёл колымский ад.
 Смерти самой сломал я зубы,
 не отступив назад.

1963

ПОГОРЕЛЕЦ

Шёл погорелец по России
 во времена седых эпох.
 Ему навстречу выносили,
 жалея, люди – кто что мог:
 пятак, одежду, ломоть хлеба...
 А тот, кто был и сам в нужде,
 поднимет, было, очи к небу
 и посочувствует беде.
 Нужда-беда: «Сгорела хата!»
 И нет печальнее вестей.
 Стояли люди – брат за брата, –
 как и должно быть среди людей!
 ...А у меня в дурную пору
 сгорела юность в бурях лет.
 И я бреду по коридорам
 Журналов наших и газет...

Прошу: не ради гонораров
мне дайте с миром говорить, –
чтоб погорелья без пожаров
в грядущих днях не повторить!
...Уж столько лет бреду, упрямый,
разбитый, поступаю калек...
А за дубовыми дверями –
зевок
удачливых коллег...

1970

ГОЛУБИ

Белые голуби. Алые лапки.
А в лапках – синего неба охапки.
В этих охапках – покоя по крохе.
А в этом покое – ключи от эпохи.

1985

ЭЛЕГИЯ

Прошёл и тюрьмы, и этапы –
полураздет, полубосой.
У чёрта лысого был в лапах,
у белой смерти под косой.

Терпенье!.. Не оно ли движет
наш утлый челн в родной причал?
И не оно ли – всё, чем дышит
душа, – начало всех начал?!

Знать, терпеливого я роду:
я каждый шаг терпением брал.
На мне всю жизнь возили воду,
а я – от жажды умирал...

А смерть уже готовит бирку...
И сердце глупое болит, –
как будто в нём пробили дырку,
забыв награду привинтить.

Минск, 2001

* * *

И вздрогнет душа, –
только струны тронь.
И войдёт в сердце теплота.
...Кому – вечная память,
кому – вечный огонь,
кому – вечная мерзлота.

Дмитро КРЕМІНЬ

ІЗ ЧЕРВОНОГО Й ЧОРНОГО ШОВКУ

* * *

Все життя прогинатися мусили
Під чужинцями в ріднім краю.
Все життя дослухаюся музики,
Щоб, нарешті, почути свою.
Із червоного й чорного шовку
Перед смертю сорочку беру,
Не заради тебешного шоу,
Ради сліз, що пливуть по Дніпру.
Від минулого шрам не зітерся.
Камуфляж, а потерте хебе...
Україна,
Сестра милосердя,
Всіх жаліла, але не себе.
Що за час на твоїм циферблаті?
Що за проклятий аспидом тать?
І чиї перед Києвом раті,
А чи коні Батія стоять?

* * *

де три епохи ув одній –
шукаю спалений сувій
тут у монаха-чорноризця

соснові сходяться бори
не говори
не говори
про наші дні що тут зійшлися

зійшлися наші імена
постали древні письмена
в епоху квазі-інтернету

та з тих століть
до цих століть
одкрита келія стоїть
свіча пророкові-поету

і коми й титли пише він
а в нас – епоха перемін
і б'є обідню мідний дзвін
і вічність знов зістала миттю

Кремінь Дмитро Дмитрович. Поет, публіцист, есеїст, перекладач. Народився в с. Суша Іршавського району Закарпатської області 21.08.1953 р. Закінчив філфак Ужгородського держуніверситету (1975). Автор 20 поетичних книг. Книга Д. Креміня в англійських перекладах Світлани Іщенко та Рассела Торнтонна «Скіфські треноси Дикого Поля» вийшла в Британській Колумбії (Канада, 2016). Переклав цілий ряд сучасних словацьких поетів для серії «Між Карпатами і Татрами» (2011-2017) і сам виходив у словацьких перекладах. Лауреат республіканської літературної премії імені Василя Чумака (1987), культурологічної обласної імені Миколи Аркаса (1994), Державної премії України ім. Т. Г. Шевченка (1999), всеукраїнських літературних премій імені Володимира Свідзінського (2011), Зореслава (Севастіана Сабола), Володимира Сосюри (обидві – 2013), Леоніда Вишеславського «Планета поета» (2014). Член Національної спілки письменників України (1979), голова Миколаївської обласної організації НСПУ (2010). Член Правління НСПУ (2011). Головний редактор літературно-художнього журналу «Соборна вулиця». Член редколегії журналу «Київ». Переможець програми «Городянин року» – «Людина року» (2016). Заслужений діяч мистецтв України (2016). Стипендіат Президента України (2017). Доцент Міжнародного класичного університету імені Пилипа Орлика (2015).

ковток церковного вина
благословенні письмена
карбовані на дзвоні міддю

тут гомін древньої Руси
тут вічний голос України
і ти свій хрест важкий неси
крізь день і ніч
соборні стіни

* * *

Ми – і бідні, й багаті.
Наші ночі та дні
Догорять у багатті
На вечірній Десні.
Все розкриємо навстіж...
І шепоче ріка
Те, що нашому щастю
Ще нема й сорока.
Живемо не роками –
Ще нам довго іти,
Де завжди рушниками
Обійняті хрести.
Тут багатство і злидні...
А лежать у землі
Тут багаті і бідні,
І старі, і малі.
І вогонь самогону,
І кружок огірка,
І життя по закону –
Все розкаже ріка!

* * *

На монастирському дворі –
Немов у томику Тесленка.
Ченці у ризах, і тоненька
Стежина з храмом угорі.

Поважна братія отут...
Відомий день. А рік? Століття?
Неначе свічечка зотліла,
Середньовічний цей маршрут.

І ревно моляться за мир
Живі, які живуть війною.
І грім гримить поза Десною,
А на ріці закрутить вир.
У Домниці, де монастир,
Господь зустрінеться зі мною...

ІВЕРІЯ

Що нам срібло і злото,
 Де Іверія сниться?
 Три грузинки на фото.
 Кожна – в чорнім, як птиця.
 І грузинській Сибіллі –
 Чорно-біле на чорнім!
 Вже самі посивілі,
 Книгу літ перегорнем.
 Певно, це Кутаїсі.
 Ще нам вісімдесяти
 На забутому днесь
 Поетичному святі.
 Мзія Хетагурі з ціпком у руці,
 Невідома стоїть на Ріоні-ріці.
 Ірина Гочашвілі...
 Всі тепер посивілі!
 Але свято було!
 Не століття, а дата.
 Скільки нас там було, –
 У Гелаті, при храмі Баграта?
 І ще менше прийде
 У ці дні невеселі...
 Де ти, витязю, де?
 Де Шота Руставелі?
 З висоти, з давнини
 Три княжни посивілі...
 Спом'яни, пом'яни,
 Ірине Гочашвілі.
 Хтось оплаче тебе,
 Хтось до серця пригорне...
 Мов емаль, голубе
 Небо серця,
 На чорному чорне...

ПОЛОНЕЗ

Лише ступив – озвався полонез
 Із-під землі, з пратемного підвалу.
 Прощальна ностальгія до небес.
 І стихнув біль, і стихнув жаль помалу.
 Нестерпний шал чужинського вокалу,
 Який рідніш од рідного – не щез.
 Прощайте, мила юносте й талант!
 Богемний щем далекого Парижу,
 Який мені нав'яв музикант
 Із літ минулих
 Щастя ноту свіжу,
 Хоча минуло незбагненно літ
 І музиці, і вічній ностальгії,
 Яка зависла зашморгом на виї,
 Яка мені – свобода і політ.

І там, де понад Віслою сирена,
Я чую плач Огінського й Шопена,
Де ми ходили в молодих літах.
Але в воскреслій Жечі Посполитій
І наш козацький дух несамовитий,
І нам полин свободою запах.

І плачу я по втраченій землі,
Яка чужа, а не твоя Вітчизна.
Лише ступлю на тротуар ві млі.
Де святкували – там сьогодні тризна.
Переминули літа – час убив
Мелодію, у серці незникому.
Але на рідну землю я ступив –
І чую плач утраченого дому...

* * *

Не двічі не ввійдеш у цю ріку –
Ти в цю ріку не увійдеш ні разу,
Де полинову стежечку гірку
Вже топчуть каравани із Ширазу,
Де видно гобелени й килими,
Як візерунки в голубій безодні,
Де нам звучать хорали і псалми,
Де звіяв суховій сліди господні.

* * *

От і ви відіржали і зникли усі,
Мідногриві мустанги.
На зальотній, у Чорному морі косі,
Браконьери, устаньте!
Не в Одесі й Херсоні судитиме суд
Вас усіх аж до неба.
Та лошат уже янголи в небі пасуть,
І гукати не треба
Ні лошат, ані огирів, ні кобилиць
Із воєнної далі.
Дикі трави постали і падають ниць,
А зірки на емалі
Впали в Тендрівську косу і білий пісок.
І земля задрижала,
Як почувся прощальний його голосок
І прощальне іржання.
Ви простіть – недоспівану пісню мою
Хай доспівують діти.
Я прощаю і вас, і сьогодні доп'ю
Вічну чашу Амріти...

* * *

Небесне і земне. Земне й небесне.
 Ще наш український бог воскресне
 Тоді, як ми воскреснемо зі сну,
 Із летаргії вічного розп'яття,
 Як до хреста зйдуться сестри й браття
 І прокленуть облуду навісну.

А поки це життя гірке й чудесне,
 Земне в небеснім, у земнім – небесне.
 Та ми йдемо до цілі, до мети.
 А як уже дійдемо до безодні –
 Побачимо тоді сліди господні,
 А нам до них судилося дійти.

Побачу слід його кривавих кроків.
 І це вже скільки українських років,
 А я ніяк Вітчизну не знайду.
 І лиш, один, усе чекаю звістку
 Про Україну, скупану в любистку.

І плачу в Гефсиманському саду...

ВЕРНІСАЖ

Неначе вітражне осончене скло
 З Везувію магма зігріла.
 Життя довоєнне із нами пройшло,
 Коли ми ховали Андрія.
 У сивому рам'ї волосся старе,
 Обличчя – як лик у святого.
 Андрій Антонюк – він ніколи не вмре,
 Ми так і гадали убого.
 І місяць, мов сонце козацьке вночі,
 Світитиме ношно і денно,
 Як божа душа, від лампади й свічі,
 Де стрілися янгол і демон.
 Ми вип'ємо трунку з золочених чаш,
 І ми у журбі відзігорній...

А нині – посмертний Андріїв пасаж
 На вулиці, нині Соборній.
 Андрію, воскресни!
 Андрію, прийди!
 На Божому Полі ще німо.
 Клекоче у вирі живої води
 Ікона із янгола з німбом.
 І чиста молитва злетить до небес,
 І ми потонули у щасті.
 Андрій Антонюк од сьогодні воскрес,
 То як нам пропасти?

ЗВАНИЕ «ЧЕЛОВЕК ГОДА – 2016» ПОЛУЧИЛ ДМИТРИЙ КРЕМИНЬ

Совсем недавно в соответствии с общегородской программой, отмечающей заслуги горожан, почётное звание «Человек года – 2016» (в рамках программы «Горожанин года») присвоено Николаевцу, известному украинскому поэту Дмитрию Креминю.

Николаевский городской голова Александр Сенкевич и Дмитрий Креминь во время вручения почетного знака «Человек года» (фото А. Сайковского)

СЕРТИФИКАТ ИЗ КИТАЯ

Из города Чэнду, административного центра провинции Сычуань, расположенной на юге центральной части Китая, где возделывают зелёный, жёлтый чай и обитают панды, в адрес руководителя Николаевской организации Национального союза писателей, известного украинского поэта Дмитрия Кремина пришло письмо.

«Я, Ян Zongze, китайский поэт и переводчик, по рекомендации господина Чжан Чжи, президента международной литературной организации и главного редактора многоязычного журнала «Мир поэта», а также заместителя председателя Китайской ассоциации писателей господина Jidi Majia приглашаю Вас принять участие в первом Чэнду Ду Фу – Международной неделе поэзии... Мы берём на себя заботу о Вашем перелёте в Китай и организацию проживания в Чэнду.

*Ян Zongze,
член оргкомитета Чэнду Ду Фу».*

Заметим, что Ду Фу весьма почитаемый в Китае выдающийся поэт династии Тан. Приглашение нашего земляка на интернациональный поэтический форум – свидетельство международного признания его творчества. Переводы произведений Д. Д. Кремина, лауреата Шевченковской премии, существуют на русском, английском, китайском и многих других языках.

Из-за состояния здоровья Д. Д. Креминь не смог участвовать в форуме. На днях он получил ещё одно письмо такого содержания:

«Имею честь сообщить, что 8 января 2017 года в результате голосования членов Международного исполнительного комитета IPTRS Вы признаны лучшим интернациональным поэтом 2016 года.

Др.: Артур Чжан, президент IPTRG».

От всей души поздравляем Дмитрия Дмитриевича!

Юлий ГЕРЦМАН

ПОЛЁТ ШМУЛЯ

«Юлик-Шмулик» – дразнили меня в детстве родственники, и я, не понимая причины, отходил в сторону и горько плакал.

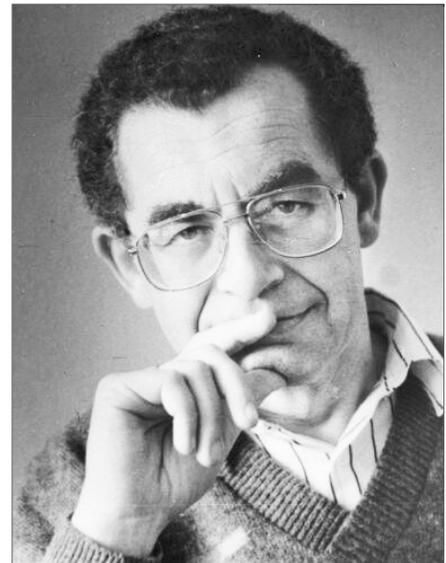
- I -

– Надо проветриться, – решительно сказал Юрка Кассирский, – что-то мы с тобой в этой конюшне застоялись.

А и правда, застоялись. Конюшня называлась «Эстонский Филиал Всесоюзного Государственного Проектно-Технологического Института Центрального Статистического Управления Союза Советских Социалистических Республик», сокращённо: ЭФ ВГПТИ ЦСУ СССР.

Контора была святая. Во-первых, у неё были филиалы во всех союзных республиках, что давало широкие возможности для командировок. Во-вторых, проекты высасывались в лучшем случае из пальца, а про худший и упоминать не хочется. Поэтому их никто не проверял, поэтому делать было абсолютно нехрен, поэтому каждый занимался, чем хотел. Я лично писал диссертацию по экономической эффективности распределённых вычислительных систем. Таковых в стране ещё не было, а что касается эффективности, то все знали, что она нужна, но не очень понимали, что это такое. Простор для юношеских фантазий был вполне широкий. Пока что под шумок я выбил себе допуск и ежедневно ходил в спецхран библиотеки Эстонской академии наук читать Wall Street Journal и Financial Times, в которых органы зачерняли статьи, открыто хающие советскую власть и электрификацию всей России. Надо, однако, заметить, что эстонские цензоры, в силу особенностей национального характера, рвением не отличались и марали далеко не всё и не очень тщательно. Да, просто необходимо ещё указать, что родина платила нам относительно приличные деньги. Я лично, как главный конструктор проекта, получал 260 р. в месяц, плюс ещё 15% премиальных. Бонусов, как теперь принято говорить. Тех самых, из-за которых нынче харчат уолл-стритовских акул. Меня лично за моих 39 бонусных рублей в месяц никто не харчил, что ещё раз демонстрирует преимущества социализма над капиталистическим способом производства.

В общем, немудрено, что компания там собралась замечательная. Мой заведующий лабораторией Саркис Ованесян интересовался только двумя вещами: разводом и дискриминантным анализом, причём как-то умудрялся увязывать их друг с другом. Каждый день, когда я собирал манатки, чтобы идти в библиотеку, он устремлял на меня невыразимо печальный взор и просил: «Слушай, если там что-нибудь будет про дискриминантный анализ, своруй, да? Литературки не хватает для списка, а

Герцман Юлий Петрович. Родился в 1948 г. в селе Врადиевка на Николаевщине. Окончив в 1966 году с золотой медалью Врადиевскую среднюю школу, поступил в Рижский Краснознамённый институт инженеров гражданской авиации, по профессии экономист. Во время учёбы в институте был членом знаменитой в то время команды КВН, которая в 1969 году стала чемпионом страны. После института жил и работал в Таллинне, последняя должность – замдиректора НИИ. Доктор экономических наук. С 1994 г. живёт в Лос-Анджелесе (США). Автор юмористических рассказов и повестей. Широкую известность получил его рассказ «Проект спасения Пизанской башни», опубликованный в «Литературной газете» и исполнявшийся известным артистом З. Высоковским. Ироническая проза широко публикуется в интернет-изданиях. В 2013 г. в московском издательстве «Зебра-Е» вышла его книга «Повесть о несостоявшем человеке».

искать времени нет – развожусь, помнишь?» Увы, ни в одной из читаемых мною газет слова не было про дискриминантный анализ, впрочем, как и про экономическую эффективность вычислительных систем коллективного пользования. В конце концов, Сарик развёлся, быстро женился на латышке с цыганским именем Аза, защитил диссертацию по применению дискриминантного анализа в чём-то скорбно-производственном и стал достойным членом общества. Пребывала у нас ещё семейная пара местечковых затрушенных евреев, будто сошедшая со страниц «Мальчика Мотла» незабвенного Шолом-Алейхема. Программисты они были превосходные, и мы называли их супругами Кюри. Потом, когда социализм дал дуба, они, не теряя местечкового облика, стали одними из крупнейших экспортёров хитудобрений и мультимиллионерами. Была ещё пара-другая колоритных личностей, но истинной красой и гордостью коллектива был главный конструктор проекта Юрий Семёнович Кассирский. Чем он занимался, не знал никто, он даже не притворялся, что чем-то занимается, а просто приходил на работу во всём кожаном-импортном, благоухающе-элегантном, рассказывал пару историй, в которых фигурировали неуставные отношения полов, жалеючи глядел на наших супругов Кюри и отбывал в неизвестном направлении. Начальство его даже для блезиру не трогало, ибо кто же другой мог выбить финансирование под дохлую тему или организовать для приезжающего начальства баньку, да с шведским пивом, да на берегу озера, да с парой юных ангелесс, припаркивающих в наш унылый конторский мир не иначе как с седьмого неба?

В общем, всем было хорошо, но над благоденствием нашим стали собираться тучи: в Москве поменяли начальство, поползли глухие слухи о сокращении числа филиалов, уволилась наша директриса, и ещё неизвестно было, кто придёт. На наш уютный мир снизошла тусклость. В этих условиях Юрий Семенович и выдвинул своё предложение. «Ну и где будем ветриться?» – спросил я. «Айда в Ташкент!» В Ташкент я с нашим удовольствием – там у меня жили родители, родной брат и двоюродные с семьями. Мы вовсе не были ташкентскими людьми, с любовью описанными Диной Рубиной, но мой отец был ранен под Варшавой и сутки пролежал в болоте; каждую весну и осень его курочило так, что спал он, лишь стоя коленками на стуле и положив голову на стол. Врачи советовали переехать туда, где климат сухой, а маминого брата как раз строительная судьба забросила в Ташкент, вот и образовалось.

– Конечно, давай, – с радостью согласился я. – Остановиться можно у моих...

– У меня друзья есть, остановимся каждый у своих, пойдём в Яму...

Яма, чтоб вы знали, был район, где процветали частные подпольные ресторанчики. Год был 1977, страна жила в эпохе развитого социализма, частные точки были безумно дороги.

– Юрка, побойся бога, у меня дочка маленькая, я лучше ей фруктов куплю, чем деньги в Яме просаживать буду.

– Хватит на всё! Телевизор надо смотреть! У нас какой такой Пленум только что был? По развитию аграрно-промышленного комплекса. Это значит, что жрать народу вообще нечего. Мы с тобой купим по двадцать штук курей и загоним их по червонцу за милую душу. С корзиной оторвут!

Противиться напору Кассирского не было никакой возможности, желания и вовсе. Поэтому через неделю мы стояли в Таллинском аэропорту, прогибаясь под весом битком набитых сумок. Я притрюхал на автобусе, а Юру доставил на машине папа – Семён Абрамович Кассирский, обликом похожий на пикового валета, только очень поношенного пикового валета.

– Юра, – скорбно сказал он, – я маме не скажу, но я чувствую, что ты будешь есть этих курей не ртом.

Юра покровительственно похлопал папу по щеке, и мы отправились в летательный аппарат. Времена были наивные, никто не потребовал сдать битую птицу в багаж, наоборот, стюардесса, поставившая от натуги, умостила кошёлки в гардероб. Одну на другую.

– О! – обрадовался Юрка. – Спрессуются, скажем, что импортные.

Двигатели, как говорится, взревели. Полёт из Таллина в Ташкент был ночным с двумя посадками: в Куйбышеве и Челябинске. Дорогу до Куйбышева скоротали интеллигентным способом – игрой в деберц. Едва самолёт подрулил к вокзалу, мы, схватив бурдюки, рванули к трапу. Юрка на ходу объяснил стюардессам, что нас в Куйбышеве встречают и мы это отдадим. Стюардессы с видимым облегчением улыбнулись. В голову закралась нехорошая мысль: наши куры перегрузили самолёт и угрожали безопасности полёта.

Едва вышли из загородки, Юра поставил меня сторожить груз, а сам отправился на поиски покупателей. «Пойду в парикмахерскую, – сказал он, – лучше всего продавать через парикмахерш. Потеряем процентов десять, зато – оптом». Я поверил – его будущая бывшая жена отоваривалась у

парикмахерш. Ждать пришлось довольно долго, за это время у меня даже попытались одну сумочку скомуниздить: тощий шустрый мужичонка разогнулся, на бегу попробовал подхватить её и рвануть дальше, но не осилил, споткнулся и, выронив волшебное слово «ёб...», навернулся и почесал на четвереньках под дружелюбный хохот присутствующих. Кассирский появился серьёзный: «Им как раз вчера кур завезли. Непруха. Ладно, в Челябинске толкнём».

Увидев нас с родным грузом, стюардессы не обрадовались. «Не встретили, – объяснил Юра. – Опоздали, наверное». Стюардессы, кряхтя и шепча под нос что-то, очевидно, из «Правил поведения лётного состава при обслуживании пассажиров», опять соорудили в гардеробе параллелепипед.

В Челябинске мы вновь кинулись к сумкам. У стюардесс отвисли челюсти. Буквально. «В Куйбышеве опоздали встретить, – благодушно сообщил Кассирский. – Может, в Челябинске догонят». Стюардессы радостно закивали. Юра попытался оставить меня возле буфета, а сам намылился, конечно, в парикмахерскую. «Не надо, – устало сказал я. – Посмотри на витрину». На стеклянной полке, похотливо раздвинув бледные культуры, возлежала курица. Или петух. Пол не определялся в связи с усекновением гениталий. На стюардесс было страшно смотреть. Тогда не царствовало ещё это увлечение терроризмом, поэтому они приняли нас либо за сумасшедших, либо за членов таинственной секты таскунов, которых истовая вера заставляет таскать туда-сюда тяжёлые предметы. И то и другое пугало. Кормили (в те времена ещё кормили!) на перегоне из Челябинска в Ташкент, как раз аккуратно в четыре часа ночи. Давали сосиски в намертво приваренном к фаршу целлофане с баночным зелёным горошком и рыбкой «шпрота». Но к нам стюардесса подошла с льстивой улыбкой: «Для вас у меня есть две порции из пилотского ужина». Очевидно, она боялась, что в Ташкенте мы и её куда-нибудь унесём, вот и решила откупиться деликатесом. Пилотский рацион оказался, конечно же, анемичной четвертушкой сами знаете чего, с тем же горохом, но с двумя рыбками. От переноски тяжестей у меня, похоже, стали расти мускулы, и телу требовался протеин, потому, несмотря на тяжкие предчувствия, птицу я употребил едва ли не в один заглот, а рыбка и вовсе скользнула в меня, как в мусоропровод.

Читатель, помнишь ли ты подрагивающую прелесть южного раннего утра? Земля ещё припорошена прохладой, но первые лучи солнца уже несут нагнетающее тепло, и воздух чистый-чистый – за ночь пыль осела и даже не клубится у ног, а воздух лёгкий и мягкий. Листья приготовились свернуться в жаре лодочкой, но пока ещё всюю распластаны и ярко-зелены, и свежи, и даже матиола пахнет уже нежно и боязливо – не так как ночью – в предошущении мига, когда жара заставит её зажмуриться. Какой дурень сказал, что воробей чирикает глупо и напористо, как плебей, слышал ли он, этот как-там-его, радостный мелодичный голос едва проснувшегося воробья? Конечно, ему далеко до соловьиного бельканто, но какой к чёрту соловей выразит столько безыскусного чувства восторга от первой крошки. Чудесно тёплое утро, и ты умилённо благодаришь судьбу за раннее пробуждение и возможность насладиться этим чудом.

Да, так всей этой хренотени я и близко не чувствовал: руки мне оттягивали прессованные птицы, а рот отзывался эхом рижских шпрот, которые, кажется, захотели на волю в океанские глубины. На хрена я только ночью жрал? Мерзкая жадность, желание халявы, совковость неистребимая, а ведь мог бы поспать, и сейчас не давило бы голову обручем, как в бондарном цехе, и глаза бы не сушило, и сумки ещё эти гадские.

Встречал меня мой кузен Гена на папиных «жигулях». Несмотря на раннее утро, он был свеж и жизнерадостно переговаривался с парнем, встречавшим Юру. При виде сумок кузеновы глаза округлились, тем не менее, он совладал с недоумением и безмолвно открыл багажник. Под весом продукта «жигуль» присел, как бы изготоясь станцевать украинский народный танец гопак, но амортизаторы сдюжили, и мы тронулись.

– Кирпичи привёз? Дом строить здесь будешь? – легко поинтересовался Генка.

– Не-а. Привёз кур, слышал, что у вас с мясом напряжёнка, – переврал я причину. – Кстати, возьми родителям пару.

– Братан, ты что? Забыл, где мы отовариваемся?

Правда – забыл. Дядюшка мой Семён Наумович Зильберштейн был в Узбекистане личностью приметной, как принято говорить – строительным генералом, по всей республике возводил элеваторы. Возводил, наверное, хорошо, потому что сельхознарод его уважал, а начальство одобряло по высокому второму разряду – Героя не дали, но ордена цепляли, квартиру выделили в домах для

второстепенной элиты возле Алайского базара и прикрепили к какой-то неглавной кормушке. Так что его семье куры мои были на смех.

– Юлинька, что это? – после поцелуев с тревогой спросила мама, посмотрев на сумки.

– Это, мама, как тебе... – заблеял я, пытаюсь помягче оправдаться: родители у меня были старомодные учителя и спекуляцию не одобряли. – Ну, вот тут...

– Тётя Роза, это он кур приволок, – продал меня Генка, отдышавшись, наконец, от дотаскивания сумки на третий этаж. – Он думает, что мы здесь голодаем.

– У нас всё есть! – мама для верности распахнула холодильник. Он действительно был утрамбован. – Во-первых, я была на базаре, во-вторых, папа на работе мясо получил. Зачем?

Отец мой, выйдя на пенсию, устроился в геодезическую партию. Нет, он не мерял бескрайние просторы нашей Родины, затруднительно было бы с хромой ногой, взяли его туда, говоря нынешним языком, офисным менеджером, но для получения полной пенсии – на рабочую ставку. Завскладом их конторы регулярно устраивал распродажу продуктов по себестоимости, а куда девались вырученные деньги, спрашивать было неэтично. Обе сумки мы вбили во второй холодильник, стоявший на балконе. Мама сделала это без восторга: по её словам, папе обещали парную баранину, для которой требовалась холодильная емкость.

Вечером позвонил Юра:

– Завтра понесём товар на Алайский. Найдём перекупщика, толкнём всё сразу.

Мы встретились у входа на Алайский. На коллегу страшно было смотреть: чёрные круги под глазами, сиплый голос, волосы спутались.

– Всю ночь? – спросил я.

– Ага! Друзья были из Адлера. И подруга. Нет, две. Или это у меня двоилось? Похожи. Выли одинаково...

Мы встали перед стрелками с указанием павильонов. Птичьего не было.

– Юрка, а куры – это овощи или фрукты?

– Пошли в овощной. Начнём трудовой день с рассола.

Овощной встретил нас трудящимися корейками, продающими чумчу – капусту, маринованную с красным перцем в пропорции, как предполагаю, один к одному. Может, преувеличиваю, но ненамного, и в сторону капусты. Во всяком случае, есть растение надо было зажмурившись и быстро-быстро запивать подручным напитком. Продавалась чумча в узких полиэтиленовых мешках, напоминающих Изделие №2 Баковского завода в рабочем состоянии.

– О! Рассольчик! – обрадовался Кассирский (не успел я его добросердечно предостеречь), сорвал перевязь и одним духом высосал зловещую бурю жидкость.

Описание последующих пяти минут я из общечеловеческого сострадания опушу, отметив мимоходом выпученные глаза, заалевшие уши, слёзы, орошающие стремительно уходящее в диагональ лицо, и хрипы, тяжёлые кузнечные хрипы: «Ах-ха... ах-ха-а!»

– Товарищ корейка! – просипел Юра минут через шесть. – Товарищ корейка, курей брать будем?

Чумчиха не отреагировала и лишь зорко следила за Кассирским, дабы он не смылся не заплатив. Может, она не понимала, может, прикидывалась. Юра достал из сумки курицу и стал махать перед её лицом. Она отшатнулась и что-то визгливо проквакала. Из-за соседних прилавков к нам стянулись люди, дружба народов на их лицах была тщательно спрятана. Увидев аудиторию и не до конца врубившись, Кассирский вытащил из сумки вторую курицу и вдохновенно поднял обе тушки вверх, как бы отправляя в прощальный полёт. При этом он всё ещё сиплым голосом призывал блудных детей разделённой Кореи приобщиться к всемирной семье народов.

– Корейцы и корейки, – голосил он, – а вот кому импортные куры из Европы! Импорт! Мясо! Хинди-руси бхай-бхай!

У Юры, надо сказать, был такой организм, что когда у него происходил впрыск адреналина в кровь, а это случалось никак не реже раза в десять минут, то остановить Кассирского не было никакой возможности. Должно было случиться нечто экстраординарное, чтобы он заткнулся. И оно случилось. Раздалась заливиная трель, и за Юркой выросла фигура в сером кителе да с погонами.

– Что происходит, граждане?

Что там граждане объяснили, я не понял, потому что в груди у меня бухал вечевой колокол, звывший немедленно помереть, провалиться, расточиться.

– Так, всем разойтись, а вы, граждане, предъявите документы.

– Сержант, птицу поддержи, – солидно отчеканил Кассирский, – у меня документ в кармане.

Сержант взял у Юры кур. Юра подхватил сумки и удрал. Сержант горестно глядел ему вслед, разрываясь между желанием достать из кармана свисток и невозможностью бросить продукт. Наконец он решился, аккуратно положил птичек на прилавок и повернулся ко мне.

– Документы! – рявкнул он злобно.

– А я-то при чём? – натурально удивился я. – Я здесь просто стоял.

– Я сказал: документы! – уже истерически заорал он. – Я тебе такое «при чём» покажу – детям мало не покажется.

Я достал удостоверение. Ах, какие шикарные удостоверения выдавала нам родная контора! Цвета государственных похорон, а на обложечке здоровый золотой герб Советского Союза и золотые же буквы внизу. Покрупнее: ЦСУ СССР, а ещё ниже помельче: ЭФ ВГПТИ. Кто бы подумал, что эта могучая ксива была сооружена в провинциальной типографии «Пунане Тяхт» в городе Пярну по семьдесят безналичных рублей за сотню. Совершенно легально.

Сержант обалдел.

– В руки дать не могу, – веско сказал я, – раскрою, читайте.

Раскрыл я так, чтобы под пальцем спряталось полное название филиала, но зато виделась должность. Прочитав: «Главный конструктор проекта», сержант подтянулся и слегка побледнел. Он подумал, конечно, что я принадлежу к тому таинственному племени, которое показывают только со спины и только в торжественных случаях. Кажется, под моей рубашонкой он увидел пару секретных Золотых Звёзд, приколотых прямо к голому телу.

– Товарищ Главный Конструктор, а ЦСУ – что? – дрожащим голосом спросил он.

– Центр Стратегического Управления, – строго ответил я. – Подробности не имею права, но взлёт – вертикальный.

И, как бы прочерчивая траекторию, выкатил глаза в зенит. Там кружил голубь, которому как раз приспичило покакать, что он и совершил, промахнувшись мимо нас метра на полтора. Солнце жарило с монотонной настойчивостью идиота. Уныло плакало туземное дитя. По базару расплзалась паточная скука. Мимо нас прошла женщина в национальном платье, похожая на египетский матрас. Сержант почтительно предложил донести сумки до моей персональной «Чайки», которая, он не сомневался, стояла за углом, но я отверг и самолично дотащил их до трамвая.

Мама, увидев меня с сумками, только покачала головой. Я остервенело впихнул их в холодильник. Ко мне подошёл брат Борис, у него было дело. Он встречался с милой девушкой Танечкой, собирался сегодня сделать ей предложение, и ему нужен был братский совет, какие цветы преподнести в торжественный момент – розы или гвоздики?

– Преподнеси ей курицу, – посоветовал я, – она поймёт, что ты хочешь вести совместное хозяйство.

Брат с отвращением посмотрел на меня и вышел. Тут как раз с работы пришёл отец.

– Юлик, у тебя ночью из брюк выпал кошелёк.

– Ну? – интеллигентно спросил я.

– Мама подняла, он раскрылся. Там было три рубля и мелочь. Это всё, что у тебя есть?

– В общем, да. Я все деньги потратил на птицу.

– Сколько ты за неё заплатил?

– Пятьдесят. Я думал...

– Это неинтересно. Сделаем так: я у тебя покупаю за пятьдесят рублей. Сколько ты заплатил, столько я тебе дам. Нам куры не нужны пока, но я отнесу их на работу, там у нас на складе есть морозильная камера, пускай полежат. Пошли обедать.

Я чувствовал себя маленьким-маленьким. Нужно было что-то сказать, но в горле вспухали гланды, вырезанные лет за двадцать до того, и нос наливался насморком. К счастью, зазвонил телефон.

– Юлик, привет! Как ты выбрался? А я – классно! Шуганул оттуда, смотрю – скорая помощь, я голоснул, говорю: мужик, мол, вези в реанимацию, мне с курами надо что-то делать, они хоть мёртвые, но уже тёплые, а он говорит: а сколько ты за них хочешь, а я говорю: сто восемьдесят, по червонцу за невесту, а он говорит: вот тебе сто семьдесят, десятка за проезд. Классно, правда? А ты своих загнал?

– Да, – ответил я и положил трубку.

- II -

А жизнь, скажу философически, текла. Как пелось, годы летят, наши годы как пти... о, господи! Из ВГПТИ мне таки пришлось уволиться, за что благодарю судьбу и по сей день, поскольку прибила меня жизнь к берегу Научно-исследовательского института систем в электротехнической промышленности, время работы в котором я считаю лучшим периодом в жизни. Я подупёрся, защитился и получил лабораторию, что принесло и существенное материальное облегчение, и статус. Сперва меня смущала новая тематика: вместо родных информационно-вычислительных систем коллективного пользования надо было заниматься экономической эффективностью силовых полупроводников, – но новые коллеги из полупроводникового отдела быстро просветили меня.

– Транзистор, парень, это то же самое, что водопроводный кран. Чем больше ты откручиваешь вентиль, тем сильнее будет струя. А тиристор, значит, – унитаз. Дёрнешь за ручку, и пока вода из бачка не выльется, то есть пока он не разрядится, остановить процесс невозможно. Сечёшь?

Я сёк, да так лихо, что вскоре, комбинируя в голове электронные схемы из бытовой сантехники, стал уважаемым специалистом в области экономики производства и использования силовых полупроводниковых приборов и преобразователей. Меня стали приглашать на совещания в министерство, легко утверждать тематику и, наконец, – высокая, высокая честь! – стали включать в комиссии по приёму НИОКР, т.е. научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. О, это был почёт! Комиссия состояла, как правило, из трёх человек: председателя, представлявшего центр, то есть министерство, главк или Всесоюзный Электротехнический Институт им. В. И. Картавого; заместителя, оценивавшего экономическую эффективность разработки; и члена, то есть специалиста, пытавшегося в меру сил разобраться: а что они там напахали? Я, естественно, в специалисты не годился, в представители центра тоже не проходил, вот и оставалась для меня должность заместителя. Так как расчёты экономического эффекта сводились, в целом, к обещаниям, что если вот это самое замечательное со всех сторон изделие поставить на паровоз Черепановых, то получится сверхзвуковое яйцо Фаберже, работы у меня было немного. Иногда к нам присоединяли четвёртого коллегу – Представителя Заказчика, или сокращённо «ПЗ», – если тематика была военная. ПЗ борозды не портили, так как, в основном, были моложавы, ленивы, пахли «Шипром» и не дураки были выпить. Поездки по городам и весям обогащали знаниями народных обычаев уголков нашей необъятной Родины, из которых один был общим для всех: подписание приёмо-сдаточного Акта сопровождалось неизменным распиванием спиртных напитков с богом посланной закуской.

В этот раз, получив предписание, я испытал двойную радость. Во-первых, ехать надо было в Ташкент, а во-вторых, членом комиссии был назначен мой близкий друг Евсей Абрамович Грицевский. Я его нашёл в курилке, где он высасывал тридцатую за этот день сигарету. Курил он безбожно, что, в конце концов, и лишило мир присутствия этого замечательного человека.

– Севка, едем в город хлебный, ты – членом, я – замом, а председателем какой-то к.т.н. М. М. Степанов из ВЭИ.

– Что принимать будем?

– Сейчас прочту. Вот: «Высокотемпературный диод на основе карбида кремния».

Тут мне надо прерваться и поделиться скудными знаниями. Обычно, когда говорят «полупроводник», на ум сразу приходят интегральные схемы на тысячи операций в секунду и кукольные азиаточки, соединяющие порхающими ручками чипы, усмотреть которые можно только под микроскопом. Не то – силовая электроника. Самый простой диод в корпусе – это такая блямба, что если ею дать в лоб, то можно, закоротив доктора, сразу заказывать жмура. Мало того, в работе силовой элемент, в полном согласии с законом Джоуля-Ленца, выделяет хренову тучу тепла, которую надо отвести, иначе случится пробой. В связи с этим элемент одевают в радиатор, что окончательно уничтожает картинку переднего края науки и техники и будит крепнущие аллюзии к полупьяному слесарю из ЖЭКа. Говоря серьёзно, радиатор утяжеляет элемент, что важно на транспорте, он стоит денег, потребляет дефицитный (а как же!) металл. Поэтому чем выше температура пробоя – тем лучше. У нас в институте высокотемпературными полупроводниками на основе арсенида галлия занимался тяжело, но успешно целый отдел. Карбид кремния теоретически был ещё более перспективным материалом.

– Ой, брешут! – адаптировал К. С. Станиславского Абрамыч. – Пошли к Герману, поспрошаем.

Профессор Герман Анатолиевич Ашкинази был, пожалуй, единственным учёным среди десятков замечательных инженеров, отличных математиков, хороших физиков и активных экономистов

нашего института. Ученик Жореса Алфёрова, докторскую он защитил в каком-то младенческом возрасте, профессором стал до сорока, а сразу после сорока присвоил звание Заслуженного деятеля науки и техники, присваиваемое, как правило, лишь научным старпёрам в качестве утешительного приза за неизбрание в Академию. Герман как раз и возглавлял тот самый отдел, который занимался высокотемпературными изделиями, и поэтому мог дать квалифицированный совет.

Услышав новость, Ашкинази почесал бороду, которой наивно пытался уравновесить стремительно разрастающийся лоб, и промышчал что-то вроде: что, мол, физическим законам это не противоречит, хотя с другой стороны... но если вдуматься...

– Герасим, – оборвал я невнятные излияния светила, – перестань крутить мои простодушные сам знаешь что. Ты можешь нормально сказать?

Герасимом профессора обзвал я, причём не только из-за созвучия имён. Когда он, мыча, излагал свои мысли, аспиранты буквально смотрели ему в рот, и я предложил сделать для институтской Доски почёта групповой портрет: «Герасим Ашкинази с выводком своих Муму». Предложение не прошло, но имя закрепилось.

– Нормально – бред. Если бы они это сделали, я бы знал. И другие бы знали. И все бы знали. И ты бы тоже знал и не задавал дурацкие вопросы, хотя, что с тебя возьмёшь, кроме анализов...

– Техничко-экономических анализов! – бодро уточнил я и убыл на рабочее место.

Родителей я не видел два года. Мама совсем не изменилась и так же, как всегда, разохалась по поводу моей худобы, отец окончательно бросил работу и расслабился. До страшной болезни, которая за считанные месяцы превратила его из могучего здоровяка в высушенную тень, а затем и унесла из жизни, оставались ещё годы. У Бори и Тани рос сын Сашка – будущий, на пару с ещё неродившимся братом Глебом, защитник Израиля, а пока – прелестный малыш. В общем, всё было уютно, и я, захав за Евсеём в гостиницу «Ташкент», в хорошем настроении отправился в СКБ Чего-то Того-то, нахально претендующее на роль форпоста советской силовой полупроводниковой техники.

Встретил нас там с почётом и поклонами руководитель темы, как две капли воды похожий на моего завлаба с предыдущего места работы Саркиса Ованесяна, но бывший вовсе не армянином, а закарпатским венгром, попавшим в Ташкент по распределению. Звали его Шандор, в быту – Серёжа.

– Ваш руководитель уже здесь, – сказал венгр Серёжа, – сидит в чистой комнате.

Мы слегка удивились. Чистая комната – это зона, где выращиваются кристаллы. Она отделена от прочих помещений двойными дверьми, у неё своя вентиляция. Я точно не помню, но кажется, в ней допускалось не более десяти пылинок на кубометр воздуха. Чтобы зайти в эту комнату, надо было предварительно облачиться в халат, бахилы и марлеву шапку, становясь сразу похожим на члена Политбюро, посещающего молокозавод им. Очередного Шабаша КПСС и готового выслушать предложения трудящихся по дальнейшему улучшению превращения доброкачественного молока в грязную казеиновую массу.

В местную чистую комнату дверь была распахнута, и ходили туда прямо в партикулярном, насколько не прикрываясь белизной. В углу стоял стол с фруктами.

– Я понял, – тихо сказал Севка, – в этой комнате ишаков не привязывают, поэтому она у них – чистая.

Слегка вдали за письменным столом сидел пожилой мужчина – наш руководитель Степанов М. М. Его лицо украшала булганинская бородка, а на пиджаке светилась медаль лауреата Госпремии. Приблизившись, я увидел, что это медаль не Госпремии, а ВДНХ, причём бронзовая. Раньше я думал, что медали ВДНХ дают коровам, но оказалось, что и кандидатам технических наук.

– Доцент Степанов, – не вставая, представился руководитель, пожав мне руку и кивнув Грицевскому.

Я опешил: в нашей среде как-то не принято было упоминать свои регалии, тем более такие, ай-яй-яй, невелика птица – доцент, понимаешь, тоже мне академик. Евсей Абрамович, кстати, тоже был доцентом: до прихода в наш институт он преподавал в ЛИТМО, о чём сохранил самые мерзкие воспоминания, которыми охотно делился, густо перемежая их извлечениями из Словаря Ивана Александровича Бодуэна де-Куртенэ. Доцент! Прощать было нельзя.

– Юлик, золотой медалист, – представился я и шаркнул ножкой.

– Абрамыч, красный диплом, – подхватил Севка.

Лицо Степанова стало наливать кровью, но тут к нам подскочил Серёжа:

– Абдулла Алимович Хусаинов звонил, он сейчас сюда придёт.

Абдулла Алимович был директором СКБ. Он пожаловал минут через пять. Он был вальжен, и он был красив. Даже с первого взгляда было видно, что он – Большой Начальник. Серёжа представил комиссию. Товарищ Хусаинов Абдулла Алимович пожал руку товарищу Степанову (председателю), кивнул мне (заместителю) и сказал: «Очень хорошо, работайте» – Евсею Абрамовичу (простому члену). Затем товарищ Хусаинов отвёл в сторону товарища Степанова, и они стали что-то степенно обсуждать. Я принялся за чтение увлекательного научно-фантастического романа «Расчёт экономической эффективности производства и внедрения высокотемпературных силовых полупроводниковых диодов на основе карбида кремния». Евсей отправился к приборам. Через какой-то час он подошёл и толкнул меня локтем:

– Петрович, пошли покурим.

– Так они же курят здесь! – удивился я. – Вот и пепельница.

– Пошли, пошли...

Мы вышли в цветущий двор.

– Ни хрена не понимаю, – скорбно признался Сева, – всё совпадает. Все характеристики! А обратный ток даже ниже!

– Сева, – проникновенно сказал я, – я, конечно, не специалист («Я знаю» – отреагировал добрый Грицевский), но ты посмотри на этот свинарник. Они же свой плов рядом с печками жрут. Они там курят и пепел стряхивают. Я уборщицу видел, она мусорник в мешок прямо там пересыпала. О чём ты говоришь?

– Да я что? Я уже даже пломбы на приборах проверил, вдруг сорвали. Всё на месте.

– Герман на любимых кальсонах повесится.

Мы пошли обратно. Начальство продолжало солидно переговариваться. Я погрузился в отчёт. Из угла с приборами доносилось монотонное: «Образец номер пять... Образец номер шесть...», прервавшееся внезапным воплем: «Не надо номер шесть! Дай штанген! Какая высота корпуса? Всё! Понял! Идите все сюда!»

Мы быстренько подошли. Грицевский смотрелся как абрек, только что умыкнувший невесту. Сигарета колом торчала у него во рту. Глаза пылали.

– Смертельный номер и никакого мошенства! – звенящим голосом объявил он. – Вставляем образец номер шесть!

Лаборант закрепил образец.

– Попрошу записать показания приборов, – голосом провинциального фокусника объявил Евсей. Публика послушно записала. – А теперь попрошу вынуть образец, но оставить контакты на том же расстоянии.

Лаборант вытащил диод и вновь свёл контакты.

– А теперь снимите показания приборов!

Все послушно стали смотреть на шкалы. Даже товарищ Хусаинов. Ёлки зелёные! Стрелки, слегка подёргиваясь, показывали те же величины! Товарищ Степанов тупо сверял цифры. Товарищ Герцман, признаюсь, выглядел не умнее. Товарищ Хусаинов приоткинул седую голову. Серёжа побледнел. Похоже, что ему чудился расстрел через повешение за фальсификацию народнохозяйственных результатов.

– У вас грязь! – счастливо бушевал Грицевский. – Ток идёт не через прибор, а через пыль! Вы понимаете? Через пыль! Коротит!

– А диод работает? – спросил Абдулла Алимович.

– Как он может работать, когда коротит вокруг него?

– То есть вы не можете твёрдо сказать, что прибор неработоспособен?

Грицевский пожал плечами. Я-то уже начинал понимать, в чём дело. За провал ОКР премию снимут не глядя, а за неоднозначность результата могут даже и добавить – прорыв в новую область.

– То есть вы можете написать, что диод следует проверить в других условиях?

– А нам, татарам, один муй, что война, что сабантуй! – радостно сообщил Евсей.

Товарищ Хусаинов остро посмотрел на него, затем отвёл Степанова в сторону и стал что-то втолковывать. Лауреат ВДНХ, сперва смотревший грозным орлом, по ходу разговора размягчался на глазах, разулыбался и закивал головой, чем дальше, тем с большей частотой. Закончив трястись, он подошёл к нам.

– Значит, так, товарищи, есть предложение написать в акте, что в связи с новыми, не имеющими аналогов в мировой практике изделиями предлагается произвести повторное испытание в условиях более высокого класса чистоты. Возражения есть?

Возражений не было. Акт напечатали мгновенно, и мы аккуратно подписали все пять экземпляров.

– А теперь, – сказал повеселевший Серёжа, – прошу к столу. Наш завхоз по блату в геодезической партии достал несколько кур. Мороженые, правда, но зато импортные. Вы не представляете, как научились делать басурмане – каждая курица спрессована в брусок, аккуратненько так... Мы их пожарили как табака.

– Так, Евсей Абрамович! – засуетился я. – Быстренько отмечаем командировки – и пошли. Извините, Серёжа, не можем... нам здесь ещё кое-что проверить... промерить... отрезать...

И утащил недоумевающего друга чуть ли не за шиворот.

В ВЭИ я приезжал довольно часто. Степанова М. М. я там больше не видел, а спрашивать было страшновато.

- III -

Весел был год и безумен был год по Рождестве Христовом 1990, а от конца Софьи Власьевны – второй. Ушёл в прошлое разгон Тбилисской демонстрации, и не пришёл ещё из будущего расстрел у Вильнюсского телецентра. Но хотя одного уже не было, а второго не было ещё, они живо присутствовали в воздухе, заряжая его истерическим злобным весельем. Национальные меньшинства вдруг обнаружили себя титульными нациями и стали, сперва осторожно, а затем вовсю, гнобить тех, кого ещё вчера льстиво называли старшими братьями. Каждый день находились новые обиды, за которые никто не хотел отвечать, но которые требовали немедленного отмщения.

В перерывах между митингами страна торговала всем. В ход шли запасы на складах, полуфабрикаты, неликвиды, военные резервы, лучше всего перепродавался воздух. Организовывались бесчисленные кооперативы, акционерные общества, подозрительные товарищества, выпускались сертификаты и акции, в Москве активно функционировали сразу три биржи, причём одна из них названа была по имени собаки владельца и торговала туда-сюда всё тем же вагоном несуществующего цемента. Внезапно в моду вошли экономисты. Профессия, ещё вчера прописанная в дальней слободе научного города, вдруг оказалась центральной, и имена Шмелёва и Аганбегяна светились так же ярко, как вчера – Ландау и Капицы.

За год до того я был назначен заместителем директора нашего института, но радости эта, почётная в прошлом, должность день ото дня приносила всё меньше. Институт переживал жалкие времена. Как вся страна, он распался на несколько полусуверенных доменов, возглавляемых заведующими отделами. Каждый высчитывал, а какую долю дохода он принёс в общую копилку, и требовал эту долю обратно. С процентами. Там и сям возникали свары по площадям, по затратам на электроэнергию, по оплате уборщиц, по чему угодно. Все надрывно ругались со всеми. Единодушны научные сотрудники были в одном: в требовании денег и сокращении общеинститутских расходов. Первые добывались продажей залежей вольфрама, скопившихся за годы безупречного социалистического труда, а от второго мы с директором вяло отгавкивались, мотивируя необходимостью закончить приватизацию институтских корпусов. Работа разваливалась на глазах. Народ потянулся на ПМЖ, у меня спрашивали, во-первых, когда я поеду, и во-вторых, почему я, экономист, не занимаюсь бизнесом. На первое я отвечал, что предпочитаю эмигрировать вместе со страной, на второе, что между бизнесменом и экономистом существует такая же разница, как между половым активистом и гинекологом. Второй досконально знает, как что устроено, но удовольствие-то получает первый.

И вот посреди всего этого бедлама я получил приглашение. На Всесоюзную научно-практическую конференцию! По эффективному использованию новой техники! Представляете? В город Чирчик Ташкентской области Узбекской (пока ещё) ССР. Первой мыслью было: «Они там совсем, что ли...» Но потом, сообразив, что путь в Чирчик пролегал через Ташкент, мысль эту я отринул и пошёл к директору сообщить, что я выписываю себе командировку и чтобы он на зарезервированную неделю не рассчитывал на меня в боях с диктатурой пролетариата в лице Совета трудового коллектива.

Разруха уже коснулась и родительского дома, хотя внешне всё оставалось вроде по-старому: крахмальная скатерть на столе, полный холодильник и прочие приметы советского благополучного быта. Но родители настойчиво поднимали тему переезда в Израиль: по вечерам на улицы, ещё вчера смешно безопасные, выходить не рекомендовалось, там и сям появлялись рукописные лозунги с пожеланиями русским убраться, а то хуже будет. Домашние ужины, на которых мы прежде с отцом и братом охотно принимали по сто грамм, приобрели безотчётную унылость.

Конференция проходила за городом в Базе отдыха Авиационного объединения им. Чкалова. Так как нас было немного, человек сто, не больше, и практически все знали друг друга, то обсуждения превратились в милый междусобойчик с попутными докладам рассказами о заграникомандировках, аспирантках, романах с властями и т.д. Попадались среди нас сумасшедшие, которые на полном серьёзе доказывали необходимость увеличения норматива эффективности капиталовложений с 0,12 до 0,18, иллюстрируя это динамикой фондоотдачи в Сумской области по данным за 1983 год. Их слушали с сочувствием и не перебивали.

Одно было плохо – кормили отвратительно. Котлеты отчаянно пахли и прилипали к вилке. Национальное блюдо шурпу хотелось вылить на головы солистов ансамбля «Ялла», чьи песни без отдыха лились из серебристого репродуктора. От компота несло хлоркой. Кто-то сказал, что по ту сторону ручья в деревьях прячется чайхана, где вполне прилично можно поесть.

Чайхана действительно была милой. Её терраса нависала над ручьём, от которого тянуло прохладой. Внутри было чисто. Меню было небогатым, но блюда очень пристойными. В буфете наливали неплохое бочковое пиво. Там управлялся вежливый туземец с обилием золотых зубов. Рядом с буфетом была крашенная плохой белой краской дверь с золотой по малиновому табличкой «Заведующий». Два дня она была закрыта, а на третий – распахнута. Из какого-то любопытства я заглянул в комнату – и обомлел. За столом сидел товарищ Хусаинов.

Я его узнал сразу. Трудно было перепутать эту гордо посаженную голову, эту благородную седину, эту статью. Но и поверить тоже было невозможно. Каким образом директор большого СКБ очутился в этой глуши, в этом кабинете, в этой застиранной общепитовской куртке? Я подошёл к буфету и как бы мимоходом сообщил буфетчику:

– Видел вашего заведующего. Солидный человек.

– Не заведующий – хозяин, – с достоинством поправил меня буфетчик. – Абдулла Алимович – большой человек, замминистра работал.

– Как же он здесь очутился?

– Двоюродная сестра жены была замужем за племянником Рашидова. Когда Шараф Рашидович умер, Абдуллу Алимовича через три дня с работы сняли. Ну ничего, он эту чайхану купил, и ещё три у него есть.

Очевидно, буфетчик сказал хозяину, что я им заинтересовался, потому что когда я доедал самсу, товарищ Хусаинов появился у моего стола и мягко поинтересовался, как мне здесь нравится.

– Абдулла Алимович, вы меня, конечно, не помните, – сказал я, назвавшись, – но я в вашем СКБ карбид-кремниевый диод принимал, был зампредом комиссии.

– Да-да, конечно, конечно, помню, – отозвался облегчённо Абдулла Алимович. Конечно, ни хрена он меня не помнил, но восточная вежливость... – А Вы из Москвы будете?

– Нет, из Таллина.

– Из Таллина, – обрадовался он. – У нас крепкие связи с Таллином. Мы им туда хлопок отправляем, они нам обратно – трикотаж. Взаимовыгодное сотрудничество регионов.

На следующий день Абдулла Алимович пригласил меня в комнату за буфетом. Там был накрыт дастархан. Понятно, что Хусаинову что-то от меня было нужно, и это мне не нравилось: я знал, что именно везут через Узбекистан из близкого Афганистана.

– Юлий Петрович, – мягко сказал хозяин, – я вчера по телефону разговаривал с моим таллинским партнёром, он вас знает.

– Мы все друг друга знаем, – сказал я осторожно. – Таллин – город маленький. А кто ваш партнёр?

– Юрий Семёнович Кассирский. Он сказал, что вам можно доверять. Скажите, вы – член партии?

– Нет, – прошептал я обморочно.

Мама родная! Они что, здесь коммунистический переворот готовят? Ну, здарсьте, влип в юность Максима!

– Это даже неважно. Сейчас и коммунистам верить нельзя. Вы представляете, три месяца назад попросил повезти полкило порошка, ну, вы понимаете, в Новосибирск. Кого попросил? Члена партии, тридцать лет стажа! Кому же ещё доверить? Пропал! Вместе с порошком пропал. Сначала хорошо думали: убили его, ладно, смотрим – нет, семья не горюет, кушают, в кино ходят. Э, нет, думаем, мы о тебе с добром, а ты подвёл? Попросили умных людей – нашли. Жил рядом, в Казахстане, чужой порошок продал, живёт как бай просто, ну как бай. Привезли его сюда. Я говорю: «Как же

вам не стыдно, товарищ Юнусов? Мы же вам доверили как коммунисту, а вы доверие не оправдали!» Сейчас дети – сироты, жена – вдова, а всё потому, что потерял коммунистическую совесть. Но Юрий Семёнович сказал, что вы – честный человек. Это правда?

– Наркотики не повезу! – твёрдо сказал я. – И не просите!

– Какие наркотики, зачем наркотики? – всполошился Хусаинов. – Зачем вам наш порошок, когда у вас из Швеции дешевле. Нет, я попрошу отвезти деньги за товар.

– Доллары? – с ужасом спросил я, так и не истребив в душе страха перед ответственностью за валютные операции.

– Доллары? Почему – доллары? Наши советские рубли. Юрий Семёнович вас встретит, не беспокойтесь.

На следующий день Абдулла Алимович вручил мне деньги. Сумку денег. Битком набитую тяжёлую сумку денег, которую в аэропорту пытались отнять в багаж. Я испугался и не дал.

Доплатил за перевес и, проклиная всё, потащил сумку в самолёт. В багаж пришлось сдать персики. В полёте они промёрзли до негодности, но я об этом не знал.

В аэропорту меня встретил Юра с двумя гавриками, на которых было страшно смотреть даже с закрытыми глазами.

– С приездочком! Привёз? Ну, молодец! Я так Алимовичу и сказал: «Товарищ басмач, я Юлику доверяю больше, чем себе, потому что себе не доверяю совсем!» Давай сюда. Извини, подвезти тебя не смогу, едем в Ригу за пряжей. Будь!»

И умчался.

А я поплёлся на автобус.

Олійник Віталій Миколайович. Народився 14 вересня 1933 року в селі Добрянка Вільшанського району Кіровоградської області. Закінчив з відзнакою військово училище, довгий час служив у військах ППО. Після звільнення в запас переїхав до Львова. Працював у відділі постачання меблевого комбінату, а з 1967 року – на обласному телебаченні. Закінчив заочно факультет журналістики Львівського державного університету (1968). Протягом 45-ти років працював у миколаївській обласній газеті «Южная правда». Автор збірок новел: «Вуркан чорний: життя» (2008), «Полонез Огінського: Життя» (2009), «Ферапонтові діти» (2010), «Кладка: життя» (2011), «Часечка: життя» (2011), «Благоденствіє над прірвою: життя» (2012), «На чумацькому шляху: вибрані твори» (2013), «У терновому віночку: життя» (2014), «Довічні карби: життя» (2015). Член НСЖУ (2015). Член Національної спілки письменників України (2015). Помер 4 січня 2017 р. у Миколаєві. Похований на центральному міському цвинтарі.

Віталій ОЛІЙНИК

ДОВІЧНІ КАРБИ, АБО ТРАГЕДІЯ В СОПКАХ

Оповідання

Повертаюся з Майдану. Двійко молодят, випивши чаю, вляглися поруч на верхній полиці і довго й лагідно про щось щебетали.

Перед самим відходом поїзда до купе зайшов літній чоловік. Стрункої гарної статури. Виважена мова, чіткі рухи, щирість і відвертість видавали в ньому кадрового офіцера. Згодом виявилось, що я не помилився.

Познайомилися. Микола Шматок, як і я, був ракетником. Різниця лише в тому, що у мене була система «земля – повітря», у нього – «земля – земля».

Подивилися на склянки з чаєм – обов'язковим атрибутом залізниці. І, не змовляючись, відсунули їх. Натомість на столі з'явилися добрянчий шматок сала, кільце домашньої ковбаси, сегмент сиру, яблука. І хлібина. Ні, справжній коровай з Бессарабки. Всю цю благодать вивершували пляшки – з перчиком і «Гайдамацька». А згодом – і «Козацька Рада».

Микола з гаманця дістав два срібних кільця. Як чарівник, двома пальцями підняв за ободок – і кільце перетворилося на стограмову чарочку. За мить з'явилася ще одна.

Пояснив – це подарунок друзів, коли залишав службу в Чехословаччині.

Вже як налили, колега сказав:

– Пропоную першу випити за безневинно убієнних нашою злочинною системою людей. Це вічні карби, криваві зарубки на серці...

Випили не цокаючись. Потім довго мовчали, думаючи кожен про своє. Фактично – про одне і те ж.

На дні пляшки залишився лише перчик. Дістали і по справедливості розділили навпіл. Кращої закуски і бажати було годі.

А вже коли у виробничий процес пішла «Гайдамацька», то й почалася щира розмова, яка тривала до ранку...

Микола закінчив Саратовське училище з відзнакою. Міг залишитися при училищі, у центрі, ближче до півдня з його теплим морем. Але за рекомендацією начальства поїхав до ЧССР.

Коли прийшов час заміни, то він свідомо обрав Забайкалля.

– Навіщо лізеш у ту дірку? – запитували офіцери.

У відповідь лише стенив раменами.

Служив у селищі Дровяная Читинської області. Дванадцять років. І жодного разу не жалкував, що попав сюди. Хоча бувало по-всякому – виснажливі чергування, безкінечні тренування, інспекторські перевірки, «накачки» старших командирів тощо.

Як виходцю із села, інколи до болю хотілося виїхати в степ, посидіти над річкою з вудочкою або ж збирати печерички...

Ніби читаючи його думки, брати Сергій і Віктор Землянінови, обидва надстроковики, запропонували найближчого вихідного дня поїхати до їхнього батька, який жив неподалік у селищі Ульоти. Останній аргумент спрацював безвідмовно: у річці Інгода без особливої напруги можна спіймати тайменя вагою до двадцяти кілограмів. А то й більшого...

Батько хлопців, Сергій Олександрович, зустрів привітно. Дав необхідне спорядження і побажав успіху. Риболовля насправді виявилася королівською. Не тільки самі ласували, але й увесь дивізіон нагодували юшкою...

Увечері добряче підкріпилися, непогано розігрілися. Брати пішли до мами, побажали доброї ночі, а самі полягали спати...

Микола з господарем продовжували вечеряти. Спочатку все йшло гладенько. А потім, незрозуміло чому, почалися якісь кострубатості. Ніби «перехват» у велосипеда...

Нарешті здалося, що Сергій Олександрович збирається зробити рішучий крок. Бо, зітхнувши, запитав:

– Бачу, ви з України?

– Так, стовідсотковий українець.

– Я вперше в житті розповідаю цю історію.

На Миколу ж почуте, як бурхливі хвилі, накопалося з прорваної греблі – велике горе...

– Було це, здається, у 47-му році, – почав сумно батько хлопців. – Раптом у село налетіла ціла зграя синьокашкетників. На площу зігнали всіх мешканців, у тому числі і нас – дітей. Виступав один, певно, старший – злий, як собака. Не стільки говорив, скільки страхав.

Виявилося, що сюди для відбуття покарання привезуть із Західної України бандерівців, буржуазних націоналістів, – найлютіших ворогів радянської влади. Спілкування з прибульцями категорично забороняється. Кара за це буде жорстокою. А ще кожен мав дати розписку про те, що він довічно буде мовчати і ніколи нікому не розповідатиме про побачене. Хто не дотримається цієї вимоги, на того чекає тюрма...

За нашим селом височіли дві сопки. Між ними була ледь примітна доріжка, якою сільчани ходили по гриби, ягоди, лісові горішки.

Через день після сходки з'явилися сапери і в авральному порядку почали облутувати сопки і частину долини колючим дротом. Поставили кілька сторожових вишок, спорудили приземисту казарму для охоронців.

І ось пішла чутка, що на станцію Мозгон почали прибувати вагони-телятники, набиті людьми по самі вінця. Кілька днів їх перевозили у кузовах «студобеккерів», зашторених цупким брезентом.

За селом бранців розвантажували і під пильним наглядом охоронців з собаками через вузький прохід гнали за сопки. Після останньої партії вхід затягли густим мереживом колючого дроту. Виставили вартових. Більше ніхто не бачив, щоб хтось ходив за сопки чи повертався звідти...

Ті, що жили на околиці, з великим страхом пошепки розповідали: в тиху погоду із-за дроту долинають жалібні звуки – чи то молитви, чи то плачу, чи то голосіння...

Знайшлися сміливці, які смерком хотіли наблизитися до колючої огорожі. Але кулеметною чергою з вишки їх відігнали – і більше ніхто не наважувався так робити. Пішли холодні осінні дощі. Звуків долинали все менше і менше. А коли землю скував мороз і випав сніг, то вони зовсім припинилися. Після затяжної зими сніг, нарешті, став розтавати.

Ось уже й дорогу до села пробили. Знову з'явилися сапери. Швидкими темпами розібрали вишки, казарму вартових, змотали колючий дріт – найдефіцитніший матеріал того часу.

Мешканці села спочатку ходили попід сопки, прислухалися. Прислухалися, але нічого не було чути. Йти ж далі боялися. Лише через кілька днів зголосилася група чоловіків. Узяли з собою сокиру, лом, дробовик, собак...

Потихеньку й обережно пройшли за сопки. Якось несподівано перед ними відкрилася жахлива панорама смерті. З правого боку, проти сонця, облаштовано кладовище. Перші невеличкі могилки старанно доглянуті. У головах кожної – хрестик, де видряпано або хімічним олівцем виведено прізвище та ім'я хлопчиків і дівчаток. Видно, дітки першими не витримали голодних тортур.

Потім пішли могилки бабусь і дідусів, батьків і матерів. Чим далі – тим скромніша могила. А вже коли вдарили морози, то не вистачало сил копати ямки. Мертвих клали рядочком, обкладали

камінням, присипали щебенем. Хрестів не було, лише на деяких камінчиках можна було прочитати прізвище чи ім'я.

Аж під самий кінець залишилися четвірка найміцніших мужчин. Але поховати або хоч чимось прикрити їх вже було нікому. Тому охлялі, виснажені, вони полягали поруч, один біля одного. Неспроможні були навіть боронити себе від звірини. Вовки чи ще якісь інші потвори обгризли геть усіх – залишилися голі скелети. А останньому нещасному перегризла горло якась тварюка. Потім відірвала голову, сіла на горбочку й обгризла все, що тільки можна було, залишивши після себе сухий білий череп...

Поки мали сили, у крутому схилі люди влаштовували собі якісь землянки, погрібці, довбали дірки-нори. З гілок робили халабуди.

На вогнищах підсмажували гриби, рідко – пташку чи якусь іншу дичину.

Купки лушпиння свідчили про те, що діткам збирали лісові горішки, кедрові шишки.

Пізніше обрізали кору з дерев, гризли тоненькі гілочки. Шматки паперу та ганчірочки свідчили про те, що багато нещасних були вражені кривавим поносом...

На столику лежать стиснуті кулаки...

Дивлюся і думаю: хоча б не лопнула на них шкіра від напруги.

– Вранці, – продовжує мій товариш, – біля воріт ми попрощалися з господарем. Оглянувся на сопки. У променях сонця над ними завис рожево-червоний серпанок. Ніби кров випаровується з невинно загублених душ...

Перед нами – спорожнілі пляшки. Навіть незчулися, коли і як це відбулося.

У недолугих баламутистих політиків стала класичною фраза: «Поки не буде з почестями похований останній загиблий солдат, до тих пір не можна вважати закінченою війну».

Слухаючи демагогію нинішніх високопосадовців, думаю: до тих пір, поки не буде знайдено і покарано останнього беріївця і його послідовника, катів Майдану – також, до тих пір не можна вважати, що у нас побудована справедлива правова держава...

У двері постукав провідник:

– Будь ласка, здавайте постелі.

Отже, приїхали...

Тетяна СВІРСЬКА

ЗА МИТЬ ДО ОДКРОВЕНЬ

* * *

Дай зігрітись біля тебе, весно!
Полишивши сумніви і страх,
може я ще мріями воскресну
у твоїх завітчаних садах?

Зачудуюсь, замилуюсь цвітом
та й здіймусь, хоч на коротку мить,
над воюючим і очманілим світом,
над усім, що рветься і гримить.

Понад тим, що умістить несила, –
марнотую сліз, безсиллям слів.
Може й справді мрія легкокрила
промайне крізь плетиво вітрів?

Раптом, відігрівшись біля тебе
у духмяно-сонячних садах,
я відчую знову дотик неба
у покуті й тихих молитвах.

* * *

Це просто вітер за вікном, морозний вітер
колише кленів і беріз холодні віти.
Це він, сховавшись від очей під мерзлим дахом,
жбурляє снігом і кричить самотнім птахом.
Зима примарою кружля в танку завії,
а хмари купчаться, летять і морок сіють.
Через замети, нашвидку, лишивши втому,
зник день у світлі ліхтаря за рогом дому.
Пухнасті ковдри льодяні весь світ устелять.
І так незатишно думкам у цих пастелях.
Кажу собі – це лиш зима. Це просто вітер
колише кленів і беріз промерзлі віти...

* * *

Ти забери мене із цього дня
і поведи туди, де сонце й літо,
де свіжий вітер хмари розганя
і грається ромашки білим цвітом.

Свірска Тетяна Дмитрівна. Народилася 8 березня 1966 року в с. Щербанівському Вознесенського району Миколаївської області. Закінчила Рівненський державний інститут культури (1989), за фахом режисер. Працювала керівником літературно-музичного клубу в м. Івано-Франківськ, методистом в обласному будинку культури «Березіль», м. Тернопіль. З 1997 р. проживає в Миколаєві. Друкувалась у журналах «Дніпро», «Благовісник», «Малятко» та «Мамине сонечко». Автор поетичних збірок «Політ на волю» (2008), «Із вічністю наодинці» (2014), збірки віршів для дітей «Сонячний зайчик» (2015).

Поклич мене. Із безладу буття
піду з тобою теплими дощами.
Хай тиша гоїть стомлені чуття,
а зорі надихають до нестями.

Поклич мене тепер. Не забарись.
Нехай душа, знесилена і квола,
здійметься високо у небо, як колись,
і світлим променем опуститься додолу.

* * *

Я так далеко відійшла
від тих вершин осяйно-білих.
В думках буденних і несмілих
доріг колишніх не знайти.
Мої загублені світи
у снах приходять на світанку.
Та пригадать не можу зранку,
чи там був жаль, чи може сміх,
над тим шагреним шматочком
моїх теперішніх утіх.

* * *

Щось інше, ще незнане та стрімке,
вмить душу ошелешену підхопить.
Таке щемливо-рідне і п'янке,
аж відчуттями подих перехопить.
Щось не від нас, не від буденних днів.
Воно й суєтність – несумісні речі.
Воно не потребує зайвих слів,
а мовчки вириває з порожнечі.
До нього не потрапить навмання.
Не віднайти – того жадати треба.
Не допоможуть сила й визнання,
то – не земля, то вже початок неба.
То – незбагненність. Світла таїна.
Туди стрімка уява не здійметься.
Лише молитва, щира й запальна,
краєчка вічності із трепетом торкнеться.

* * *

Ми вийдемо у дощ. У фарбах листопаду
відкриєм потайні непізнані світи.
Неспішно пройдемо фесрією саду –
за мить до одкровень, за крок від самоти.
Забудем про роки, про часу плин і втому.
Полишимо усе, хоч на коротку мить.
Сховаємось удвох у сьайві золотому
послухати, як дощ тихенько гомонить.

Там, у густій траві, спить розпластавшись вітер.
Кружляють на листках уже забуті сни.
І рвуться в небеса напівпрозорі віти
в бажанні зберегти хоч залишки весни.
Ми вийдемо у дощ. Так легше загубитись.
Перейдемо туди, де затихає день.
І будемо разом сміятися й молитись –
за крок від самоти, за мить до одкровень.

* * *

Водами сонними, кроком нечутим, поміж лозою
літо відійде у марево снів, схлипне грозою.
Спомином чистим душу пройме, моря припливом,
ружами, мальвами, світлом, теплом, вивільги співом.
Яблуком зрілим до ніг упаде, трави сколише.
Поле медове, коника спів в пам'яті лише.
Кину знесилено літу услід: «Як я без тебе?..»
Тихо журавлик журбою злетить в зоряне небо.

* * *

Колись тут падали зорі, їх трави приймали радо
і роси тепло вбирали осяйного світлопаду.
Давно то було чи вчора – їх щедро сипало небо.
Творились душі бажання, предивні її потреби.
У зарослях бузинових дрімали вітри-чужинці
і коник співав чи плакав, із вічністю наодинці.
Давно то було чи вчора – земля в осяйнім полоні,
у росах купались зорі, схилялись дерева сонні.
Шукаю хоч слід, хоч натяк – болючі чуття забуті...
Дерева... Байдужі роси...
Вітри холодами скуті.

* * *

Стомлений день. Сад крижаний. Вітер.
Де ж ці думки, зимні думки-діти?
Мріям слабким де віднайти сили?
Хмари важкі небо ясне вкрили.
Нині в жалобу невтішна душа вбрана.
Темна завія, люта війна, – рана.
Сміх захлинувся безміром сліз вчора.
Вибух фугасу. Чорна стерня. Горе.
Вирва на місці густих споришів – дому.
Дзвін не стихає, надривно гримить.
Подзвін по кому?..

* * *

Земля зболіла перейшла у ніч.
Десь поруч вибухало й гуркотіло.
А в вирвах покалічених узбіч
малий цвіркун виспівував несміло.
Тут ніби зупинилося життя.
Лиш темрява, сховавши попелище,
вслухалась, мов налякане дитя,
у те, як вітер крізь дерева свище.
Між почорнілих соняхів луна
над кимось безпорадно голосила.
І недоречна пісня цвіркуна
лилась над світом тихо і безсило.

* * *

Я згадую безжурний край, мрійливі ночі.
Там більше бачила душа, а менше – очі.
Там зачекалась серед трав стежинка в полі
і височать, як маяки, старі тополі.
Там сіли зорі відпочить на сонну грушу,
а із кущів малий цвіркун чарує душу.
У споришевих килимах пригрілось літо.
І закликає Синій птах життя радіти.
Там кожна жилочка ества тяглась до неба
і була впевненість у тім, що так і треба.
Чи то в снігах, чи то в дощах згубилась доля.
І потихеньку зароста стежинка в полі.

* * *

Хай сповідається душа в відкритім полі,
під пильним поглядом небес, на видноколі.
У ароматах і вітрах, в обіймах тиші
їй не потрібні для промов стрімкі узвишся.
Для чого ладан їй і віск, для чого стіни?
То все минуще, а вона – навік нетлінна.
Без зайвих слів, гучних заяв, як справжнє чудо,
душа у щирій німоті почута буде.

Павел ТКАЧ

ПЕРИПЛОС*

(из будущей книги)

КОНТРОЛЬНЫЙ ДИКТАНТ С РИТОРИЧЕСКИМИ ФИГУРАМИ

Пиши:

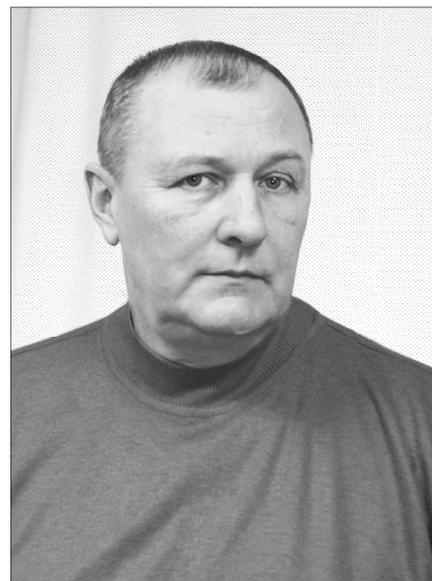
Закат – пунцовый кипяток,
провинция заглядывает в космос,
но, следуя за тенью абрикоса,
как прошлое, уходит на восток.
Так ищут на поверхности планет,
вращая телескопы на треноге,
не знания, но визии, что боги
отсутствуют и преисподней – нет.
Похоже, мы ослепли, малыши,
на склоне умозрительной дороги.
Курвиметры не ведают тревоги пересечённой местности.

Пиши:

Пространство сокращается, меж тем болеет чаще:
ломки горизонта;
сукровица открывшегося фронта;
бесплодие, ни снегом, ни дождём уже неизлечимое
(Авраам, конечно, верит, но смеётся Сарра).
Пустыня, безымянная отара.
Всё, что прилично делать овчарам –
die Stunde: благодарные слова,
что существует едкий запах брынзы
и слёзы – замечательные линзы
исследовать наследные права.

Пиши, малыш:

Дорога, лазарет,
халат бумажный, марлевая маска,
свивальник мира, улицы Дамаска,
прохожих много – провожатых нет.
Навязанным соседством (как тюрьма) гнетёт окрестность.
Беглые овчарки,
отступницы породы, на подарки судьбы надеются.
Но в городе – зима и карантин.
Эвксинские моря кишат судами вражеского флота;
щенки колониального помёта
свернулись в первых числах января клубочком.
Диктант окончен. Точка.

Ткач Павел Александрович. Родился 8 января 1960 года в Николаеве, где окончил среднюю школу и был призван в Советскую Армию. Окончил филологический факультет Николаевского педагогического института (1985). С 1997 года живёт в Киеве, работает заместителем директора консалтинговой компании (инвестиционная и имущественная оценка). Стихи писал с детства до 1992 года. Вернулся к поэзии в 2010 году. Автор поэтического сборника «Границы и пограничники» (Николаев, 2014).

* Периплос – название из греческой античности, в авторской интерпретации – объезд Чёрного моря.

ШЕСТЬ ВРЕМЁН ЖИЗНИ (СВИДЕТЕЛЮ)

Свидетелю, когда я упаду
в копилку этнографии окрестной,
возьми шестиконечную звезду
моей национальности небесной:
кокарду милитарную, шеврон
(числом внезапных остановок сердца),
симпатии и скепсис иноверца
по поводу враждующих сторон;
сочти лучи на спицах колеса
предвечного железной колесницы
моей судьбы, свободы и темницы –
все шесть времён, пронзивших небеса.

6

Вот направление: из дому – домой,
январский луч водительный не меркнет.
Ребёнок спит, и мнится акушерке,
что счастливы рождённые зимой.

5

Весенний луч лежит, едва дыша,
на дневниковой записи подростка,
не голоса ещё, но отголоска
чужого знания, что жизнь нехороша.

4

Вот летний луч на пляже городском
находит звуки, капли, силуэты,
утраченную девственность, монеты
и всё, что поглощается песком.

3

Вот луч осенний – в сторону Офир –
офирный путь, что выбирают птицы,
минуя православные столицы,
тем более – провинциальный мир.

2

Но луч закатный, розовая пыль
последнего желания... Свидетель,
что нам Офир? Всё золото на свете –
прибрежные твои 12 миль.

1

Когда-нибудь любой замытый след
проявится; почтовые бутылки
откупорят; наполнятся копилки;
и пляжные искатели монет
зажмурятся на Бесконечный Свет.

ПЕРИПЛОС ВНУТРЕННЕГО МОРЯ

Земля – оседлым. Крепче черепицы –
единство крови, глины и корицы.
Периплос мой – небрежные границы
кочевников. Уключины, ключицы,
гребцы качали вёсла, и ресницы
сгорали.

Лоцман подшивал страницы
в дорожный атлас комнатной науки,
блюдя размер. От встречи до разлуки
ночные звери издавали звуки
вполне животной радости и муки.
В такие ночи ласковые суки
в глаза смотрели и лизали руки
объездчику (и пряностей крупницы).
На языке – посланий вереницы.
Причуды памяти – глубокие криницы,
где утонули грёзы и девицы
(нетронутые ласки и куницы).
Периплос мой – не петли, так петлицы
залётных каперов.

МАЛЬЧИКИ, РЫБЫ И ХРИСТОФОРЫ

Легко ли плыть, как все морские дети,
оглядываясь на материки?
Как надоели рыбам рыбаки,
особенно – капроновые сети.
Мой брат, свирепый-светлый, Христофоре,
волнения несущий. Иногда
клепсидра лечит внутреннее море:
послушная механике вода
по капле исцеляет города
и жителей от мысли о Босфоре...
Прощайте, Время, город горбоносый,
похожий на макет морского дна,
где крабам очевидна и видна
белесая дорога (dolorosa)
блестящей рыбы, мальчика-матроса.
Одна.

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ И СМЫСЛА

Что *им* было: был трофейный лебедь
голубой немецкой порцеляны;
карточка почтовая: «Ichlebe
в самом центре моря-океана».

Что осталось – запах нафталина
в пиджаках загробного оркестра;
закатилась «...взятие Берлина»
(или Кёнигсберга – неизвестно).

Что *нам* было: пагубное место,
хорошо утоптанная глина;
биточка «за-взятие-берлина»
(или Кёнигсберга – неизвестно);

был пристенок; пристальная доля;
неосуществимые дороги...
Потоптались робко на пороге
и шагнули в Лагерное Поле.

Жили-были: громоздили числа,
хорошо утаптывали место.
Всем, пропавшим без вести и смысла,
что нам будет в царствии небесном?

О ПРИЛЕЖАНИИ НАДЕЖДЫ, или АВТОХТОННЫЙ ОСЛИК

Надежда в городе сезонном
прилежна в слякотные зимы.

Когда ничуть не отразимы
её черты в стекле оконном,
какой-то ослик автохтонный
среди обилия предметов,
упавших наземь прошлым летом,
её находит взглядом сонным.

Страницы идеальной книги,
где нет ни слов, ни самой мысли,
но лишь бесформенно повисли
ещё невидимые фиги
другой страны (какой-то ослик,
что был орудием прилежным
приобретения надежды
и будет после) – будут после
войны.

Тогда приметы мира
проявятся в оконных стёклах,
вздохнёт и разобьётся смоква
в лепёшку сладкого инжира.

Анатолий МАЛЯРОВ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ БЫЛИ

Третьим будешь?

Говорят, мораль покатила только при демократии. Из моего опыта видно: от Заповедей Исхода отступали во все времена. В начале пятидесятых уж на что был порядок, но и тогда...

На третьем курсе у нас, в театральном институте, были сложности с английским языком. Я с пелёнок слыл философам, без посторонней помощи вывел: на кой хрен мне английский – всё равно за бугор не пустят. Митя Кучерюк, парень от сохи, привык тянуть ляжку, что в борозде, что со словарём. Но у него всё получалось по-своему. Work – понимал как вор, bread – как бред, а sister со смущением переводил: сиська. Один одессит Ромка Есипенко кое-как спикал, всем подсказывал. Умён был за двоих, подозревали, что происходил из евреев.

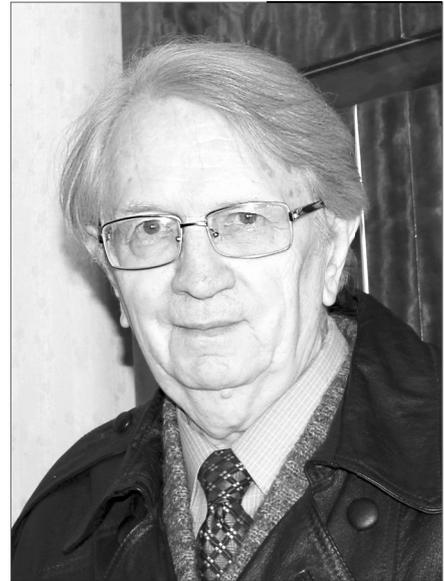
Слава Богу, Варвара Львовна была подслеповатая, и мы могли в адаптированных книжонках на английском между строк загодя карандашом писать переводы и поражали доцента плохим чтением и отличным переводом. И всё же, чтобы совладать с нами, ей в помощь подбросили в ассистенты Лилию Григорьевну, молоденькую, почти моих лет, женщину с личиком и фигуркой гран-кокет. Эта строчила на мировом языке – конём не догнать.

Но тут возникла скрытая коллизия. Лилия выделила меня, индивидуально посидела над моим reading, утомила меня, сама устала и... пригласила слабого подопечного в кино. Я, надеясь на положительную отметку по иностранному в зачётке, а может быть, и ещё на что-то, пошёл. Неделю спустя Лилия Григорьевна пригласила меня к себе домой – познакомить с мужем. Мол, кандидат наук, мыслит неординарно, нам его догонять и догонять... Я недоумевал: зачем? Первая мысль: муж у неё тоже «иностранец» и предложит себя в репетиторы. Так хорошо начиналось – и вдруг!

В устье Прорезной улицы, в новой «сталинке», на каком-то, с лифтом, этаже – однокомнатная квартира с просторной кухней.

На столе салфетки, приборы, порезана колбаска, шалашиками сложен сыр, искрится пирожное. В затейливом графинчике – розовое вино, по краям столешницы три брюхатых бокала. Завершал сервировку субтильный мужчина лет тридцати с небольшим. В сером костюме и сам сероватый, при галстукке дома и с глубокими залысинами: это уже хоть дома, хоть на работе – не прикроешь. Лысый и серый ментор, излишне предупредительный и с виноватым румянцем на щеках.

Упорно угощали меня, интересовались происхождением и взглядами, пробовали шутить. И ни слова об английском языке. Чувство экзаменационной сессии от меня отринуло. Я включился в разговор, и тут я заметил, что хозяин дома по-

Малыров Анатолий Андреевич. Режиссёр, драматург, писатель. Родился 21.04.1933 года в поселке им. Т. Г. Шевченко Березовского района Одесской области. Окончил Киевский театральный институт им. И. Карпенко-Карого (1958). Работал главным режиссёром Николаевской телестудии (1960–1969 гг.; 1973–1988 гг.), режиссёром и заместителем художественного руководителя Николаевского русского художественного театра (1969–1973; 1989–1993 гг.). Автор многочисленных повестей, телесценариев, пьес, рассказов и очерков. Пишет на украинском и русском языках. Член Национального союза писателей Украины (1983).

степенно и вежливо тускнел на глазах. Что там у него в передовой голове, которую нам не догнать, творилось, я не догадывался. Понял по-студенчески просто: не туды хатка, пора! По-английски ли, по-русски, но пора уходить. Ушёл.

Назавтра заметил, что Лилия Григорьевна смотрит мимо меня. Можно было принять жизнь, какая она есть, и тоже смотреть поверх её головы, но приближались экзамены. А я так надеялся на шаровое «хорошо». Решился, перехватил ассистентку в вестибюле, глухо спросил:

– Что вы так? Я же...

– Муж сказал, что вы квёлый интеллигент, с вас толку...

Я не переспрашивал, о каком толке речь, да и не понял бы объяснения – я ведь о себе держал мнение повыше плинтуса. Разминулись.

И назавтра я заметил сугубое внимание Лилии к Ромке Есипенко, из одесситов. Этого квёлым не назовёшь: костистый, высоту перекатом брал метр и девяносто сантиметров, близко к мастеру. Всегда при улыбке и со свежим анекдотом:

«Абрам, правда, что ты с Бусей, соседкой, живёшь?»

«Боже мой, один раз живнул, и об этом уже все говорят!»

Я завидовал его силе, лёгкости его характера и уравнивал мнение о нас в людях так. Сидели мы рядом. На скучной лекции я доставал советский пятак, показывал его целеньким Ромке – слева и Мите – справа. Потом, когда коллеги сильно вслушивались в лектора, втыкал пятак в щель стола и чуть-чуть сгибал его. После укладывал уродца между указательным и средним пальцем, прижимал впадину большим и толкал ребят – смотрите. Из последних сил подавал большой палец в изгиб пятака. Напрягался, дрожал всем телом и показывал, как я в трёх пальцах сгибаю монету. Парни ахали, пробовали сами – не получалось.

И вот Лилия повела этого Романа в кино, а потом – знакомить с мужем. Вернулся парень поздно, не похожий на себя, бледный и сутулый. Стал избегать общества Лилии, и – никому ни слова. Как-то в студенческой столовой, когда коллеги разбежались, я прижал его расспросами:

– Ром, чем ты провинился перед Григорьевной?

– Ах, оставь.

– Но экзамены на носу, а ты злишь её...

– Не я. Мужик её...

– Что, он парень из органов? Оперативник? Вербовал тебя?

– Хуже.

– Пытался сделать из тебя англичанина?

– Знаешь, мне трудно носить в себе такое. Поделюсь с тобой, но зуб вон, если проронишь!

Я сунул себе в рот большой палец, шаркнул по зубу. Роман совсем подался через стол, потом пересел ко мне ближе.

– Семья у них отличная, дружная, и это, как его... любят друг друга.

– При чём тут?..

– При всём. Расставаться не хотят.

– Совсем сбил ты меня с толку.

– Толк, толк... Тут толку, в общепринятом понимании, нет. Этот без пяти минут доктор филологии – переучился, совсем удумался, стал это, как его... импотентом. Ты слышал такое слово?

– Ну, на уроках марксизма-ленинизма. Эти... меньшевики и эсеры, по Ленину, импотенты.

– У-у-у... То образно. А по факту – это когда она того, а он не того...

– Понял. Но ты-то здесь при чём? Бледнеешь и краснеешь.

– Так они ищут третьего, но... такого, чтобы ломовик, но душевно не по нутру, чтобы Лилия не влюбилась. Вроде у нас в Одессе: и на Привозе побывал, и ничего не украл. Понял?..

– Слушай, Ром! Ты привык много сыпать анекдотами. Не новинка ли это в твоём репертуаре?

– Не смешно. У людей горе... Я еле сбежал. Ломовик, видишь ли, я – и только. Чтобы не влюбилась!.. Ты говоришь, марксизм-ленинизм, вербовка в сексоты. Это естественно, тут ничего такого, это наша жизнь. А вот такая любовь... чтобы даже если того, то не расставаться... искать третьего. Это уже кощунство и ересь, по марксизму-ленинизму...

После нашего разговора в столовой, уже двое, Ромка и я, ходили бледные и часто оглядывались. Так вроде нас вербовали, мы улизили и теперь ждём худшего.

Помучились малое время, издали присмотрелись к Лилии Григорьевне. Она нервничала пуще нашего. То молчит весь урок, пока Варвара Львовна поёт нам «Dolli, Dolli, Dolli, far»... а то вдруг го-

ворит, говорит, да всё по-английски, вроде заговаривается. Пугает студенчество, люди всей аудиторией клубятся, силятся понять. А мы с Есипенко всё понимаем. Я даже дальше иду, шепчу дружку:

– А эта самка – бешеная. Хотя бы где-то в тенёчке не набросилась...

И мы с дружком решили помочь темпераментной женщине, найти ей «ломовика». За тем же столиком в той же студенческой столовой и наедине я говорю:

– Есть кандидатура.

– О, выкладывай.

– Митя Кучерюк.

– Не подойдёт.

– Да что ты! Он мускулистый, с быками управлялся в колхозе. Тяговая сила.

– Так он занят. Учится и работает, калеке мамке в село посылает всю стипендию.

– А вдруг кандидат наук за ломовые труды платить ему будет! Мамке подспорье. Митя бросит по ночам вагоны разгружать. Ты понимаешь? Мой дед на подпитии говорил: мерку любви отбудешь – всё равно что вагончик разгрузишь. Полезное с приятным.

– Митя рьяный комсомолец, кандидат в партию. А там народ тёмный, устав им, как Коран пить, – не позволяет прыгать в гречку.

Два дня мы не думали об экзаменах, не писали шпоры. Человеколюбие одолело. Наконец Ромка схватил меня за лацкан:

– Аркашу Косинского сфалуем, а? Здоровяк, гонщик на мотоцикле, мастер спорта!

– Не подойдёт. Он же еврей.

– А я что, лучше?

– Ты одессит. Это другой коленкор, вам море по колено. А там – мораль от Иеговы...

– И Коран, и Талмуд – всё попереёк счастьем. Да... Хоть сядь да плачь...

Ромка предприимчив и инициативен. Если возьмётся за гуж, то не оставит уж... По дороге в общагу – новая мысль его:

– Жаль, курс у нас маловатый. Может, среди старших поищем?

– Хочешь в открытую? Не поймут.

– Да чего там, охочих ой-ой сколько. Помнишь из народного: «Где мадам Шмульски, почему я не её вижу между здесь?» – «А мадам у очередного клиента».

– Ну, тогда рассмотрим кандидатуру Славы Сумского. Рослый, красивый, поёт...

– Ляпнешь! В Славу всякая встречная втюрится. Будущий народный артист. Хочешь разбить семью кандидата?

– Ну, тогда – Миша Крамарь.

– Не то амплуа. Миша комик, а у людей трагедия. Тут надо осознавать, проживать и сочувствовать. И потом, Миша тупой, как шитый валенок. Перед философом осрамит весь наш престижный институт.

– Жаль, а фактура подходящая. Рост, брюхо – барыло, так и вижу в деле – пресс-папье.

– Заметил, насколько легче найти третьего к поллитровке, чем к любовному треугольнику.

Время не терпело, предмет совсем запустили, а тут весенняя сессия! В канун экзамена по английскому нас осенило, обоих одновременно.

– Боря Головатюк!

Боря – бедный, как колхозник, крупный, накачанный, без предрассудков. Поест, потолкать штангу, поспать – первая, вторая и третья его заповеди. С этого и начали, в два голоса:

– Боря, поест можно с чистого стола. Колбаса, сыр, сладости. Винцо! А вилки, ножи – серебро высшей пробы...

– Поспать можно крепко, и не в одиночку, да таким затычным образом, что дальше штангу толкать не захочешь.

Боря в принципе туго соображал, а тут такие аргументы, такая обнадёга с гарантиями, что не поверить опасно. Парень стонал и мычал. Вмешался его младший брат – Женька. Этот хватал на лету всё, что даже мимо шло:

– Боря, не тяни, а то я решусь.

Не рисковать же младшим братом – и Борис решился.

По рукам. Поддела сделано. Есть объект и есть субъект. Осталось найти способ обретения этим субъектом этого объекта. Выручил сам штангист и теперь уже свой парень Боря:

– Покажете после английского экзамена.

Ромка упростил вопрос:

– Мы тебе покажем на самом английском экзамене.

– В натуре? Прилюдно? А скромно ли?..

– Боря, не тупи! Издали и в одежонке покажем.

Перед дверью в английский кабинет малая толпа. Лица расслабленные, общий дух приподнят, не похоже на ответственный момент. Я смутился:

– Что за праздник на нашем околотке?

Три голоса одновременно ответили:

– Варвара сама принимает. Можно шпаргалить вовсю.

– А Лилия Григорьевна?

Уже четыре или пять голосов отозвалось:

– Нет Лилии Григорьевны. Со вчерашнего дня. Уволилась!

– Why? – это Роман с перепугу по-английски.

– Po zo? – это я, не то по-польски, не то по-чешски. Ни того, ни другого языка я не знаю, но в ужасе, говорят, человек способен гору сдвинуть.

Демарш Лилии Григорьевны стал понятен позже. Мы так старались хоть что-нибудь сделать для милой и страдающей молодой женщины, что исподволь раззвонили её тайну на все три курса, где она преподавала. А тайна её уникальна и, наверное, по тому же марксизму-ленинизму – постыдна.

Ещё мы узнали, что милая и одарённая женщина долго-долго оставалась без работы.

Гастроли

Я тридцать один год не был в Днепропетровске (теперь Днепр). И вот выгружаю декорации в пандус театра на проспекте, тогда ещё им. Карла Маркса. Вместо обеда хожу по улицам, по набережной – местам моей укотившей за горизонт юности, кстати или некстати, но и женитьбы. В десяти метрах от серых вод Днепра – памятник афганцам. Но не бронза и гранит привлекают внимание, а полутораметрового диаметра труба почти под монументом и зёвом алчно направленная в реку. Час назад на город свалился короткий, но мощный ливень, и теперь тугая струя во всю пасть трубы изрыгает в главную артерию Украины жгуты соломы и бумаги, накопления ржавой канализации, а также нефтевыбросы заводов – их тогда было две дюжины и ещё столько же...

На проспекте – оперный театр, при мне его не было, как и выставочного зала с удобной сельскохозяйственной техникой из Европы.

У служебного входа театра живёт крупная и смурная сука полынного окраса. Природа её редкая – она лесбиянка. За девять лет обитания при вахтёрах ни разу не оценилась, но почти каждый день привлекала к нетрадиционным отклонениям пробегающих мимо разномастных сучек: седлала убудочные спинки и споро тёрлась набухшими титьками о крупы терпимиц.

Однако достопримечательность каждого города – это его люди. Скажете, теперь в нашей земле все одинаково затурканы политикой и, похожие друг на дружку, вертятся в поисках куска хлеба. Согласен, но...

На другое утро после открытия гастролей ко мне подошёл бывалого вида, исправенький кавказец в модной куртке нараспашку, выбритый, пахнущий озоном и коньячком, как водится, горбоносый и шерстистый. От роду лет сорока, манеры – человека при деньгах, даже красив в таком выражении.

– Паслушай, юлдаш! Вчера у вас в зале был полный сбор. Токо мне не гавары, мал-мал понимаем. Это приглашённое начальство и завсегда толпился. А что будешь делать саба... то есть завтра?

– Реклама, распространение билетов борзовиками...

– Ты первое лицо в труппах?

– Второе.

– Тоже карашё. Я тебе сделаю два аншлага.

– Рад. Только что вас побуждает к такому шагу?

– Ты видэл тэлэвизор каждый вечер? Кто тебе понесёт сорок-падэсат манат, кагда дома за так и Бразилия и богатые тоже слёзы, вай-вай!

– Ну что же, рад буду вашей помощи.

– Токо у меня встречный выгода.

– Интересно?

– Срэди ваших труппа я видэл на прэмьера адын девушка – тцы, тцы, тцы! Падходит мне. Ты пазнакомишь, я тйбе два аншлага – полный зал.

Я в значительной мере отвечал за пропаганду театра и, естественно, недобор средств удручал меня. Но меня донимала неловкость, хотелось отделаться, отложить затею, а там юлдаш протрезвеет и забудет.

– Приходите к началу сегодняшнего спектакля и украдкой покажите мне, кто на вас произвёл столь сильное впечатление.

Пришёл кавказец, в руке просвечивающаяся сумка, в ней до дюжины бутылок, по шляпкам – хорошие вина: «Цинандали», «Саперави», коньяк с латинской надписью – чёрт его знает, что ещё, я не пьющий по бедности.

– Ты не тушуйся, я спиртной за лестница спрачу. Потом висех артист угостим, чтобы карашё про нас сказал. Показывай твой женский полк, я выберу себе.

Мы фланировали вдоль гримуборных; не положено, но ведь гарантия в два переполненных зала и маленький байрам для тощей актёрской братии уже сегодня. Ни молоденькие статистки в комнате на шестерых, вызывающе полуголые и упругие даже без ошупи, ни холостячки неопределённого возраста, не без интереса оглядывающиеся на представительного мюрида кавказской национальности, не останавливали моего спутника более чем на две-три секунды. Он так уверенно шёл к гримуборной примы, что даже я, не ловелас, сообразил: каждый гастролирующий театр платит этому дельцу дань, разумеется, натурой. Я испугался: уж очень строгих правил на службе был наш художественный руководитель Анатолий Литко.

– Хоть скажите, как вас зовут? – залепетал я у двери Людмилы Андреевны, четвёртой по реестру и любимой жены нашего заслуженного-лауреата-депутата, в общем, шефа, который не распространял служебные правила на свои интимы.

– Скажи этой ханум, што тут Гасан... И филе-филе, нэ надолго. Гасан и, скажи, твой кунак.

В апартаментах нашей звезды оказался Сам, то есть художественный бог Анатолий Яковлевич. Я стушевался – меня раздирали в разные стороны вечные прерогативы: любовь и долг. Тем более что к вожделениям я уже подостыл, а за долги театра не раз ходил с намыленной шеей. И начал я так:

– Анатолий Яковлевич... э-э-э, это гость, Гасан. Два аншлага гарантирует.

Крупный режиссёр, заметно седеющий, пухленький, вымытый-выбритый, признанный и себялюбивый, снисходительно улыбнулся:

– От добра не отказываемся.

Пожали руки, гость начал с копыта:

– Миня интересуеет вот этот женщин. Карошь вчера был. Сегодня и завтра тоже будет карошь. Зум... я его лублю.

Шеф театрально, похоже на Яго из последнего акта, засмеялся:

– Людмила Андреевна – моя жена.

– Не может быть! – ахнул кунак Гасан.

– Отчего же «не может быть»?

– Ты – стар. Ты уже шутить можешь, а он – а он женщин молод, вай-вай! Он висо, гамусен может.

В тоне театрального трёпа я пытаюсь перевести диалог в код:

– Свидетельствую: муж и жена, у них ещё есть шестилетний сынишка.

– Сынишка в шесть лет? – вывернул белки Гасан и блудливо хихикнул. – У тйбе, уважаемый? Ты слишком самонадеятельный, юлдаш! Хи-хи...

Ничего не остаётся нашему трио, как принимать хамство за шутку. Смеёмся, но недолго: приплыв гонора помаленьку делает лицо шефа каменным.

– Порезвились – и хватит, – говорит он окончательно. – Оставим Людмилу Андреевну, она готовится к выходу.

Я мобилизую весь свой талант заводилы, волоку кавказца с такими словами:

– За спиной шефа заглянем ко второй героине. К нашим одиноким и молодым статисточкам. Якши? – я уже осваивал один из бесчисленных кавказских языков.

Приотворяю дверь каморки на четыре персоны. С лёгким, скорее ложным и поощрительным, визгом девушки запахивают грудки, опускают юбочки. Одна, самая заводная, оставляет бюст и ляжки наружу, поставленным голоском поясняя:

– Я на работе. Сие есть мой реквизит.

Гость прокалывающим взглядом смотрит на эту, вертящуюся у зеркала, по-хозяйски переступает порог внутрь, поворачивается на пятках, с кислой миной осматривает всех: вторую, третью и пробегающих в дверь остальных наших красавиц – и вышагивает в коридор с обиженной миной.

– Нэт, – говорит. – Этот всё шибко худой.

Я сбивчиво подсчитываю финансовые потери в случае его ухода, лепечу:

– Я вам покажу поплотнее!

Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный – полный сбор за два спектакля! Тяну богача в соседнюю гримборную, там ещё две нестарые дамочки, которые, до появления в нашем театре Анатолия Яковлевича с его «четвёртой», были примадоннами. Эти не слишком прикрывают свои прелести. Мне даже удаётся приостановить на них внимание гостя. И всё же:

– Нэт, вернёмся к первому вопросу.

– Дорогой! Тот вопрос снят. Супруга ведь народного артиста, шефа нашего.

– Какой такой у шефа счёт в банке?

– Кунак, юлдаш, джигит! Он же режиссёр, какой такой у него может быть счёт в банке! У него только гонор и регалии...

– Ну вот, а ты гаварышь.

– Меня могут уволить. Я потеряю и последнюю горбушку хлеба.

– Я нэ о тибе, я о сибе. Шеф уйдёт, мы пагаварым с ханум Людмилой.

И тут за нашими плечами встаёт Анатолий Яковлевич:

– Прошу освободить помещение. Вызову вахту!

Гасан вытягивается во весь свой убедительный рост, становится несколько больше, чем был на самом деле, набирает полную грудь воздуха. Оскорблён человек в самых своих лучших чувствах, делает два шага к выходу. Я не хочу терять обещанные аншлаги. Догоняю его, хватаю за полы, он выволакивает меня за порог, наступая на суку-лесбиянку. Та по ошибке цапает не его, а меня за голень – я даже не чувствую боли.

– Нэ панятно! – рычит выдворенный гость, не обращая внимания на вахтёра, на пробегающих молодых актёров и собаку. – Объясни: тэатрм для народа или народ для тэатра? Приехал на гастроль! Я тоже гастролирую! Как можно, дарагой? Абижаешь!

Ни слова его, ни движения остановить было немислимо. Я присел на турникет и отчаянно смотрел вослед уходящим двум аншлагам. Это же два набитых зала, тридцать-сорок тысяч чистогана. Интересно, как я повёл бы себя, будь я супругом примы, Людмилы Андреевны? Ради дела...

Сука-лесбиянка поняла, что виновата передо мной, сочувствовала мне: опустил голову, исподлобья тьякала вслед Гасану и оглядывалась, ища у меня сочувствия к себе. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь сочувствовал мне.

На лестнице, ещё до спектакля, а потом в антракте, царило возбуждение: актёрская братия курочила прозрачную сумку кавказца. После окончания представления, между вторым и третьим этажами, пелись песни, громко рассказывались анекдоты про всё то, что, мне казалось, знал один я. Все реплики, даже все мои переживания вышли наружу – талантлив наш бедный актёрский сброд, видит нас, деятелей, насквозь и подтрунивает над главными и старшими. И гомерически хохочет.

И всё же поразительное явление: два следующих вечера зал был переполнен. Над окошком кассы висела обольстительная табличка «Все билеты проданы», хотя именно на эти дни я билетов не утверждал. По городу поползли слухи о невероятном интересе днепровцев к нашему театру. Бедный Гасан сам гастролировал неудачно, однако нас выручил. О, благородный мюрид!

Везло нам до конца гастролей. Уезжали мы под литавры и фанфары.

А во дворе театра оставалась своевольная сука-лесбиянка, а на набережной всё так же широкая труба сбрасывала мусор со всего города в Днепр, а главный проспект всё так же носил имя Карла Маркса...

В Николаев я привёз гноящуюся рану на ноге и вот уже дюжину лет ношу продолговатый шрам на лодыжке, иногда прихрамываю. Что поделаешь, следы времён и деяний.

Лицедеев и блудниц – не трогать!

В начале сезона в театре возник высокий парень с прямым носом, слегка закинутой назад головой, серыми округлыми глазами и настороженно сжатым ртом. Одет, не в пример штатным актёрам, изображающим из себя амплу по жизни – кто братишку из революционного крейсера (рябчик под

косовороткой), кто комика Шамагу (новое пальто с ярлыком, чтобы видно было, что вчера от кутюра); женщины разбили на «классичек» – под субреток, графинь (костюмы из пьес «плаща и шпаги»). Разумеется, не совсем впадали в дурь, но стилизовались заметно; однако больше ориентировались на «писк моды» – с подиума, разумеется, с телеэкрана...

Витя Рахунók носил лёгкий костюм из тонкой шерсти, рубахи светлых тонов со стоячими воротничками, остроносые ботинки. Не кричаще, но элегантно. Держался он в тени, хотя аккуратно посещал репетиции и актёрскую брехаловку. Всегда стоял во втором ряду мужского состава при вызовах на сцену, «для накачки». Ну прямо юноша, близкий к идеалу. Наш главреж сразу предложил ему дебютную роль – молодого героя-партизана из наших окраин. Текст вручил эдаким отеческим движением руки, свысока и со словами:

– Поможем. Воплоти, не посрами патриотов!

Через день в той же малой труппе, что собралась для считки в репетиционном зале, улучив момент тишины, Витя Рахунók, всё так же грациозно и слегка откинувшись назад, положил свою роль перед режиссёром. Сказал с покладистым вздохом как бы с середины реплики:

– ...Мне же этот текст придётся произносить перед публикой... Стыдно...

Воцарилась рискованная тишина. Вызов вкусам и убеждениям Главного!

...Три месяца Рахунók получал в бухгалтерии свои минимальные тысячу гривен, но ролей не получал и мог чувствовать себя ненужным.

Острословы, кстати, женщины, озвучили его фамилию поближе к его положению в театре: не Рахунók, а – Нахерók.

Второй режиссёр, то есть – я, пожалел новичка. Единственный он из молодых не базарил лишнего, не высовывался, не интриговал. При этом обладал внешностью сценичной, голосом приятным; был вежлив, уступчив и – простодушно непреклонен во взглядах. Я приступал к работе над «Мышеловкой» Агаты Кристи и добился от Главного назначить Витю на роль Кристофера Рэна, недавнего солдата, обвинённого в убийстве с некоторыми уликами. Детектив, но классический и с тонкими душевными перипетиями персонажей. Текст – неглупый, добротный.

...Среди старых мастеров и признанной молодёжи – исполнитель роли Кристофера был признан лучшим. На гастроях в Кишинёве хорошим молдавским вечером после спектакля Рахунók поджидал меня у гостиницы:

– Сделайте одолжение, выпьем коньячку с участниками «Мышеловки».

– Витя! Из твоих медных грошей ты собираешься угощать труппу?! Что ты пошлешь супруге на пропитание?

– Она у меня хорошая. Мне присылает.

– Крутая?

– Помощница при фотоателе. Но умеет складывать копейку.

Рахунók играл единственную роль. У меня дела в театре не складывались, а Главный последовательно игнорировал молодого артиста:

– Сноб. Из параллельного мира. Театр при последнем издыхании, а он всё ищет идеалы...

Артист ждал достойной роли; коллектив втихаря подтрунивал над его чистоплюйством, в душе завидовал умению держаться на людях, да и с самим собой, без суеты, взвешенно, с элегантной ленью и – всегда прекрасно одетым.

Комик Торченко шептал:

– У него точно баба из богатеньких.

Заслуженный Шамраев разяснял:

– Я видел её. Старше Вити лет на пять, смотрит на него по-матерински: наивняк, мол, чистое дитя.

Мне удалось втиснуть в наш «репертуар-на-потребу» Чехова, «Чайку». Поздним вечером, – снова вечером, – перехватил меня по пути домой Рахунók и спросил:

– Нельзя ли хоть во вторую-третью очередь попроситься на роль Треплева?

Три месяца спустя чеховский юный формалист – литератор, неврастеник и неудавшийся любовник – покорила зрителей. Меня тоже.

В театре же повеяло холодком пуше. Что за судьба у молодого человека! Не принимают всем коллективом, белый воробей. Молчит, а людям кажется – заносится; требует только полноценный драматургический материал – и считается лодырем, не желающим играть «на кассу». Он ходил одиноким.

...В конце сезона, когда у меня окончательно разладились отношения с Главным, я уволился из театра. Странно, но в тот же день заявление об уходе подал и Виктор Рахунóк. Но я тотчас же перебрался в другой творческий коллектив, а он шагнул в никуда. Попытки найти парня в городе, уговорить вернуться, урезонить – не удалось. Понятно, с минорным темпераментом и непомерной требовательностью к искусству молодой человек обречён.

Однажды в жаркий день под навес полосатой кафешки ко мне подседа ухоженная, броская женщина, скажем, бальзаковского возраста. Прозрачная разлетайка, думаю, единственная в городе, тонкие бриджи, туфельки с ножек персидской княжны. Лицо выгодно подрисованное, без излишеств и – осмысленное.

– Я нашла вас, чтобы поблагодарить. И за ваш художественный вкус, и за взаимопонимание с Виктором Рахунóком...

– Что он? – поторопился спросить я: мне казалось, женщина в ту же секунду убежит.

– Спасибо. Он ведь закончил только наше училище. Сейчас поступает в столичный театральный институт. С его убеждениями надо иметь мощную подготовку... ну, и документ.

– Трудно парню будет в нашем мире...

– У нас свой мир...

Последняя реплика слегка огорошила меня. Пока я думал, женщина и впрямь улетучилась. Выждав, вернее, улучив момент, ко мне тут же подсел некогда близко знакомый деловой человек – Савельев. И взахлёб заговорил:

– И ты, Брут, в её штате?

– Спроси что-нибудь попроще, не догоняю.

– С Анфисой Афанасьевной давно знаком?

– Три... Возможно, пять минут.

– Я привык тебе верить.

– Послушай, разбойник, ты меня пугаешь!

– А ты меня успокоил? – и тут же этот богатенький и вылизанный хлюст нагло хлебнул из моего фужера. – Я её искал. Со вчерашнего вечера. Понимаешь, земляк, она не только меня водит за нос...

– Благо, есть за что ухватиться, – я пытаюсь унять его страсти потехой.

– Долларовая! – знакомец не угасает.

– Плетёшь! – и я заражаюсь его ритмами.

– Я полагал, что я один такой – осломыл, еженедельно навещаю домик её родственницы на окраине, отваливаю зелёненькую с Франклином за утешение плоти... Вчера знакомлюсь с пуресом, который платит ей ту же дань. Только я по пятницам, а он по субботам. От него же узнаю, что есть клиенты – по одному со вторника по четверг. Понедельник – табу. Она – святая, когда в театре выходной. Она нас так и величает, не по именам, а по дням недели: Вторник, Среда, Четверг, Пятница и Суббота, как гномов в «Белоснежке»! Как тебе это нравится?! Да выбор бой-френдов у нее всё крутой, щедрый!

Я уже давлюсь хохотом:

– Очень нравится, художественно.

– Дак это ещё не всё. Сама-то втюрилась в тощего актёришку без роду-племени, без кола и двора. Наши взносы она почти все переадресовывает его музе! А?

– Что-то ты слишком накрутил, Савельев!

– Да я разведал в театре. Нахерком парня называют. Да бездарен, как овца на сносях. Накануне вытурили из труппы. Мозгляк и лох! Может, теперь поумнеет, когда кое-что прознает о своей благоверной.

В голове у меня заварилась вязкая каша. Пикантная история смешивалась с загадочной привязанностью, может быть, любовью. Мерещились высокие радости, за которые приходится платить непомерную цену. Мне уже сильно мешал мой давний знакомец. Я вспыхнул:

– Осведомлённый человек... но чего ты от меня хочешь?

– Брут, и ты?..

– Да, но только совсем с другого конца. Зла пжизнь, как говорят поляки.

– Я считал, что только я... – уже шипит и брызжет слюной Савельев. – Все мужики – ходоки и бляди.

– Тебе трудно признать, что ты товар не штучный?

Я нагло хохочу.

– Завязываю. Пошла она!..

– Придут помоложе, смазливые с фейса и качкí.

Я жажал лацканы давнего знакомого в кулак:

– Только не вздумай открыть глаза Виктору Рахунку. Он не поверит сотне свидетелей. А тебя избобёт до смерти.

Савельев вихрем закружился, улетучился. А я долго сидел и горестно думал: О tempora! О mores! У нас... ради достойной жизни одного другой вынужден жить злодеем или изгоем.

О времена! О нравы!.. Впрочем, поперёк встало речение древнего рыцаря:

– Город – на разграбление! Лицедеев и блудниц – не трогать!

Сны маэстро

Вопреки всем лишениям, Николай Антоныч был одарён здоровым сном.

За два десятка лет совмещения должностей директора и художественного руководителя театра мужик согласился с выводом классика: артисты – те же дети, но с поправкой – сукины дети; что театр не только трибуна, с которой Гоголь говорил много добра, но и та самая сплетня, из которой только и узнаёшь кое-что о человеке; что министерство культуры и городской совет придуманы совсем не для того, чтобы опекаться лицедеями; что... что... полутонная люстра вот-вот рухнет во время спектакля, и хорошо бы на именные места и в те минуты, когда там сидят руководство культуры и чиновные гости; стены изнутри похожи на драную кошку, а извне расписаны словами на разное количество букв. И всё же мужик считает себя кровинкой этого театра, потому грешит где угодно, только не в святая святых, потому и спит без сновидений.

Зарплата совместителя Антоныча приравнена к ставке сантехника Пети с водокачки – а он на какой бок упал вечером, с такого и встаёт утром.

Старшую дочку посылает в далёкий престижный вуз – и отказывает себе во многом, только бы содержать этот милый рот вне семьи. Супруга точит о него свои присмотренные зубки! – а он спит без сновидений.

Младшую надо экипировать в школу – это же в наше время всё равно что погореть, – а он с двадцати четырёх до шести словно под ход ходиков: цок-цок-цок-цок... И встаёт как огурчик, даже не брюзжит по утрам, даже требует внимания к его мужским слабостям.

Супруга упражняется в риторике:

– И как это люди достают денег ровно столько, сколько им нужно? Даже больше. А ты вкалываешь, как бык на пашне, а живём от зарплаты до зарплаты с двумя днями поста. А не разослать ли тебе по миру резюме – где-то же есть потребность и в твоих, пускай только лицедейских, но далеко не реализованных задатках?

Как с гуся вода. Днём ещё может огрызнуться, по службе вздуть нерадивого, увилывать от глупого начальника и хлётко высмеять пошлую находку актёра на репетиции. А к полуночи ангел вспархивает над его головой и держит крылышко опахалом до рассвета. Если что и приснится под утро, то решение сцены, над которой бился накануне.

И вдруг катаклизм! Выбил деньги на капитальный ремонт театрального здания. Ура! На здание и даже на палисадник и сад античных скульптур, ещё в царское время приобретённых графом Кириллом Задунайским в Париже, чуть ли не у самого Родена и его любовницы Камилы, пожалуй, более талантливой, чем сам Огюст. Потом эти чудо-творения конфисковали советы, а каким-то местным патриотам с мольбой и слезой удалось добыть их у невежд-чиновников для театра. Теперь это гордость местной архитектуры. И Венера, и Парис, и Вахх и... и Девочка с козочкой. Эта последняя группа из двух – воистину неоценимое произведение ваяния. Сам Антоныч каждый день проходит не через служебный вход, но через палисадник, чтобы ещё раз взглянуть на девочку и козочку и в душе сравнить их со своей Катенькой, только без козочки.

И второе вдруг! В конце рабочего дня, то есть бесконечного пребывания директора-худрука с девяти до двадцати трёх при исполнении... в кабинет скромно поцарапались.

Входит грандиозный господин. На плечах костюм стоимостью с весь костюмерный цех театра со всеми царскими прибабасами – скипетрами, орлами и шевронами. Лицо и причёска – прямо из рук театрального гримёра и парикмахера, да что там: запонки на манжетах и брошь на галстукке стоят дороже всего, что Николай Антоныч заработал за четверть века службы верой и правдой на подмостках.

– Добрый вечер! – А звук! Вот такого не хватало Борису Годунову в неудачной премьере Антоныча.

– Добрый...

На больше у директора духу не хватило. Дурная мысль пролетела куда-то, потом вернулась и застряла в голове: теперь всё меняются и меняются начальники наверху, а вдруг этот – самый высокий и пришёл отнять копейки, выбитые с такой отвагой на ремонт.

Грандиозный гость уловил дрожь под столом в коленках хозяина и был любезен:

– Я по незначительному делу.

– Рад выслушать.

Прямоте этого человека можно позавидовать. Он походя, как о контрамарке, сказал:

– Там у вас на дни ремонта сняли скульптуру в скверике. Вы куда её?

Подумалось: наверно, архитектор... хорошо живут эстетики города. Наверное, сомневается...

Директор, обгоняя свои мысли, заговорил:

– Упакована, спрятана, хранится бережно... и охраняется.

– Прекрасно. И «Девочка с козочкой»?

– Да-да, это моё любимое произведение.

– Моё – тоже, – отрубил гость.

– Рад тождеству наших вкусов.

«С этим дураком следует быть умным», – подумал Антоныч.

– Я не представляюсь. Я по делу.

– Почему, я рад знакомству с каждым из своих зрителей.

– Собственно, я плохой зритель. Я деловой человек.

Подумалось: деловые сограждане все никудышные зрители.

– Слушаю. Чем могу быть полезен?

– Даю пять тысяч долларов за скульптуру «Девочки с козочкой».

Прежде чем до конца понять предложение грандиозного мужчины, Николай Антоныч умножил пять тысяч на двадцать. Это же в гривнах – сто тысяч! Удар в затылок, почти буквальный, маэстро уже трудно овладевал сутью дела. А гость продолжал:

– Произведение это упаковано и спрятано вместе с другими. О его исчезновении будем знать только я и вы.

По старой актёрской привычке из Антоныча выпрыгнул каламбур:

– А нельзя ли, чтобы и я не знал?

– Гарантирую тайну. Как в воду пёрышко бросить.

– Можно, я водички попою?

В собственном кабинете директор и худрук стал гостем. Попил. А грандиозный мужчина откуда-то, как фокусник из рукава, достал огромную пачку «франклинов» и положил перед хозяином: нюхай, мол, проникнись и сдавайся. В наше время перед таким искушением не стоят. Ложатся ниц!

Кто-то глубоко внутри существа голосом Антоныча рассуждал: жена, две девочки, есть ещё старший сын... моя карьера – хрен с ней, но сын! Да и моя карьера – я отродясь комедиант. Выгонят из театра – умру в тот же день. И перешёл на низы:

– Спрячьте доллары. Неприлично как-то в лицейском заведении, где привыкли к бедности, где каждый день с подмостков читают нравоучения людям...

– Ради бога! – хохотнул гость. – С экрана телевизора наш брат вообще витает в облаках, в жизни – совсем другое.

Антоныч понял – депутат, шутки плохи. И отнимет желаемое и посадит. И всё же, как подобает порядочному мужчине, точнее, порядочной женщине, отступал мягко:

– А вы можете дать подумать... жертве перед заклинанием?

Грандиозный мужчина почувствовал бразды в своих руках. Так же, как вынул, ловко смёл куда-то пачки купюр. Встал. На большее ему этот лицедейшко не нужен.

– Когда позволите зайти?

– Завтра.

– Завтра в это же время.

И в ту же ночь железный Антоныч увидел первый не творческий сон. Ещё не родившийся его внук, которого он ждал третий год, которому определил простое и здоровое имя Иван, вдруг входит

в директорский кабинет. Ему лет пять, но он шибко умный, не в деда. Разворачивает маленькую книжонку «Словарь собственных имён» и говорит:

– Деда, тут и русские, и украинские имена и фамилии. Смотри, если взять твою – Кравченко, если прочитать по-украински, то она производна от «крав», то есть крал, воровал. Это если я вырасту, я тоже буду «крав»?

Надо бы встряхнуться и проснуться. Но через не могу дедушка пытается объяснить внуку, что если по-украински, то его фамилия происходит от ремесла – «кравэць» – портной, только не отец, а сын, а если внук, то уже Кравчук. Дедушка грамотный, однако внук пошёл дальше:

– Так это по-украински ты шьёшь, а по-русски ты крадёшь.

Потеют ладони, даже подошвы. Всё-таки надо проснуться. Волевой человек Антоныч смахивает с себя сон, влажными пальцами стягивает с лица липкую паутину, трясёт головой, чувствует, что вспотел весь, и уже не спит до своих шести утра. А с рассветом пошарил глазами по стенам, узрел образ Божий и перекрестился: не повредило бы сновидение приходящему в мир внуку.

Двадцати четырёх часов, то есть полночи, директор-худрук ждал, как первого свидания на первом курсе театрального училища. То есть с нетерпением, с подготовкой реплик из прочитанных пьес и просмотренных спектаклей, с наживанием соответствующих эмоций, с постановкой речи в должном тоне. Со всей системой Станиславского.

Увы, когда вошёл грандиозный господин, текст из мировой драматургии улетучился, физиономия обмякла, внучек забылся, а естественный баритон Антоныча стал походить на тенор, при этом слегка треснувший. В голове оправдание: я веду себя так, как должно... так душа уходит в пятки и ноги подкашиваются у каждого, кому с бухты-барахты приваливает пять тысяч зелёных или сто тысяч деревянных.

– Ну! – рыкнул гость с дорогими висюльками на галстук и на манжетах.

Лучше бы он не рычал. У Николая Антоныча – комплекс медведя: когда его пугают, хищник в нём звереет, набрасывается, может растерзать... вот только пока не обдelyвался, как медведь. Но это ещё впереди. И директор-худрук-медведь рыкнул в ответ:

– Нет!

– Что нет? Мало?

Опять мурашки по спине стойкого паяца. Такое случается, когда Антоныч стоит в нерешительности, как ослик между двумя охалками сена. Хотя бы не сдохнуть, то есть не сдать. Вот назовёт этот подонок десять тысяч – мать моя! А если пятьдесят? С ума сойдёшь!

– Нет, ни при каких обстоятельствах...

Были ли ещё сказаны какие-то слова, вбрасывались ли аргументы, маэстро не слышал, не соображал. Даже встал, как бы прощаясь.

– Завтра в это же время, – сказал уже лишь наполовину уверенный в себе гость и тоже встал.

В следующую ночь Антоныч лёг на левое бедро. Минуту спустя перевернулся на правое. Сделал ещё несколько кульбитов. Даже супруга услышала шорохи, пришла из сво-

ей спаленки. Вошла на цыпочках и вся в ароматах. Прошептала так, как это было в первую брачную ночь:

– Может, тебе чего-то надо?

«Если бы я знал, чего мне надо», – подумал Антоныч, но произнёс вежливо:

– Спасибо, не сегодня, – тоже не его текст, слова какой-то семнадцатилетней ломаки.

Любящая супруга не сдержала вздоха:

– Странно, – и отошла к своему Морфею.

Антоныч же ухмыльнулся, даже попробовал засмеяться, чтобы клин клином вышибить: «Я ляпнул то, что обычно говорят женщины при атаке»... Но ухмылка получилась вымученной, а мысль пошлой. Этого он не любил, не допускал в театре. Что с ним происходит теперь?

Ещё два-три, потом пять-десять перебросов с бедра на бедро, да резких, как это делают борцы на татами. И снова почувствовал стоящую над собой верную половину.

– О чём ты думаешь? – как всегда деликатно спросила она.

Он сбросил ноги на ковёр, сел на кровати:

– Думаю, а что если кто из нас заболеет? Серьёзно. На тысячу долларов. Нет, на все пять?!

Тут же ему показалось, что он выдаёт себя с головой, поправился:

– Нет-нет, на тысячу.

– Ну что у тебя такие мрачные мысли?

– Так нет же резерва в кошельке. Всё утепляемся, глотаем, каждую копейку...

– Я буду экономить...

Она склонилась над его белеющей лысиной. Поцеловала в маковку. Потом толкнула на кровать, легла рядом и... проговорили на отвлечённые темы до утра. То про дедушку, который безболезненно протянул до девяноста двух, то про пьяницу-актёра из их труппы, который в день поллитруху выжирает, а в свои семьдесят семь играет, как молодой Бог. Перешли на еврейские анекдоты. Девяностолетний Хаим пришёл ночью в спальню супруги. Она говорит: «Ты же только что дважды был». Хаим взялся за виски: «Вот проклятый склероз!» Говорили – и никаких действенных поползновений. Странно, супругу это насторожило. И Антоныч это угадывал. Но, чёрт возьми, душа стоит не туда – *psyche*, как говаривали латиняне.

Третья встреча с грандиозным господином достойна авансены. Антоныч шутил, достал из сейфа фляжку коньяку, в общем, гость поверил в успех и уже полез в свою поддёвку, чтобы выкинуть обычный фокус с «франклинами». Однако хозяин на голубом глазу сказал:

– Не торопитесь. Приходите и завтра.

Невозмутимый богач опешил:

– Зачем откладывать на завтра?..

– А я хочу привыкнуть к своим широким возможностям. То вы были кошкой, а каждый, к кому вы входили, был мышкой. А тут всё будет наоборот. Лицедей наивен, как древний грек, он способен поверить словам Сократа, помните: «Сколько в мире вещей, которые мне не нужны».

– Я вас плохо понимаю.

– Что же тут сложного? Моя семья решила не болеть. Ну, до восьмидесяти... с хвостиком лет. Возьмём за горло власти предержавших – нам присвоят ранг академического театра, следовательно, зарплата удвоится. У меня родится внук – ещё стимул жить. А сидеть я предпочитаю вот в этом кресле, а не на нарах. Приходите завтра. Ведь можно поговорить интеллигентно, на отвлечённые темы. Без шкурного интереса.

Гость перестал выглядеть грандиозным. Собрал всего себя, как собирают манатки на рынке, как сматывают удочки на реке, как спохватываются в чужой спальне, когда законный супруг вываливает дверь. Ушёл не попрощавшись.

И тогда Николай Антоныч дал волю сомнениям. Вот чудак: пять тысяч лежало на кону, не два – три туза было в руке! Даже с директорской зарплатой, даже ставя два спектакля к приработку и играя ещё в трёх, как актёр – не получишь таких денег... Но здорово всё-таки! Вот сломал себя. Нет, выпрямил. Во всяком случае, не каждому дано...

И потом, десять лет спустя, он говорил себе, а ещё автору этого психологического этюда... говорил такое, что не каждый чистоплюй ему простит:

– Я теперь, когда слышу о взятках, не спешу делать выводы. Может, у человека тяжкая болезнь, может, большая семья и малый заработок, может, власть доконала тарифами и поборами. Не про-

щаю, но и сил нет лезть в душу. Иногда даже грешу мыслью: карать надо воруемых из нашей скудной казны, державных злодеев. А простолюдины пусть устраивают свои убогие отношения так, чтобы продержаться живым в наше грустное время.

Неделю тому я был в командировке вместе с Николаем Антонычем. Спали в одном номере гостиницы. Упал он на правый бок, проснулся утром на левом. Подушка рядом с головой, простыня – гужом в ногах, на полу окурки.

Я спросил:

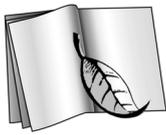
– Что снилось, маэстро?

– Снилось хорошее. Вроде бы я в тот сакраментальный момент обменял «Девочку с козочкой» на пять тысяч долларов... потом, снилось, занялся комбинаторикой при ремонте здания... потом провернул какие-то две-три аферы и – как с гуся вода. Живу в столице, в Конче-Заспе, за трёхметровой оградой из металла, рядом с замминистра с одной стороны и вице-спикером с другой. Не мотаюсь, как заурядный борзовик, по малым гастролям, не кланяюсь с дрожью в коленках перед контрольно-ревизионными комиссиями, не надрываю глотку и сердце на репетициях, жена не пилит, дети вроде за рубежом... и не чувствую себя виноватым ни перед богом, ни перед людьми ни на йоту. Хороший сон. Теперь у меня только и хорошего, что сны.

Видать, потрясения грызут даже матёрых медведей. Только изнутри. Сюда хорошо ложится поговорка: раз поступишь благородно – потом раскаиваешься всю жизнь. Но это не про Антоныча. Его последний монолог – это взгляд художника со стороны, на среднестатистического обывателя или на персонажа из его вероятной постановки. А вертелся он в ночи оттого, что завтра надо выдавать зарплату актёрам, что не хватает средств на грандиозно задуманную декорацию, что он накануне матом попёр ревизора с рыльцем в пушку, что надо менять главного исполнителя в премьерном спектакле – не тянет... что забыл, когда свою Катюку видел, что мимо супруги пробегает с острасткой, не позвала бы...

Без комплексов и сомнений нет художника.

Юрій Васильович Зінковський. Народився в селі Куцуруб Очаківського району Миколаївської області. Початкову школу закінчив у Куцурубі, потім переїхав до с. Прибузького, далі – до Парутино, де продовжив навчання. Закінчив педагогічне училище. Працював учителем у Солончаківській школі, одночасно навчався на історичному факультеті Одеського університету. Кілька років працював сезонно в Ольвійських археологічних експедиціях Л. М. Савіна та О. М. Карасьова і О. І. Леві. Перший вірш був опублікований у 1964 році в Очаківській районній газеті «Чорноморська зірка». Друкувався у миколаївській та київській періодиці, журналах «Дніпро», «Україна», «Донбас», «Прапор», «Жовтень», «Ранок», «Піонерія», піврічнику «Поезія» та в десяти колективних збірках (Одеса, Київ). Автор поетичних збірок: «Теорема» (Київ, 1987), «Мій білий світ» (Миколаїв, 2003), «На довгій ниві» (Миколаїв, 2006), «Далеке і близьке» (Очаків, 2010), «Виднокіл» (Очаків, 2012). Зараз проживає в селі Куцуруб.

Юрій ЗІНЬКОВСЬКИЙ

ПЕРЕПУСТКА В ЮНІСТЬ

СВІТЛИНА

А на світлині – років далина,
А на світлині ніяк не змінилось
Те, що моїм вже ніхто не впізна,
Те, що назавжди моїм залишилось.

Навіть і фота торкнувся вогонь,
Що і мене так палив по житті все..
Не на стіні і тримав я його,
Та і в альбомі воно пожовтіло.

Вітер який же зустрівся мені! –
Злив з голови усіх кучерів буйність..
Та не себе я шукаю на нім –
Фото старе – як перепустка в юність.

І пожовтіло, але до цих пір
Я на нім учень десятого класу.
Навіть папір, навіть мертвий папір –
Частка живого, живлющого часу.

Мов на зворотній життя стороні
Миттю одною назавжди відбилось
Те, що ніхто не впізнає моїм,
Те, що для мене моїм залишилось.

* * *

Пішло, відійшло і уже, як повір'я,
Усе, що здавалось буденним і бідним.
Лиш згодом узнав, що бува лиш повітря
Таким непомітним й таким необхідним.

Настоялась пам'ять на болісних числах,
Та свічка життя мого ще не задута.
Я дихати іншим повітрям навчився,
Хоча і буває від нього задуха.

СНІГ ДИТИНСТВА

Засвідчу знов, що світ уже не тим став,
Коли згадаю давніше село:
Які сніги були в моїм дитинстві!
Таких уже опісля не було.

...Близьке, далеке – білизна все рівно,
По самий обрій світ увесь білів.
І тільки небо попелом сіріло,
Віддавши всі сніги свої землі.

Земля від них була така висока,
Таким всесильним був великий сніг,
Що й димарі, неначе перископи,
Ледь видимі на даху цілині.

Кругом лиш сніг – і більше вже нічого,
І навіть дивно бачити дими,
Коли землянка, як підсніжний човен,
Лежить на дні глибокої зими.

І все ж не зразу стало зрозумілим,
А тій зимі лиш дивлячись услід,
Чому його назвали тільки білим –
Оцей насправді чорно-білий світ.

ВЕЛИКДЕНЬ

Такі слова не прийнято кричати,
Слова ці тихі, як саме добро:
«Христос воскрес!» – як все життя спочатку,
«Христос воскрес!» – як майбуття пароль.

Мені з дитинства бачить було любо,
Коли в цей день сумирні, як птахи,
При зустрічі чоломкаються люди,
Комусь якісь прощаючи гріхи.

Увесь довкіл – одна зелена повінь,
І цвіт на ній ще піною не щез.
«Христос воскрес!» – звучить, неначе сповідь,
Як прийняття – «Воістину воскрес!»

Святі слова у дня самому центрі,
Вони – як ниві весняні дощі.
І сам цей день – чи не вселюдська церква,
В якій просторо й затишно душі?

Тому що цього року такий пізній,
Набрався він по вінця вже весни:
Тремтить у нім і жайворона пісня,
У нім і голос одуда дзвенить.

...І світла тиша, справжня Божа ласка,
Пливе по всій уранішній землі.
І сходить сонце, наче свіжа паска,
На горизонті дальньому столі.

ОБЖИНКИ

Парутинська осінь... Парутинська осінь...
Холонучим пляжем востаннє пройдеш,
А бронзові хлопці до гурту запросять –
Таранька суха і вино молоде.

І те, що нема ні бокалів, ні столу,
Хіба і важливо в годину таку?
І бронзові хлопці пустили по колу
Парутинське сонце в з-під груш баняку.

І доки таранька до мене долине
По дружньому колу маленьким хвостом,
Я бачу, як осінь шукає в долині
Птахів перелітних ще тепле гніздо.

І вітер піском засипає стежини,
Прибій на піску розмиває сліди...
А хлопці по літу справляють обжинки,
А хлопці клянуться вернутись сюди.

* * *

Хто йде до кого – ти мені поясни:
Весна до зими чи зима до весни?
Мабуть, що взаємно, тому й недарма
Так швидко закінчилась знову зима...

Життя йде до смерті чи смерть – до життя?
Це також неясно іще до пуття.
Мабуть, що обоє до зустрічі йдуть,
Тому і коротка така наша путь.

ТАМ

Плесо рівняючи, вітер
Зморшки на берег згорта.
Там, де закінчилось літо,
Тепла і досі вода.

Там не життя щоб кінчати –
Далі щоб жити могли,
Крила згортаючи, чайки
Падають з висі у глиб.

Там полини цього року,
Давні і сиві, як світ,
В осінь вже сходять потроху
Гірко й незримо для всіх.

Там, відбиваючи небо,
Ніби з його і висот,
Плине вода ще серпнева
На вересневий пісок.

Йду босоногим ще слідом,
Що у лиман заверта,
Там, де закінчилось літо,
Й досі ще тепла вода.

ОСІННЄ

Зелень, яка ще тримається,
Вже як міждатне тире.
Осінь з трави починається
І досягає дерев.

Квилить над хвилиєю чаєчка,
Плачуть ключі з висоти...
Осінь з землі починається,
Щоби у небо зійти.

Осінь на цьому вже знається,
Це її давня стежа:
Тіла краєчком торкається,
В душу заходячи вся.

ЗМАГАННЯ

Можна довго йти і жовтим слідом,
І навкіл зелена ще трава –
Боротьба між осінню і літом
Ще трива. Допоки ще трива.

По воді вже осінь походила,
На землі своє тепер бере...
На рахунок йде лиш поєдинок –
Результат відомий наперед.

Уподобань й досі не міняю,
Хоч і не виходить на мос:
Я завжди за літо вболіваю,
А воно, як завжди, програє.

...І хоч жовті дині і не всі ще,
Тут не ми в рахунку повели:
Кавуни в огудинячій сітці,
Як забиті вереснем голи.

З ГІРКИ

«Велик» з гірки мчить шалено,
Спуск – одна лиш мить!
Мов стою, а то повз мене
Все довкіл летить.

Вітер подих забиває,
Майку рве з плечей,
Вітер сльози вибиває
Із моїх очей.

..Час – не простір, інші змоги,
Та замість століть,
Може, ми йдемо крізь нього,
Він же – лиш стоїть.

Час – не вітер, інші мірки,
Та сльозу із нас,
Коли сходимо вже з гірки,
Вибить може й час.

АКАЦІЇ

Як пахне ще травнем трава,
Які ще ромашки окаті!
А вітер останні зрива
Пелюстки вже з літніх акацій.

На вітру розлогих путях,
Що світом зеленим побігли,
Дерева неначе летять,
І діл під деревами білий.

Немов молока пролилось
З дійниць, ще налитих весною.
І знову кінчається щось,
І щось починається знову.

Александр ВЕРБИЦКИЙ

НА ДОНЬШКЕ ДУШИ

В ОЖИДАНИИ ЛЕТА

Мальчик, сидящий на подоконнике зимнего дня,
Видит, как белым стихом снег упал на страницы
Книги дворов. А ещё мальчик видит меня.
Я – это тополь, который любят синицы.

Я – это тополь, взлетевший над плоскостью крыш.
Крыши, мой мальчик, – границы миров и мирочков,
Нам нужен только простор, где как птица паришь,
Крепко корнями держась за Земли оболочку.

Я – это тополь, который упрятал тоску
В тихую пустошь дупла, и в обнимку с ветрами
Песни о лете пою. И готовлюсь к броску
В эту бездонную синь, что зовут небесами.

Я – это тополь в мечтах и с глазами на юг.
Зимы не вечны, они до поры. И надежды
Нас не покинут, и мы разорвём этот круг
Серых тонов, облачась в изумруды-одежды.

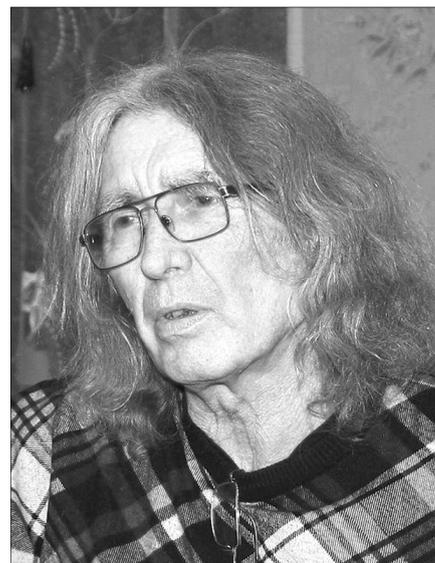
СТАРЫЙ ТЕЛЕФОН

По ком звонит мой старый телефон
На полке между зеркалом и дверью,
Где блеск обоев продырявлен дрелью
И коридор уводит на балкон?

По ком звонит мой старый телефон,
Ломая тишину, как чёрствый бублик,
И сводный хор пятнадцати республик
Не сможет заглушить его трезвон?

Он мне звонит, патлатому,
Который день небритому,
С улыбкой вездесущую
Семи ветрам открытому,
Поющему, жующему,
В тебя, мой свет, влюблённому,
Кармана не имущему,
Но удовлетворённому...

По ком звонит мой старый телефон,
Когда рассвет стучит в окно напротив,
Когда луна, как пуля на излёте,
Последний переходит Рубикон?

Вербицкий Александр Владимирович. Родился 20 декабря 1950 года в Измаиле Одесской области. Окончил Высшее военно-морское училище им. М. Фрунзе (1972), по специальности «командир БЧ – турбинист-дизелист»; Николаевский институт культуры, по специальности «Социальная педагогика». В 1978 г. переехал в Николаев, работал на ЧСЗ, художником-оформителем Николаевского русского театра им. Чкалова; выступал в роли поэта и композитора в постановке спектакля «Зойкина квартира» по М. Булгакову (постановщик Юрий Любаров). Основатель николаевского бард-клуба «Белая ворона» (1987). Организатор фестивалей АП в Николаеве, творческих мастерских в стиле бард-рок на фестивале в Старом Осколе. С 1994 г. принимал активное участие в становлении театра Виктора Луферова «Перекрёсток» (Москва). Один из организаторов клуба АП «Гульбарий» (Москва). Сотрудничал с театром им. Пушкина. Писал песни к спектаклям. Лауреат фестиваля авторской песни им. В. Грушина (1989, 1991), фестивалей в Запорожье, Харькове, Ялте и др. Продолжает активную творческую деятельность: от организации бард-лагеря на Кинбурнской косе до концертов в Николаеве и по Украине.

По ком звонит мой старый телефон?
Кому кричит он в этом бренном мире,
Кому орёт он в полумрак квартиры,
Диктуя свой неписанный закон?

Он мне кричит, он требует
Моей руки касания.
Он жизнью моей ведаёт
И теплотой дыхания.
Он связывает накрепко
Меня, как пуповиною,
С друзьями моих галактикой,
Врагов моих чужбиною...

По ком звонит мой старый телефон
На полке между зеркалом и дверью,
Где гороскоп, которому не верю,
Где слышен у соседа саксофон?

Он мне звонит.
Он мне звонит.
Он мне...

ОСЕННИЕ КАРТИНКИ

Ну вот, промчалось лето, жара и маета.
Все женщины одеты в пожарные цвета.
И осень – прелесть рыжая с серебряным венцом –
Звонит подъездной дверью, как будто бубенцом.
Я, ангелом небесным, – походка от бедра –
Пересекаю местность соседнего двора
Под шепоток старушек, гитарный перезвон.
И как всегда нет «двушек» и занят телефон.

И тучка белая плывёт корабликом.
Трамвайчик «троечка» нам звякнет зябликом.
И вечер чудненький все наши хлопоты
Сведёт до нежного до полушёпота.

Ах, динь-динь-динь-денёчки – весёлая пора!
И журавлиной строчкой прошита синева.
И дворники-архангелы, наверно, по утрам
Всё золото осеннее припрячут по дворам.
И всё поёт и вертится, и улетает вдаль.
И верится – не верится, что где-то есть февраль,
Что есть морозы жгучие и снежная метель:
Там, за октябрьской кручею, не видится апрель.

«Маяк» протикает нам полдесятого,
И голос диктора расскажет всякого.
И так легко-легко, и листик кружится.
И пяточок луны уплыл за лужицу...

ТИХАЯ ПЕСЕНКА

Во дворе моём, как в проруби,
 Всё видать на расстоянии,
 По утрам воркуют голуби,
 Бродит дворник с пониманием.

На ветру бельё полощется,
 Словно флаги воскресения,
 А в углу берёзок рощица
 Дышит ветра дуновением.

А хорошо-то как!
                   И слезы не жаль.
 И легко-легко –
                   Легче пёрышка.
 И струится даль
                   Сквозь окна хрусталь.
 И тепло-тепло
                   Там на доньшке
   Души...

Где-то мчится жизнь трамвайная,
 Суетою город мается.
 А у нас, с надеждой тайною,
 Всё течёт, но не меняется.

И струится дух берёзовый,
 И пьянит пора весенняя,
 И бредёт фламинго розовым
 По двору заря вечерняя.

Во дворе моём, как в проруби,
 И простор, как на фарватере.
 По утрам воркуют голуби,
 И смеётся голос матери.

А хорошо-то как...
                   И тепло-тепло
 Там на доньшке
                   Души...

* * *

А берёзы в золотых пятаках,
 Ну а клёны примеряют кумачи.
 Снова лето до поры на замках,
 И уносят журавли на юг ключи.

И летят они, их клинья остры.
 И кричат они, как песню поют.
 А за ними – белым шлейфом костры,
 Словно лета прощальный салют.

И ладошку листка, что сорвался в пике,
Приколотит к стеклу звонкой каплей дождя.
Нет моих журавлей. Нет синицы в руке.
Ну и пусть. Только ты улыбнись уходя...

И струится эта пёстрая даль,
Серебрится куполами холмов.
И плывёт по небу птичья печаль,
Отражаясь от седых облаков.

И стою я, весь открытый ветрам,
Весь какой-то невесом и лучист.
И вхожу я в эту осень, как в храм.
В этот мир, что спокоен и чист.

Улыбнись, уходя. До весны, до потом.
И на память оставь лёгкость губ на щеке.
Я дождусь журавлей. А синица в руке –
Ни к чему. Пусть синица поёт за окном!

* * *

А на Большой Морской ветра, какая радость!
Для удивлённых объясняю – дует с юга.
К ветрам весенним с детских лет питаю слабость
и потому от них не ухожу за угол!
И потому от них не прячусь, не скрываюсь,
лицо воздушному потоку подставляю.
Там где-то в Греции каштаны расцветают,
я ощущаю их дыханье, ощущаю!

А на Большой Морской воздушное движенье
и небо чистое, и солнце молодое.
Рекламы пахнут абрикосовым вареньем,
и пузырится лёд, как старые обои!
Газетный лист, как перепуганная моль,
несётся к полюсу, плюя на все законы.
И свежим пивом промывая «ля-бемоль»,
на женщин смотрят мужики, как на иконы.

А на Большой Морской гуляют сквозняки
и гонят к северу шутя всё, что летает.
И пусть сосульки крыши скалят, как клыки,
и пусть, веснушки подхватив, душа отгадет!
А на Большой Морской ветра – какая радость!
И март сожрёт все наши беды, как сугробы.
К ветрам весенним с детских лет питаю слабость
и точно знаю – это всё во мне до гроба!

Ольга СЛАВНА

«ЧОКНУТИЙ»

Як тільки не обзивали Якова Бондаря: і п'яницею, і бомжем, хоч мав кімнатку в будинку недалеко від цвинтаря, і диваком, і «сніговою людиною», і взагалі «нелюдом». А останнім часом стали «чокнутим» обзивати. Його обминали перехожі, а діти шарахались, як від привида, бо за півкілометра розносився такий сморід, що викликав нудоту. Та і довга сива борода, і не підстрижене волосся на голові були настільки засмальцьовані, що здавалось, ніколи не бачили води, просто-таки відлякували люд.

Що вже говорити про сусідів, котрі жили з ним в одному будинку. Приписували, що то він їв котів та собак, коли в околиці стали зникати тваринки.

Співчували тільки ті, що пам'ятали Яшу з дитинства, коли прибігав до бабусі гратися з дітлахами на подвір'ї.

Інколи підкинуть чоловікові шмат чорного хліба, а то і сала зверху покладуть, коли він візьметься ремонтувати поріг чи огорожу і зробить усе до діла, бо золоті руки мав. Отак і жив останні роки. Де блукав вечорами, ніхто не відав. Бачили, що іноді приносив додому порожні пляшки, іноді макулатуру. Тим, мабуть, і виживав.

Прибилося якось одного дня у двір чорне кошеня. Бігало з одного кутка в інший, клумбами з квітами шмигало, блукало всюди, шукаючи дорогу назад. Дітям, що гралися неподалік, набридло його м'явкання, тож узяли і підкинули Якову під двері, щоб розібрався з ним по-своєму. Бондар на рваній ковдрі спав на підлозі, бо дуже розвело після вчорашнього перепкою, та ще й спека дошкуляла. Кошеня, потрапивши до кімнати через прочинені двері, віднайшло недоїдений шматочок кров'яної ковбаси і жадібно приступило до обіду.

Яків, що, здавалось, міцно спав, прокинувся і, відвойовуючи по праву свої недоїдки, схопив чобота та кинув з усієї сили по кошеняті. Воно завмерло на місці. А згодом, наче з-під землі, чоловік почув тихесенький писклявий голосок, що благав про допомогу.

Чолов'яга неохоче підвівся і, хитаючись, почвалав до старого гумового чобота, який накрив з головою непрошеного гостя. Взявши за загривку кошеня, Яків уже хотів було викинути цього нахабу з помешкання, але поглянувши в перелякані оченята, раптом поклав його на підлогу до залишку кров'янки. Та кошеня відмовилось їсти, а, підстрибуючи на трьох ногах, гайнуло до дверей. А вже на порозі сіло і почало вилизувати перебіту ніжку.

Яків уважно стежив за ним, а потім підійшов і взяв на руки. Глядячи голівку, заніс до кімнати. Кошеня, як дитина, притулилося до грудей господаря і тихенько муркотіло.

– А ти таке ж, як і я, самотнє, – лагідно промовляв до нього Яша. – Удвох мешкатимемо, а вдвох завжди веселіше, – додав, підсуваючи ковбасу до мордочки.

Ольга Славна (Червякова Ольга Ярославівна). Народилася на Миколаївщині в 1959 році. Закінчила Київський державний інститут культури ім. О. Є. Корнійчука (1985). Авторка збірок віршів та оповідань «Послухай музику життя» (2004), «Лірика засніженого літа» (2012) та дитячих книг: «Я малюю просто небо» (2005), «Шлях додому» (2012), «Сказки на салазках» (2012), «Пригоди Ярика, або Чарівна мушля» (2014), «Замовити Боса» (2015) та п'єси «Золоте зернятко» (2015). Ольга Славна – член Національної спілки письменників України (2016).

Чорненьке кошеня все добре розуміло і, з'ївши спільний обід, почало вмиватися, а потім раптом стало облизувати руку Якова. Чоловікові було незручно від того, і він миттєво вихопив свою руку:

– Ти, ти змушуєш мене руки помити, бо я гидота, так? – нервово кричав чоловік. – І не подумаю тобі підкоритись, мале лайно, – образився Бондар. – Якщо не влаштує тебе мій побут, на всі чотири сторони ступай, – буркнув і показав на двері.

Та кошеня, мабуть, усе влаштувало, бо нікуди не хотіло йти, а навпаки, скрутилося на ковдрі і скоро заснуло поруч з господарем.

Небагато часу минуло відтоді, як у Якова Бондаря з'явилося кошенятко. Прозвав він його Зірочка, бо то була кішечка, з білою великою зірочкою на животі та білими шкарпетками на задніх ніжках. Коли одного разу господар кинув Зірочці тенісну кульку, щоб бавилася, а не сумувала, як він іде з дому, і побачив, як вправно вона з нею грається, тоді й надумав прилаштувати кульку до довгої палиці. Щось вийшло на кшталт вудки. Зірочка, щоб дістати кульку, ставала на білі задні лапки, передніми діставала її і розгойдувала. Яшка сміявся і бавився разом з кошеням. За цим заняттям і застукав Бондаря давній приятель Віля.

– А віддай-но мені цю кішечку, – запропонував він. – Я з неї справжню Зірку зроблю.

– Не можу друга віддати, – кинув Яків.

– А за гроші? – східно вколов Віля.

– І за гроші не віддам, – відрубав той.

– Тоді давай разом гроші заробляти, – запропонував приятель.

І розклав усе, як по полицях. Вони на площі організують справжній цирк. Люди кидатимуть гроші, і нарешті Яків облаштує своє житло і життя покращить. Бондар замислився. Пропозиція була дуже доречною, бо наставала осінь, а грошей, як завжди, бракувало. Але остаточної відповіді не дав приятелеві, лиш обіцяв подумати.

А вже наступного ранку, коли Зірочка, як завжди, вмивала Яшині руки, він, врешті-решт, схопився і побіг. До річки. Скинувши із себе смердючий мотлох, прожогом влетів у воду. Довго плавав, обмивався, а коли нарешті дістався берега, відчув таке полегшення і прилив сил, наче на світ уперше народився. Так і пішов додому в мокрих штанах, у котрих купався. Здорове дуже тіло пашіло свіжістю, а руки, де в кожную порепану шпаринку в'ївся столітній бруд, висвітлилися нарешті, і він дивився на них і не впізнавав. Уже вдома попрохав сусіда підстригти його, бороду поголив сам, як удалося, і, діставшись старої валізи, де ховав документи, віднайшов пакет зі складеними старими, але випраними сорочкою та штанами. Єдиними, на всяк випадок – смерті чи іншої неочікуваної події, схованими під ліжком. Вони були злежані і вимагали прасування, та праску давно здано в металобрухт. Тож скропивши водою і стріпнувши трохи, так-сяк вирівняв одяг. Натягнувши чисті речі, засмутився, що не було придатного взуття. Довелося взувати зимові черевики. Босоніж іти не наважився.

Що трапилося з Яшею, ніхто не міг второпати. Мешканці будинку звикли бачити страхітливе чудовисько, а тепер перед ними був симпатичний сорокарічний чоловік. У кімнаті вирішив прибрати, коли повернуться з «концерту». Не личило Зірці-артистці жити в таких жажливих умовах.

Цирк, як планував Віля, не вдався. Але кішці глядачі, що спостерігали, як вона вправно ходить на задніх лапах, трохи таки накидали карбованців, і тепер гордий і щасливий Яків повертався додому з грішми і своєю справжньою Зіркою. Накупивши хліба і кров'яної ковбаси та з десяток яєць, чоловік вирішив запросити старих «друзів» на вечерю на честь артистки. Від спиртного відмовитись було дуже важко, та все ж не наважився витратити зароблені не ним гроші на пляшку, а натомість купив Зірці молока, аж два пакети.

Прибравши в помешканні, почав накривати стола. Крім хліба, ковбаси, яєць та цибулі, на столі з'явилися огірки та помідори, якими пригостили сусіди, і навіть пиріг, справжній, з яблуками. Такого достатку Яків не мав давно. Тільки коли жив з дружиною і батьками в трикімнатній квартирі, працював на заводі, то холодильник був наповнений усякою всячиною: і ковбасою, і сиром, і смачним борщем, і котлетами, які набридали. Тепер би тих маминих котлет та жінчиного борщу. З дружиною розлучилися, бо дітей не було, і вона виїхала з коханцем десь далеко. Коли батьки померли, продав квартиру, переїхавши у бабину. Гадав, що зробить гарний ремонт, добудує зручності, і йому одному вистачить. Так, можливо, і було б, якби не вкрали гроші. Сам винен, що банкам не довіряв. А там і завод закрили, збанкрутів. З досади пити почав, та й скотився... далі нікуди. Дивлячись на своє віддзеркалення у склі (люстерка давно не мав), Яків не впізнавав себе. Він відчував, що повертається до життя.

Його вчора запрошували до ЖЕКу на роботу. Нехай і двірником, а не токарем шостого розряду, ким колись працював на заводі, та для початку теж не погано. Зможе Зірку свою балувати, а не

навпаки. «Господи, – роїлися думки, – як я міг раніше жити без кицьки? Точно, Зірку мені послав Всевишній, щоб я знову став людиною». Яків зловив себе на думці, що без неї жити вже не зможе. Прикипів до тваринки серцем і душею. Це вона відродила його, бо приймала і любила таким, яким був, яким є. А він же котів ненавидів. От собак любив з дитинства, а котів тягав за хвості. І треба було йому звалитися у багнюку, на дно, щоб тепер змінити уподобання? Та як би там не було, трапилось те, що мало було трапитись. І він цьому не пручався.

Гості сиділи не довго. Чарки не наливали, хоч закуска була гарна. Зголоднілі «друзяки» вимели майже все, але все одно були не задоволені, що «пляшку зажав».

– Іншим разом, – виправдовувався Бондар. – Грошей більше не залишилось.

– В борг візьми. У Петренчихи самогонка класна, – запропонував Серьога.

– Мені Зірка не дозволяє в борг влазити, – ледь вичавив Яків і почав збирати зі столу.

– Точно, чокнутий, геть з розуму з'їхав зі своєю кицькою... – корчачи гримасу, єхидно промовив невдоволений Льоха.

А потім, уже з порога, додав:

– Все одно за тобою літра, кореш. Інакше кицька здохне, – яось незвично вимушено засміявся він і побрів на вихід з товаришем.

...Вже декілька разів старі «друзяки» навідувались до Бондаря. Чим міг пригощав, а чарки не наливав. Яків був певен: якщо вип'є з ними, знов скотиться і назад дороги не буде. Тому тримався до останнього. Вже з першої зарплатні підкупив деякі речі в кімнату і навіть новою білизною застелив ліжко. Решту грошей поклав у пакет і заховав у валізу.

Підмітаючи свою ділянку, працював до обіду. Зірку зачиняв у кімнаті, боявся, щоб де не зникла.

Того дня Бондаря попрохали прибрати ще й сусідську ділянку, бо двірниця Муся запила. Зайвих грошей не буває, тож Яків погодився на пропозицію начальства. Накидав Зірці побільше ніж звичайно їжі, зачинивши кімнату, пішов на роботу.

Після обіду, дізнавшись від «добрих людей», що Яша отримав зарплату, Льоха з Серьогою вирішили нарешті розколоти друга на пляшку. Чекали у дворі і дивувалися, що господаря так довго не було. Коли набридло чекати, вирішили діяти більш радикально. Щоб цього разу Яша не викрутився, Льоха запропонував викрасти Зірку. Двері він відкрив відмичкою, був мастаком таких справ, а Серьога, зловивши нарешті Зірку, яка ніби відчувала небезпеку й не давалася до чужих рук, бігала, ховалася то під шафу, то під стіл, то під ліжко, вискочив з помешкання і подався до цвинтаря. Мали діяти, як домовились. «За кицьку Яшка відро горілки виставить», – раділи друзяки, що знайшли хворе місце двірника і тепер зможуть шантажувати його, а можливо, і не один раз. Це було їм на руку. Льоха, присівши на порозі, задрімав, коли Бондар зайшов у двір. Побачивши прочинені двері і непрошеного гостя, прожогом влетів у кімнату.

– Зірка, Зірочко, – кликав він, заглядаючи у всі шпарини, куди зазвичай ховалося кошеня.

Вибіг на двір і, схопивши Льоху за груди, кричав несамовито:

– Де подів Зірку?! УБ'ю!

І насправді убив би, бо очі налилися кров'ю, вуста тремтіли, а руки вже здавлювали шию Льохи. Той з переляку не міг і слова мовить. Серьога, визираючи раз за разом зі схованки на кладовищі, вичікуючи сигналу друга, не втримав Зірку. Кошеня, почувши голос господаря, вп'ялося кігтикками в тіло чоловіка, намагаючись звільнитися із його обіймів, а коли той від болю зойкнув і розтиснув руку, якою його тримав, побігло додому. Кам'яний невисокий мур, що відгороджував житловий будинок від цвинтаря, не став на перешкоді Зірці. Вона стрибнула на землю, за пару десятків метрів від хати. Та її вже очікувала зграя диких собак, що проживала на кладовищі і давно спостерігала за кішечкою, яка пручалась у руках Серьоги. То вони потрошили котів ув околу. Справжніми ненажерами накинулася зграя на кошеня. Яків побачив це, коли почув остервенілий гавкіт псів і справжній плач – клич його Зірки. Кинувши Льоху, він біг назустріч їй і так відчайдушно лементував і улюлюкав, лякаючи зграю, що всі мешканці будинку повибігали з квартир дивитися, що коїться.

Схопивши на руки закривавлене кошеня, яке ледь-ледь дихало, Яків благав сусідів викликати таксі, аби відвезти Зірку до ветлікарні. І поки вони радились, чи варто рятувати безнадійно скалічене кошеня, Яків біг до лікарні. Він пригортав до грудей свою Зірочку і благав Господа врятувати її. Скільки біг, не пам'ятає, зупинився тільки тоді, коли віднайшов, нарешті, ту лікарню. Та Зірочка вже не виявляла ознак життя.

Більше додому Яків Бондар не повернувся. Одні кажуть, що бачили в генделику дуже п'яним, а інші – що то його тіло виловили недавно у річці.

ШАХРАЇ

Цей телефонний дзвінок був дуже вчасним і доречним. Нарешті він, Альфред Львович Райський, заступник начальника кредитного відділу філії «Хапугфінбанку», визначився з клієнтом. «Сам напросився», – втішався подумки Альфред, запрошуючи до себе тендітну сором'язливу сорокарічну Шурочку Шахову.

– Олександро Аронівно, підніміть справу цього, – зиркнувши на аркуш, де нашвидкуруч було записано прізвище клієнта, – Пуляєва Григорія Івановича і занесіть мені, будь ласка, – чемно наказав Райський.

Поки Шурочка вовтузилась у стосах тек, Альфред уже змалював схему. Точніше, вона у нього була змальована відтоді, відколи керуючий філією заніс його прізвище до списку скорочених осіб. Банк з кожним днем банкрутів, криза світова з'їдала фінустанови, як гусинь зелене листя. І як не годив начальству Альфред Львович, аби залишитись до останнього на цій чи іншій посаді, та все одно сокира на його голову мала впасти вже за тиждень. Райський з кожним днем усе більше і більше нервувал, і стримувати емоції йому було дуже важко. Але останнім часом став дуже обережним і ввічливим як до колег, так і до клієнтів.

Коли на його стіл лягла справа Г. І. Пуляєва, попросив Шахову розповісти коротко про клієнта. Та, як дівчисько-піонер, доповіла: «Пенсіонер. Вісімдесят вісім років. Депозит: двісті п'ятдесят тисяч гривень. Термін закінчується лише за півроку. Вимагає повернути достроково, бо треба на лікування. Надав документи».

– А, це той крикливий дідок, – згадав Райський. – Олександро, – звернувся до головного спеціаліста, – аби уникнути скандалу з ветераном, починай оформлення на його ім'я кредитної картки. Це поки єдиний спосіб повернути йому кошти.

– Але, – почала ніяковіти Шурочка, – коштів нема. Ні в касі, ні... Як він їх отримає? – здивовано перепитала Шахова.

– Сьогодні на наш рахунок головна контора підкине півмільйона гривень для підкріплення готівкою банкоматів, – уточнив заступник начальника кредитного відділу. – Ліміт зняття готівки беру на себе. Хоч одному допоможемо, – підморгнув Шурочці Альфред і посунув їй справу клієнта.

Ледь Олександра торкнулася теки, як її руку накрила тепла долоня Райського. Він підвівся з-за столу, притримуючи руку колеги, а іншою обійняв Шуроччину талію. Та запашилася. Невже Альфред взявся за старе. Шури-мури закінчилися більше року тому. Райський не зміг залишити дітей заради неї. А що ж тепер? Та коли їй прошепотіли на вушко: «Твої п'ятдесят», – вона все зрозуміла. Звичайно, Альфред не міг просто так піти з банку. Сума депозиту пенсіонера була занадто мала для афери. Вона деякий час працювала у парі з «кредитором», де, як кажуть, і зійшлися «дві самотності», тож знала, які суми цікавили Райського. Все було добре доти, поки їх схему не рознюхав керуючий. Справу з клієнтом заладили «полюбовно», не дали їй розголосу. Та Борис Ілліч Бергман (керуючий) такі вибрики співробітника не забув. Репутація банку і його ім'я чесного банкіра були дорожчими за класного спеціаліста. Це правда, що Райський не раз рятував філію від банкрутства своїми креативними ідеями. Фінансистом він був від Бога. Але і про себе не забував. І ось тепер, у кризу, настав найліпший час позбутися Альфреда, далекого родича Бергманів.

– Алік, я не зможу, – намагалася відмовитись Шахова, та його палкий поцілунок був більш переконливий.

Альфред Львович добре знав, що самотня Шурочка досі його палко кохає. Добре, що досі не розкусила, з якою метою завів з нею колись «шури-мури», як про них шепталися в філії.

– Зможеш, кицю, зможеш. Піти з голими руками? До речі, я довідався, що ти на черзі... На скорочення, – переконливо збрехав Альфред Львович. – А поки Боря і моя кікімора (начальник кредитного департаменту) відчалили на нараду в Київ на цілих три дні, – радісно наголосив Райський, – ми з тобою маємо встигнути «обработати» клієнта. У балансі філії ця проводка на якісь копійки не викличе підозру. Знаючи достеменно нашого головного бухгалтера, Ганну Іванівну, – зазначив кредитор, – її неуважність і нерозторопність, – уточнив, – гадаю, не відразу помітить.

– Це так ризиковано, – набивала собі ціну Олександра.

– Тобі треба зробити тільки картку. Мені скласти договір. Підписи членів кредитного комітету з печаткою у мене є. Оригінали.

Шурочка здивовано глянула на Альфреда. Він з хитрою посмішкою подивився крізь окуляри на свою сорокарічну «пасію» і мимоволі кинув:

– Знайшов колишню загублену останню сторінку протоколу, – і пішов далі: – Так, маєш ще купити в аптеці серцеві краплі для Григорія Івановича. Коли йому стане зле, даси попити. На деякий час допоможе. Поки переконаємо підписати договір. А далі...

На мить Райський замислився. Скориставшись паузою, Шурочка засумнівалась:

– Дуже похилого віку клієнт. Таким кредит не дають. До шістдесяти років тільки.

– Під заставу депозитного вкладу можуть піти на виняток, – запевнив Райський і додав: – Як тільки касири підкріплять банкомати, ввечері знімемо гроші. До речі, принеси адресу банкоматів, де нема відеоспостережень.

Шурочка кивнула на знак згоди. Вона йому вірила. Райський ні разу не проколовся. За винятком того випадку, коли керуючий запідозрив «неладное». За тиждень у філії тоді раптово померли три вкладники (самотні люди похилого віку). Як з'ясувалося пізніше, всі небіжчики свої кошти заповідали родичам Альфреда. Борис Ілліч випадково це виявив, коли підписував документи. Звернув увагу. Усіх близьких Райського добре знав.

А потім з'ясувалося, що в одного з клієнтів таки знайшлися родичі-спадкоємці. Альфредові довелося гроші повернути. Справу уладнали. Про цей випадок знали одиниці. Керуючий не хотів розголосу. Юриста, що оформляв липові заповіді, звільнив. Райського (тоді ще начальника департаменту по роботі з фізичними особами) перевів у інший відділ, де той одноосібно не міг приймати рішення. Під керівництво кікімори, або «клятої баби», у кредитний департамент. А ось Олександр Аронівну, котра пригощала заспокійливими пігулками пенсіонерів, ні в чім не запідозрив. А навпаки, перевів у відділ пластикових карток на вищу посаду. Хоча відтоді у неї з Райським і почалися негаразди в особистому житті.

А от усі інші «оборудки» пройшли ідеально. Ні ревізії, ні всілякі комісії порушень не знаходили. Альфред умів робити правильно. По закону. Тільки завдяки Райському Шурочка придбала собі квартиру, де, до речі, і зустрічалася з ним донедавна.

Під кінець робочого дня на стіл Альфреда Львовича Шахова покляла картку з пін-кодом і всі інші потрібні папери, адреси банкоматів. І у нього був готовий кредитний договір. Залишався тільки підпис клієнта. Про всяк випадок Райський налаштувався підписатись за нього. Підробляти підписи міг, але ніколи цим не користався раніше. Мабуть, настав час. Якась пересторога чи інтуїція все-таки змушувала нервувати заступника кредитного відділу. Ну, по-перше, суму кредитного договору збільшив на п'ятдесят тисяч для Шурочки. Ділитись було нічим. Занадто мала сума для самого. По-друге, не був певен, що зможе зняти готівку. Банкомати поповнили лише по сто тисяч. І це більше всього тривожило Райського.

Коли Шурочка вийшла з кабінету, Альфред Львович зателефонував Пуляєву і запросив прийти в банк. Завтра. Натякнув, що питання його майже вирішено позитивно. «Хай порадіє старий. Радіти залишилось тільки ніч», – відволікав себе від лихих думок Райський. Лише при першій оборудці він так хвилювався. Але все ж тоді обійшлося. Навіть краще, як він міг собі припустити.

* * *

Уночі Олександр Аронівну розбудив дзвінок. На порозі стояв Райський.

– Це твої п'ятдесят тисяч, – і сунув у її руку пакет.

– П'ятдесят тисяч? – спросоння запитала Шахова. – Ми ж домовлялися п'ятдесят на п'ятдесят. Відсотків, – уточнила.

– Ми так не домовлялися, – спростував Райський її очікування. – Ти, мабуть, не так зрозуміла. Добраніч, киця, – і, чмокнувши її в щічку, подався назад, зачинивши за собою двері квартири.

Шурочка, прикро вражена, з повним пакетом грошей дрібними купюрами, попленталася на диван додивлятися уже не такі солодкі сни.

Із самого ранку Григорій Іванович Пуляєв прибув до філії. Дуже здивувався, коли його запросили до кредитного департаменту. Та Бог з ним, хоч до туалету, аби швидше забрати свої кошти з банкрутілого банку. Його правнукові, молодшому Григорію, учасникові АТО, конче потрібна операція. За кордоном. Цих грошей, що має на рахунок, обмаль. Волонтери збирають ще, дай Бог їм здоров'я, але лік йде не на дні, на години. Фактично лікарі витягли хлопця з того світу. Втратити правнука означає кінець усьому. Крім Грині, у ветерана нікого не залишилось. Багато років тому син з невісткою потрапили у страшне ДТП, онук загинув у Афганістані. Довелося на старості з дружиною виховувати свою гордість і своє спасіння – молодшого Григорія Івановича Пуляєва. Торік пішла у небуття Наталя (дружина), а правнук без дозволу пішов добровольцем в АТО. Сказав, що хоче, як він колись, захищати свою Батьківщину. Не піддавався ні на які умовляння. Змирився старий. Залишалося тільки молитися сто разів на день за правнука. І ось нова біда.

У кабінеті Райський запросив ветерана сісти на диванчик. Шурочка сиділа за столом. Поряд були графин з водою і склянка. Альфред Львович і не намагався щось приховувати. Він завжди говорив правду. Майже. Тож і почав:

– Шановний Григорію Івановичу. Гадаю, ви знаєте, в якому стані нині наш банк, і філія в тому числі. Національний банк забороняє достроково розривати депозитні вклади. Ми не можемо, не маємо права порушувати Постанову НБУ. Але ми, тільки для вас, ветерана війни, знайшли єдиний спосіб забрати свої кошти.

– Дуже дякую, – вирвалось у Пуляєва.

Та Альфред продовжував:

– Нам дозволяється тільки кредитування. Для підняття економіки держави у цей важкий для країни час. Зазначу, що не всіх підряд кредитуємо.

– Тобто ви мені пропонуєте кредитні кошти? – догадався Григорій Іванович.

Райський перезирнувся з Шаховою. Цей дідок виявився дуже метикуватим, що його трохи збен-тежило і насторожило.

– Саме так, – погодився Райський. І тут же додав: – Ви нічого не втрачаєте. Навіть навпаки. Можете взяти більше, ніж ваш депозит.

– Я згоден, – неочікувано для всіх радісно вигукнув ветеран. – Коли дасте грошей? – перепитав.

– Та завтра і беріть. Ось лише підпишіть тут, – і підсунув старому договір.

Пуляєв дістав окуляри і став прискіпливо його читати. Дещо уточнював для себе. Райський залюбки відповідав. Такого він зовсім не очікував. Коли ветеран нарешті підписав папери, Олександра Аронівна вручила йому картку з пін-кодом. Щиро подякувавши співробітникам філії за таку увагу, Григорій Іванович пішов.

– От бачиш, киця, – промуркотів Альфред, – тобі навіть не довелося полікувати старого. – А потім перелякано кинув: – А даремно! Треба було запропонувати водички. Тоді «завтра» для нього не настало б. Це була б сама вдала і легка з усіх наших «справ».

– Не кажи гоп, Алік, – попередила Шурочка. – Завтра дідок не виявить грошей на картці, потім у банкоматі, а потім він не такий простий, як нам здалося на перший погляд.

– Справді не простий, – погодився Райський. – Мені до п'ятниці допрацювати, а там і трава не росте.

– Молодець. І руки вмив. А моя голова під гільйотину, – з докором кинула та.

– Завтра і дороби своє діло, – впевнено і якимось задоволено відповів заступник начальника кредитного відділу.

Чекати «завтра» Григорій Іванович не став. Підійшовши до банкомата, він всунув картку, набрав код і зробив запит щодо балансу. Баланс був нульовий. «Добре, – погодився старий, – дочекаюся «завтра». Раніше ліг спати, аби швидше настало те «завтра». Але не спалося старому. Він набрав номер мобілки своєї знайомої волонтерки, яка збирає кошти для правнука, аби порадувати. Та те, що почув від неї, збило його з пантелику. «Це більш усього афера, – звучало зі слухавки. – Банк потрапив під ліквідацію. Але завтра обов'язково перевірте ще раз баланс. Дай Бог, щоб я помилялася», – вирвалось у жінки.

Уже на світанку старий поголився, одягнув свій улюблений піджак з орденами та медалями, дістав із шафи трофей (зброю, подаровану самим генералом йому, юному солдаткові, коли лежав у шпиталі після поранення), заварив трав'яний чай, аби заспокоїтись, прихопив усі банківські документи і не поспішаючи вийшов із квартири.

Виявляється, його вже чекали у філії. Пуляєв навіть заспокоївся. Може й справді волонтерка помилилась? Але всі сумніви розвіювалися як дим, тільки-но співробітники почали його переконувати, що кинуть кошти на картку під вечір, а потім треба ліміт «вибить» у головній конторі. Григорій Іванович сидів на дивані в кабінеті Райського, тримався як міг, усе чекав. І вже під кінець робочого дня вимагав від Львовича не сидіти склавши руки, а вибивати ліміт у головній конторі.

– Ви не хвилюйтесь, усе зробимо як слід, – заспокоював Райський. – Олександро Аронівно, дайте водички Григорієві Івановичу.

Вона тільки цього й очікувала. Піднесла ветеранові давно налиту склянку води. Старий відштовхнув руку Шурочки, і склянка впала на підлогу, розбившись ущент.

– Ви аферисти, шахраї! – гнівно вигукнув Пуляєв. – Кошти потрібні не мені, а моєму пораненому в АТО правнукові!

Вихопивши свій іменний пістолет, він без прицілу влучив прямисінько в серце Райському. Шурочка з переляку вибігла з криком у вестибюль банку.

Александр ФИНОГЕЕВ

«ХОМЯК»

Гена Саленко, по кличке «Хомяк», – командир минно-торпедной боевой части крейсера. Он и правда походил на хомяка: рыжий, небольшого росточка, с маленькими выпуклыми чёрными глазками и огромными раздутыми щеками. Геннадий, как и эти милые животные, целый день метался из стороны в сторону по кораблю, создавая суматоху и неразбериху, что-то писал, постоянно строил личный состав, напоминая человека не от мира сего. Трудился он в поте лица днём и ночью. И когда силы, наконец, оставляли, он падал в койку и мог проспать сутки или запоем читать книгу. Любая смена обстановки доставляла ему удовольствие и приносила отдых.

Но, надо отдать должное, его боевая часть всегда считалась лучшей в дивизии, поэтому командование корабля на причуды «Хомяка» не реагировало.

С другой стороны, Геннадий слыл человеком добрым, не умеющим держать долго зла, всегда имел деньги и охотно давал их в долг, записывая должников в блокнотик, который хранил в сейфе. Ещё он находился в абсолютном неведении ко всему, что происходило за пределами корабля. Со стороны казалось, что Гена даже не знает, в каком году живёт, который сейчас час, день и даже век. Корабельная трансляция обо всём ему напоминала, что сейчас надо делать.

Никто не располагал сведениями, чем он занимается на берегу. Зато твёрдо знали, что у него есть трёхкомнатная квартира недалеко от штаба флота, в которую он никого не приглашал. Досталась она ему от бабушки-адмиральши. Правда, сходил он на берег очень редко. Говорили, что Саленко когда-то был женат, кто-то видел в городе «Хомяка» с женщиной... Но с годами в эти слухи уже никто не верил. Живёт себе и живёт. Сам по себе. Главное, никому не мешает и не досаждают.

Личный состав его не боялся, но уважал и ценил за ум, знания, выдержку и справедливость. И чтобы не подводить командира, стремились служить так, чтобы к их подразделению не было нареканий со стороны командования.

Гена не курил, а спирт пил умеренно, и то не с каждым.

Двадцать пятого июня ему стукнуло сорок лет. Он, как порядочный человек, в обед в кают-компании накрыл шикарный стол, а вместо компота каждому в стаканы налил хорошего красного вина. Командир хоть и побранил за это именинника, но выпил с удовольствием.

Юбиляру, как это делается из века в век, командование дало грамоту, пожелало успехов в боевой и политической подготовке и любезно предоставило сход на берег после обеда. Офицеры подарили Геннадию огромную клетку с двумя рыжыми и очень милыми хомячками. Те, что-то непрерывно жуя, с интересом рассматривали весёлую публику, никак на неё не реагируя.

Финогеев Александр Витальевич. Родился 2 января 1953 года в Пензенской области. Работал станочником, наладчиком на заводе металлопластмассовых изделий. Окончил Военно-медицинскую академию (1977), был направлен на Краснознаменный Черноморский флот. Служил военврачом на кораблях и в частях Севастополя и Николаева. Около пяти лет провёл в морских походах. Расстался с морем в 1998-м. Воин-интернационалист. Награждён девятью правительственными наградами. Работал в Николаевском областном Управлении охраны здоровья, медицине катастроф, городском Управлении охраны здоровья. С 2002 года – врач-реабилитолог Степовской врачебной амбулатории семейного типа. Автор прозаических книг: «В те дни в морях дороги наши были» (2008), «И жизнь, и море, и любовь» (2009), «По местам стоять!» (2013), «В жизни не поверю» (2014), «Миражи тумана» (2015), «Круги на воде» (2017).

– Геннадий Петрович, – произнёс начальник медицинской службы, вручая подарок, – мы от всего сердца дарим тебе этих милых зверюшек, Сашу и Люду, и надеемся, что в твоём доме поселятся мир, радость и счастье. А названы они так в честь Руслана и Людмилы.

В кают-компании засмеялись.

Саленко на шутку не обратил никакого внимания, а от такого сюрприза даже прослезился. Он весело глядел глазами-пуговками на своих дальних собратьев, и его сердце выпрыгивало из груди от восторга.

Жизнь Геннадия резко поменяла своё русло. Он к хомячкам проникся чувством особой любви и материнской заботы. Разобрав стол, он поставил клетку ближе к иллюминатору и подолгу смотрел на своих новых друзей, постоянно подкармливая их чем-то вкусненьким. Теперь его каюта часто наполнялась офицерами, которые тоже что-то несли братьям своим меньшим. Особый восторг у всех появлялся тогда, когда те поедали длинные макароны. И даже не поедали, а засасывали их.

Вскоре Саленко заметил, что Люда и Саша стали вести себя беспокойно. Решив, что на них отрицательно влияет СВЧ-поле и электромагнитное излучение, он отвёз их домой. Теперь Гена сходил на берег регулярно.

Они уже успели подружиться и полюбить друг друга. Саша и Люда быстро признали в Геннадии своего генетически мутированного родственника, жалели его и трепетно к нему относились. Гена тоже боготворил их. Он разговаривал с ними, включал музыку, выпускал погулять по дому и даже разрешал есть из его тарелки. У них была полная идиллия и взаимопонимание, и казалось, что Люда часто строит ему глазки.

Служба на корабле не предусматривает длительное пребывание экипажа на берегу. Кораблю подавай океанский простор с его штормами и штилями, тревогами, вахтами и боевыми задачами. И началась подготовка крейсера к выходу на боевую службу, которая длится пять-шесть месяцев.

Теперь Геннадия волновала не столько подготовка боевой части, в ней он был уверен на все сто процентов, а то, что делать с хомячками. Он обошёл всех знакомых и соседей, но все наотрез отказались взять их, тем более на такой длительный срок.

Положение было аховое. С собой животных не возьмёшь – погибнут. И выбрасывать жалко.

Наконец «Хомяк» нашёл авантюрное решение. Он привёз с корабля пять мешков сухарей, три белых и два чёрных, мешок овсянки, три подшивки газет за прошлый год. Купил по десять килограммов рисовой и гречневой крупы, немного картошки и яблок, сколотил большущий ящик и наполнил его песком. Пустив тонкую струйку воды в ванной, открыл туда дверь и укрепил широкие доски, чтоб малыши могли туда забираться и вылезать.

Перед выходом корабля на боевую службу он свернул и перенёс ковёр в спальню. Туда же вынес кресло и журнальный столик, везде позакрывал двери, оставив открытыми только в зале, где размещалась супружеская пара, и в ванной. Разложив крупу и сухари по комнате, положив фрукты и овощи на поднос и разбросав скомканные газеты, чтоб точили зубки, он выпустил друзей из клетки, поцеловал их и с тяжёлым сердцем ушёл защищать Отчизну, закрыв квартиру на все замки. Люда на прощание даже лизнула Геннадия и что-то пропищала.

Поначалу Саленко было грустно без приятелей, но бешеный темп службы, слежения, поиски подводных лодок, вахты и множество других задач притупили тоску разлуки.

«Будь что будет, – думал «Хомяк». – Не рвать же сердце постоянно. Так можно заработать нервный срыв или, того хуже, инфаркт получить». Но изредка мысли всё же пронзали череп: как они там?

Всё проходит. Подошла к концу и боевая служба. Корабль вернулся в родную базу.

Сойдя на берег, Саленко быстро забежал в магазин, накупил много разного съестного и на такси поехал домой. Сильно волнуясь, он потными руками открыл дверь. В нос сразу ударил терпкий запах мочи и кала, а сквозь поднимающуюся бумажную пыль к нему из зала бежали сотни полторы, а может, и две, счастливых хомячков. Среди этой оравы Люду и Сашу признать было невозможно.

Впервые Геннадий был в полной растерянности. Его бусинки глаз вылезли наружу, щёки раздулись, а лицо покрыла багровая воинственная краска. Он даже не знал, что делать и с чего начать. Наконец первая трезвая мысль осенила его мозг.

Связав четыре угла большого одеяла, он собрал всю живность в этот импровизированный мешок, вынес всех в парк и выпустил на волю. Потом поехал на корабль, написал рапорт на отпуск, взял шестерых матросов, которые вместе с ним выносили мусор, чистили, мыли, приводя в порядок квартиру.

Больше «Хомяк» живность в доме не держал. Правда, потом выяснилось, что он вскоре женился на женщине с двумя большими детьми.

А почему бы и нет? Не надо лишний раз напрягаться и растить их с пелёнок, готовые есть. А чужие они или свои, ему было глубоко всё равно.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

Кто-кто, а музыканты в этой жизни всегда оптимисты. Особенно духовики. Будь они трижды гражданские или четырежды военные.

Им всё в радость.

И не важно, где играть, – впереди армейской колонны, на свадьбе, концерте или похоронах. Главное, что везде платят деньги. Одни – от избытка радости, другие – от невосполнимого горя. Последнее же для музыкантов даже как-то ближе и роднее. Ибо горя на земле куда больше радости и счастья.

Группа слегка подвыпивших музыкантов весело шла с очередных похорон. Что-то шумно обсуждая, они направлялись в приглянувшееся кафе, когда увидели спящую на кладке кирпича маленькую собачку.

– Тихо, мужики, – прошептал трубач, поднимая руку, и достал из футляра свой инструмент. – Всем замереть!

Подкравшись к ней на цыпочках, он вобрал в себя как можно больше воздуха, поднёс трубу к пухлым губам и что было мочи выдул из неё в ухо бедному животному душераздирающий звук.

Собачка от такой неожиданности взлетела в воздух, подняв вверх взъерошенный хвост, и со свистом выпустила в лицо хозяину природы всё содержимое своего кишечника. Трубач от такой неожиданности даже согнулся. Его лицо, грудь и руки были сплошь покрыты каловыми массами, из глаз катились слёзы, а изо рта потоком текла слюна.

Весёлые музыканты восприняли случившееся с восторгом. Дикий хохот потряс улицу. Редкие прохожие удивлённо останавливались, а затем тоже закатывались истерическим смехом.

Видя, что помощи ждать неоткуда, трубач решил не прекращать незапланированное веселье. Его начало тошнить. Со страшным стоном и рёвом из его утробы вырывались наружу съеденные полчаса назад котлеты, винегрет, печенье и конфеты, водка и компот.

Веселье набирало обороты. Многие смеяться уже не могли, а со слезами на глазах стояли и икали. Из окон и лоджий начали выглядывать жильцы домов. Некоторые выходили на улицу узнать, что произошло. А выяснив, принимались вместе со всеми покатываться со смеху. Вскоре весь квартал рокотал, как самолёт перед взлётом. Ничего нет слаще и роднее нашему народу, чем боль и страдание ближнего.

Наконец какая-то старушка вынесла ведро воды и тряпку.

– Сынок, накось умойся. Ишь как разошёлся, не остановить. А чего ты весь в говне-то? Али кто помой с балкона вылил? Вижу, что не шаромыжник какой-то. Порядочный человек. Это твой горн валяется? С репетиции, небось, идёшь? – тихо ворковала старушка.

Новая волна мощного смеха потрясла микрорайон. Трубач обречённо махнул рукой.

– Ну, хватит, хватит потешаться, – проворчала бабушка. – С каждым такое может случиться. Я помню, во время войны наш разведчик вернулся от немцев с «языком», так столько в штаны наделал, что всю форму потом пришлось выбросить. А это друзья твои? – она махнула в сторону музыкантов. – Плохие они люди. Брось их. Друг в беде познаётся. А они что?.. Потешаются над тобой. И всё. Ты умывайся, умывайся. Я ещё воды принесу. И одеколону. А то смердишь ты больно сильно. Жена в дом не пустит. Пиджачок-то сними, дома постираешь. На нём этого добра ой как много. А то давай его мне. Я замочу и постирну. Завтра зайдёшь, заберёшь. Я вон в том доме живу, – она показала рукой. – В третьей квартире. Меня тётя Маша зовут.

– Спасибо, тётя Маша. Дай вам Бог здоровья. А пиджак я выброшу. Он всё равно старый.

Трубач тщательно вытерся, обильно полил себя одеколоном, взял трубу и, сгорбившись, как старичок, пошёл в сторону остановки.

Народ медленно расходился.

– Коля, мы же в кафе хотели зайти! – прокричали сзади друзья.

Не оборачиваясь, трубач грязно выругался, сел в подошедший автобус и уехал.

ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ

Телефонный звонок взрывом бомбы в ключья разорвал тишину ночи. Казалось, что сейчас он разбудит всех в округе.

Людмила как ошпаренная подскочила с постели, споткнулась о прикроватный коврик и одним прыжком оказалась у стола.

– Да, – прошептала она в трубку. – Алё...

– Люся, ты спишь?

– Нет, что ты, милый, на часах стою. Ты хоть иногда смотришь, который час? Кстати, а сколько времени?

– Пятнадцать минут четвёртого.

– Самое время для признания в любви. И где это ваша милость гуляет в столь поздний час?

– Я же тебе говорил, что с дядей Колей поедем на ночную рыбалку.

– И много поймали?

– Подожди, не в этом сейчас дело. Ты помнишь фильм «Неуловимые мстители»?

– В это время я всегда думаю только о нём.

– Если ты попыталась пошутить, то шутка не взорвала зал.

– Говори уже, что ты хочешь. Я спать хочу.

– Так в этом фильме есть эпизод, когда Данька приходит к карусельщику и между ними происходит диалог: «Вам билетёр нужен»? «Был нужен, да уже взяли». «А может, и я на что сгожусь?» Помнишь?

– Нет. И что дальше?

– Я решил, что и в наших отношениях должен быть кураж.

– Кажется, он уже есть.

– Ты выслушай, потом скажешь. Так вот что я придумал: прямо как у Уильяма Шекспира в «Ромео и Джульетте». К примеру, я тебе звоню, а ты видишь, что это я, и говоришь мне: «Ты красотой своей затмил весь свет!» А я тебе равнодушно отвечаю: «А, это ты, привет тебе, привет», – и в трубке слышался гомерический хохот.

– Идиот! – прокричала Людмила, выключила телефон и пошла досыпать. – Надо тоже что-то придумать и позвонить ему ночью. Но всё равно я его люблю! – она счастливо улыбнулась и, повернувшись к стенке, мгновенно уснула.

Евгений ПИВЕНЬ

ТОЧНЕЕ ПРИБЛИЗИТЬ НЕ УДАЁТСЯ

47°10'49.6"N 32°15'37.3"E

где бы хотел возникнуть говоря провалиться
на месте: в продолжении грядок за черту
кладбища, в углу г-образного небоскрёба
таскать еду из высокого холодильника чтобы
кормить ребёнка закрытого в окне тебе
перпендикулярном,

в порывистой

степи

выхватывая горячие точки звёзд из-под
воротника нитки после сорванного ярлычка
89,963341112682259 cotton
1,111111!!! тиннитус
далёкие сельские храмы в бывших домах
культуры
капсулы времени с необработанной рыбой
бубны в композиции dead king (espers II)

будто спал засыпанный
амортизирующим грунтом
оставляя затылок шею воротник
звёздам,
дома,
нигде

(повод:
сквозь покрытое изморозью автобусное
окно в районе двойного села
увидел забор из пересекающихся
каменных дуг и ступенчатые верхушки
столбиков точь-в-точь мой собственный
забор ночь неужели транспорт остановился
возле моего дома кто эти люди почему их
так много там ходит)

Пивень Евгений Николаевич. Родился 11.04.1987 года в Баштанке Николаевской области. Окончил Национальный университет кораблестроения им. адмирала Макарова. Работает инженером на ГП НПКГ «Зоря-Машпроект». Участник объединения «Лига Эм» (Казаков, Пивень, Войналович), редактор портала «Litcentr», соучредитель группы «Альтанка» (литературные курсы для подростков, руководитель – Нина Паламарчук). Автор поэтических сборников «Первое приближение» («ProLogos», 2014) и «Продолжение» («Люція», 2016). Участник ряда музыкально-поэтических перформансов.

47°28'47.4"N 32°21'54.3"E

Сергею Войналовичу

1

что в ночном лесу
(из книг и отдельных историй)
есть источник естественного освещения
для заблудших
сбежавших
просто так вошедших
благодаря которому различают
кто из них кто

свет не ведёт
а именно освещает
создавая помещение там
в неприручаемом скруглении
остроугольных ростков

гипотеза непрерывности
лесного луча
в глубине начинает
с течением воплощаться
в собственное подтверждение

лист слюится всё более
бесконечно плавно
будто в идеальных руках
и на каждом ярусе
из вложенных
есть способные пальцы

2

была малоизвестная игра
когда закручивают
с завязанными глазами
и так ведут по тёмному двору
просят угадать место
где стоишь в итоге
победитель не получает ничего
свет с появлением своим
тасует предметы будто лепит
из тьмы новое нахождение
будто в замурованной печке
хранились не только музыкальные
пластинки но целая гостевая
дополнительный флигель
кусоч проходного двора
место глазами открытое надо назвать

3

лампы замурованные в стенах
 светят известное время после ухода
 последнего наблюдателя и если кто
 существует после должен слышать шорох счётчика на стене
 в крошечной темноте помещения
 когда захлебнётся девятками
 наступит неизвестное

47°25'54.6"N 32°27'30.4"E

1

от низких сосен от
 натянутой между стволами верёвочной
 скамьи
 спуск до бедного солнца
 в коровьей воде
 раньше
 ходили до самых яблонь
 проверять закат
 верёвкой
 теперь там датчик движения
 часто-часто
 прошивает землю
 и маленький пастух
 осторожно ступает между
 темнеющих туш
 не задевая горячих колокольчиков

2

упомянутый мост
 лишился воды под собой
 уводит в предвечер
 ые синие камни смешны
 чёрные камни после

3

пруд-маточник пьёт солнечное
 молоко жижу коров камни моста
 смородиновые кусты
 большие пиалки стоят в углах стола
 после жизни красные чёрные шарики
 чёрные в левую красные в правую
 потом уходи
 земля выплывет из источника
 как лодка из коровьего черепа
 в старину так подвозили солнце
 в дальние районы
 потом уходи за пределы живых
 помещений
 ешь своё сокровище
 красное из красной ладони
 чёрное из чёрной

47°24'40.8"N 32°19'02.0"E

хитрым способом собранный
простор откуда нет
выхода: свет-павильон

кажется мы осуществили
долгожданное вечернее паломничество
по забытым родственникам

в глубь района
их комнаты распахнуты
как старые деревянные посылки
роддомы для крольчих
тайники для сигарет

подвешены в земле
пьют корневой восход

и видят
и зримы

46°52'04.8"N 32°00'53.2"E

вплоть до старших классов
их провожали в школу собаки
окружая со всех сторон
бросаясь на прохожих
и машины
со временем всех собак
стерилизовали
прицепив на ухо номерную бирку
зимой собаки разбрелись умирать
и сёстры ходили в старшие классы
сжимая в карманах тяжёлые ключи

47°09'17.9"N 32°15'20.7"E

мы едва дышим во сне
переваливаем через гору дороги
первое сердце хватает за горло
и застигает глаза световой кровью
панорама перехватывает
огоньки подстанции
мы тут огоньки подстанции
посёлок нас ест

47°24'57.6"N 32°26'21.6"E

1

распродажа дорог
которые дозволено пересечь
в красных дорожных куртках
два тотема сомкнули
просвет не собой
наложением тысяч
древесных конечностей
перед выходом из тамбура тебя
спросят ответ
я например не вижу
салатный
зелёный
чёрно-зелёный
чёрнозелёный
цвет
куртка загорается никаким

2

и в тщательно проверенной тьме
ты разворачиваешь только что
купленную книгу
там слова – твои
но в другом порядке

3

перед выходом из тамбура тебя
спросят ответ
скажи например куртки пурпурные
ну соври что-нибудь

Данілова Аліна. Народилася 18 травня 2000 року в Миколаєві. Навчається у Миколаївській гімназії №3. Відвідує гурток літературної творчості «Альтанка» при Дитячому центрі позашкільної роботи Корабельного району. Переможець п'ятого миколаївського слему. Дебютний виступ – «Дискримінація за віковою ознакою» (2016) зі своїми колегами-гуртківцями в «Рок-Хаті». Отримала сертифікат за участь в Черкаській школі-таборі «Калавурня» (2016). Брала участь в 11 Львівському міжнародному літературному фестивалі у рамках Форуму видавців.

Аліна ДАНИЛОВА

ЧЕРЕЗ КОЖНІ ПІВТОРА КРОКИ

* * *

три вогники гірлянди
складаються в мене на стіні в «Л»
– миготять помірно –
Червоний – сестра Жовтого
Зелений – колишній Червоного/та
нинішній Жовтого
Жовтий живе з Зеленим
Червоний народила від Сірого та живе з ним
три роки назад
[Сірий не стосується гірлянди]
Жовтий після лимонного, латунного й гірчичного
перев'язала труби
Зелений ї(сть) бі(гнай) у ванній
прісно

Синій (четвертий) – ключ
Червоний згадала про Синій, коли
Зелений замиготів Жовтому
Жовтий згадала про Синій, коли
їй замиготів Зелений
а Зелений згадав про Синій, коли
Жовтий згадала про Синій
[та й так, неохоче]
– миготять уривчасто –
Жовтий справа
Зелений посередині
Червоний зліва
Жовтий і Червоний розлили воду
Зелений мовчав
[хоча, я не знаю, може і не мовчав]
– горять –
а Синій зламався і не горить/не миготить
йому холодно і все одно
він би сміявся, якщо б не горлав
я б може також хотів бути синім
якби пив

* * *

(схожі на трупи)
сторожі ікони святого юра під львовом
моляться за їжу (на неї)
самі
бо священика вбито ще в 29ому

заміжня втрачає честь
обдумано
в кімнаті високого комуніста
Вам хлібину
мені хлібину
Вам сиру
мені сиру
мені борщу
Вам з мухоморами
Вам очі позападали
мені очі позападали
Вам від мухоморів
мені просто так

жінок вони вбивать не повинні
в жінок вони стрілять не повинні
стрілять
не
повинні

...
ПОВЕРНІТЬ НАМ НАШУ ЇЖУ!

...
в жінок вони стрілять не повинні
були

з 45 на селі
напівживими стягнули в яму 15
ще 26 мертвими
жінки в чорних капюшонах стоять через кожні півтора кроки по Україні
вони стібками прошивають зіниці
в хрусталики
нанизують собі буси з чужих паличок і колбочок
їх так багато
вони такі красиві, що можна кохатися протягом 24 годин поспіль
Чому ця оргія дісталася Москви тільки в 53ому?

* * *

Поки не темно –
Дивлюсь у долоні Дніпра,
Доки в ньому не демон,
Доки в ньому чиста вода.

Поки не пізно –
Тримаю Київські дзеркала,
Над якими пісня зависне,
Що, здається, завмерла смола.

Поки я можу –
Я б'юсь головою об лід.
І звідти на мене схожий –
Прозорий на білому тлі.

Там, де долоні Дніпра
Вже знекровлені брудом,
Там, де чертяка жива...
Не пройде, не зайде, не буде!

Тільки б бились головою об лід
Ті, хто ще не рушав у політ.

* * *

Чотири зіпрілих роки
одинадцять місяців
і дванадцять
тринадцять
чотирнадцять
хустин, зав'язаних на поголену голову
Чотири зіпрілих роки
я – Кай
моя Герда живе поверхом вище
вона давно змарніла
і скоро помре
в коробці з-під старого нового взуття
дві пляшки горілки
н.з.
я б закусив кожною розголоною хустиною
кожну рюмку
кожного Твого нового дня народження

* * *

Море хвилюється
Кремом по черевиках кульбаби
Раз
Склери в вогні
Руйнують міста
Вітром разносять
Нову політику дій
Море хвилюється
Тінню на страйк лісорубів
Два
Відра скачуть по плитці
Охлушують
Море хвилюється
лаком п'ятої фіксації

В позі лічильника часу
Завмри

Лілія БОНДАРЕНКО

ФОТОГРАФІЯ

Оповідання

«Я скоїла злочин! Вбила людину! Не переїхала, не натисла курок, не отруїла... На відстані, єдиним доторком пальця до панелі телефона», – вкотре повторювала звинувачення за автоматичну, непродуману, неперевірену дію, винесену власним сумлінням совісті. «Що тепер робити? Як рятувати ситуацію?» – заламувала руки ще та, жива, життєрадісна Настя, бо ось ця, яка незворушно сиділа у кріслі-гойдалці з міцно заплющеними очима й намертво зчепленими пальцями навколо голови, що йшла обертом від усвідомлення масштабу скоєного нею, скоріше нагадувала виточену з каменя людську подобу.

За вікном жовтіла осінь, наливалось багрянцем надвечірнє небо, повітря, насичене духмяними прянощами з прилеглого до елітної новобудови лісочка, безперешкодно проникло через відкрите навстіж вікно до помешкання й наповнило собою простору кімнату, не звертаючи жодної уваги на завмерлу господиню, начебто її тут і не було, та й вона вперше не зважала на те, що відбувається довкола, ніби й справді тут не була.

...Наполегливий дзвінок у двері порушив заплановану тишу й, прокравшись до кабінету, відірвав зосереджену на виконанні кропіткої роботи молоду жінку. Повільно підвівшись, вона мала надію, що комусь, за порогом її квартири, увірветься терпець, і коли вона не поспішаючи дійде до дверей, нікого вже там не буде. «Хтось із сусідів? – подумала. – Ні», – одразу ж відкинула припущення. Її сім'я веде замкнений спосіб співіснування, тому з власниками інших квартир у них не ті стосунки, щоб прийти позичити цукор-сіль чи ввечері зазирнути на чашку чаю. «Свої?» – напружилась. Тоню мама забрала до себе, завтра їдуть на дачу... «Хтось із Арсенових друзів?» – зупинилась посередині коридора. Знову ж таки у них не було прийнято, що коли Арсен у морі, хтось із них приходив до Насті. «Консьєржка чужого б не пропустила... Тіна?!» – вколов здогад.

За гупанням по дверях почувся жіночий невдоволений голос:

– Насте, відчиняй! Третім оком бачу, що причаїлась за дверима, перелякана на смерть...

– Тіно, ти? – перепитала, таки здивувавшись.

– Я! – підтвердив голос. – До тебе ж не додзвонишся, щоб записатися на прийом, тож довелось без попередження через усе місто на власний страх і ризик, хоча ж у такий час ти завжди дома...

– Не кричи, будь ласка, – попросила. – Хвилинку...

Настя без будь-якого позірства могла сказати, коли б не була скромною й обережною у висловлюваннях, про своє жит-

Бондаренко Лілія Петрівна. Народилася 13 червня 1976 року в Миколаєві. Закінчила філологічний факультет Миколаївського державного педагогічного інституту. Працювала у середній та вищій школах (1999–2011). У 2010 р. її перший психоаналітичний роман «Тринадцята жінка Фрейда» здобув диплом міжнародного літературного конкурсу «Коронація слова», а в 2011 р. вийшов окремою книгою. За результатами обласної Програми підтримки вітчизняного книговидання, книгорозповсюдження та популяризації української книги у Миколаївській області за 2015 р. рукопис її другого роману «Вендета у форматі 3D» пройшов конкурсний відбір і був рекомендований до друку.

тя як близьке до ідеалу. З дитинства розширенням її світогляду займалась мама, прекрасний лікар, вихованням опікувалась бабуся, лікар на пенсії, а про гідну європейську освіту потурбувався батько, який зумів утриматися на плаву й жити і працювати в кращих європейських столицях. Після закінчення служби батько змушений був повернутись на Україну, де Настя, вступивши до медичного університету, й познайомилася з Тіною, абсолютною своєю протилежністю. Різні геть у всьому, вони гармонійно доповнювали одна одну, жодного разу не зустрівши на шляху своєї дружби чорної кішки. З Настіною допомогою Тіна сяк-так закінчила університет, так і не знайшовши за стільки років між собою і медициною нічого спільного, до речі, як і Настя, що завдяки підтримці подруги захоплення фотографією перетворила на справу свого життя і власний іменний бренд. Вони були подругами, але поза шаблоном: не висіли на телефонах, не напрошувались на каву, не... Цінуючи власну свободу, поважали й чужу.

«Тінин прихід викликаний форс-мажорними обставинами, не інакше», – подумала Настя, відкривши перед подругою масивні двері.

На порозі, переминаючись на височенних підборах, стояла доглянута молода жінка, нервово погойдуючи еко-сумкою з місцевого супермаркету в одній руці, а в іншій, якою опиралась на стіну, міцно стискала нову модель айфона, із вчепленими на мізинець ключами від машини.

– Ну, здрастуй, затворнице, – чмокнувши подругу в щоку, зайшла до квартири.

– Щось сталося? – запитала Настя.

– Так, – серйозно відповіла Тіна, що вже встигла з полегшенням видихнути, скинувши незручне взуття й діставши велику пляшку мартіні. – Сталося!

– Гаразд. Пішли на кухню, – запропонувала господарка.

– Ні. Розмова не для кухні... Давай у вітальні? Мені важливо знати твою думку...

– Чи ти мене лякаєш, чи інтригуєш... Не розумію, – дивувалась Настя.

– Багато замовлень? – поцікавилась Тіна.

– Одне. Та таке... – Настя обірвала тему, бо дотримувалась у своїй роботі принципу конфіденційності.

– Відірвала? – винувато запитала.

– Розкажи краще, що у тебе, – Настя сіла поруч на диван і уважно подивилась на Тіну, такою її не пам'ятала, коли й бачила.

Все було як завжди, але довге чорне волосся, заплете у хитромудру косу, обгортало голову та деякі пасма, що вирвались назовні і встигли завитись, свідчили, що Тіна поспішала, навіть з роботи не зайшла додому. На це вказував і діловий стиль, що домінував в одязі: сукня підкреслювала всі пишні принади, але не закоротка і спокійного зеленого кольору, теракотова хустинка у тон шкіряному піджаку, а не низка намиста, прикрашала шию. Очі, як дві чорні вуглинки, горіли, запалені ідеєю фікс. Вона збиралася з думками, підшукуючи відповідні слова. Настя про це здогадалася з того, як Тіна пальцями нервово перебирала кінчики вже зім'ятої хустинки.

– Тоня у мамі? – спромоглась лише на це.

У відповідь Настя кивнула головою, не порушуючи Тіниного настрою. Зрозумівши все без слів, вона зняла з себе верхній одяг, акуратно поклала на край дивана. Настя намагалась дотримуватися бездоганної чистоти і порядку у квартирі й спонукала інших до цього.

– Я тут мартіні принесла... Маю випити. Будеш зі мною? – подивилась в очі Насті.

– Так.

Розв'язавши хустинку й зробивши декілька ковтків ароматного напою, вона визріла до розмови:

– Я розповідала про Єгора, й ти, ще рік тому, запідозрила закоханість з мого боку... Не вірила, не могла уявити, що таке дійсно станеться зі мною... Можливо, я помиляюсь? – з надією взяла Настю за руку й подивилася в її чистого неба очі.

– Мені сьогодні важко зрозуміти, коли ти жартуєш, а коли ні... Симптоматика яка у тебе? – посміхнулась.

– Останнім часом я постійно думаю про нього... Хочу з ним бути... Синдром фантомного дзвінка підчепила, – повертаючись до себе колишньої, посміхалась у відповідь. – Та головне... Я хочу заміж за нього і дітей!

– Чудово! – сказала Настя. – Вітаю! А як щодо його сімейного положення? Востаннє, коли ти про нього згадувала, він був одруженим чоловіком...

– А нічого не змінилось, – Тіна зробила кілька ковтків і, явно не від напою, скривилась. – Я стала іншою! Мені тридцять чотири роки, і вперше я хочу добровільно позбутися власної свободи...

– Але ж він своєї не має свободи, – нагадала подрузі Настя.

– І що тепер? – забідкалась Тіна.

– Не знаю, – відмахнулась Настя. – Я взагалі проти такого роду стосунків, зокрема й у твоєму випадку... Попереджала, що рано чи пізно це може призвести до незворотних наслідків... Ти ж не вірила! Сміялась, що руку тримаш на пульсі... Що тримає твоя рука зараз? Келих з мартіні...

– У мене це серйозно, – наголосила Тіна. – Що мені робити?

– Запитуєш у мене, заміжньої жінки? Пригадуєш, я хотіла, щоб ти поставила себе на місце тієї, чий чоловік тебе обіймає, цілує, улещує тисячами слів? Носа кривиш, як і тоді, – підмітила Настя і замовкла.

– Так, я винна, – легко погодилась Тіна, – але ж, на щастя, не я перша й, на жаль, не остання, яка покохала одруженого чоловіка, який відповідає мені взаємністю...

– Ти хочеш, щоб ви були разом?

– Так! – аж викрикнула Тіна.

– Як це ти собі уявляєш? – здивовано поцікавилась Настя, візуально зберігаючи спокій.

– Він розлучається з дружиною, там все одно лише сама назва залишилась від сім'ї, і ми, щасливі, живемо разом, – весело защебетала Тіна, розслабившись нарешті під дією алкоголю.

– Психологію ти пропустила... – смакуючи улюбленим напоєм, сказала Настя. – Та й життя тебе нічого не вчить...

Тіна розвернулась до Насті, граційно закинула ногу на ногу, руку з напівпорожнім келихом поклала на оголене коліно, випрямила спину, ніби сиділа на прийомі у самої англійської королеви, й без того великими очима, нічого не розуміючим поглядом, дивилась на спокійну, врівноважену й абсолютно щасливу у своєму житті мудру подругу.

– Ти мовчала, я не розпитувала... – здалеку зайшла Настя, – що маємо, те маємо... Більше року ти живеш у підвішеному положенні, і якщо раніше тебе воно влаштовувало, бо... – зробила паузу, подивилась на Тіну, що уважно слухала її, і, пропустивши пояснення, продовжила: – Сьогодні у тебе, як на мене, два шляхи: відірватись і полетіти разом... або припинити триматись за чужу руку і повернутись на землю. Залишити ситуацію без змін, – зірвавши з вуст Тініне питання, відповіла: – Ти не зможеш – і це вже добре.

– Я хочу з ним...

– Хто б сумнівався! – засміялась Настя. – А він?

– Відверто ми про це ще не говорили, – зізналась Тіна.

– І не поговорите!

– Чому ти так думаєш? – злякалась Тіна.

– Єгор твій – класичний ловелас, якого й так усе влаштовує... Чоловіки взагалі не схильні до змін, кардинальних, та й ще в особистому житті. Машину, коханку вони, звикнувши до необхідності такої дії чи під тиском загрози, змінити можуть, а от стару футболку, штани чи дружину, вибачте, – ні!

– Неправда! – заперечила Тіна.

– Якщо людина те, що її не влаштовує, не міняє протягом року, то з кожним наступним воно втрачає шанс бути взагалі коли-небудь поміняним, – пояснила вже на пальцях Настя.

– Я – молода, ефектна, люблю його і вмю показати свою любов, – загорілась Тіна, зачеплена за живе. – Він зі мною може розпочати нове щасливе життя.

– Бо ти так захотіла? – не поступалась і Настя.

– Так. Я ще хочу народити його дитину...

– Прекрасно! Ти вагітна?

– Я ж не божевільна! – заперечила Тіна.

– От бачиш! – спіймала її на гачок. – Ти просто хочеш... Це не любов, це... егоїзм, – притишивши голос, Настя поставила діагноз.

– Я хочу сім'ю, чоловіка, врешті-решт – дитину! – поставивши порожній келих на журнальний столик, Тіна занурилась наманікюреними довгими пальцями у зачіску. – Я втомилась від самотності, віриш? – залишками розтертої по обличчю косметики подивилась Насті у вічі. – Мені з ним добре... Вперше у мене стосунки перевалили за рік часу. І взагалі, дружина у нього ще та... чарівна жінка...

– Ой! – вигукнула Настя, зіскочивши з дивана.

– Що таке? – підвелась за нею й Тіна.

– Я геть забула про фотографію!..

– Вибач, – Тіна готова була в будь-який спосіб рятувати ситуацію. – Я з тобою...

Одне з приміщень, де за проектом забудовника мали стояти пральна машина і стіл для прасування, чоловік перетворив на її робочий кабінет – фотолабораторію. Впродовж однієї стіни стояв стіл зі ще дідусевим раритетним приладдям, під іншою – з робочим ноутбуком, принтером і надсучасним фотоапаратом, подарунком Арсена, у зоні відпочинку був диван, маленький столик для чашки кави, книги і мініатюрний світильник, на стіні стелажі з «вічними» книгами, які любила перечитувати раз на рік з моменту їхнього відкриття для себе.

Обережно прочинивши двері, жіночі постаті у тьмяному світлі червоної, ще дідусевої, лампи опинились у найтаємнішому куточку квартири.

– Я обережно, – заспокоїла шепотом Тіна.

– Ого! – вигукнула Настя. – Диви, яка краса! – поступилась місцем біля столу, даючи можливість і Тіні полюбуватись чудовим знімком.

– Нічого собі! – здивувалась Тіна, беручи до рук роздруковану на принтері фотографію. – Гарна пара! – широко сказала. – Хто вони?

– Чоловік і дружина, – підтвердила подружині слова.

– Ну звичайно... щасливе подружжя, – Тіна намагалась щось розгледіти у напівтемряві. – Десь за сорок їй, так? – поцікавилась у Насті, що мовчала. – Він старший... А як дивляться!.. Таких, як вони, у цілому світі можна на пальцях однієї руки перерахувати. Їх шлюб ніщо не зламає, вірно? – іронізувала. – Такий симпатичний мужчина... солідний... до безтями закоханий у свою жінку... Ходімо, вип'ємо за справжнє почуття, – запропонувала.

– Фотографію залиш, – сказала Настя.

– З собою не заберу. Хоч можна надивитись на щастя інших, коли Бог своїм обділив?

– Все у тебе буде добре, – чим могла підтримала Настя. – Невже ти вважаєш, що впродовж життя у них все рівно виходило?..

– Маєш рацію, – зупинилась Тіна й повернулась до Насті.

В очах з'явився вогник, і по тому, як за лічені секунди він розгорався, вона вже знала – подруга придумала якусь авантюру.

– За щастя потрібно боротися! – наповнюючи келихи ігристим напоєм, урочисто заявила Тіна. – І чим затягіша боротьба, тим цінніша перемога. А переможців у нас не прийнято осуджувати. Я – борець! Будьмо! – дзвінкий дзенькіт дорогого кришталю сповістив про початок боротьби.

– Ти така у нас! – погодилась Настя. – А чи задовольнятиме після всього жінку-воїна отриманий трофей? – запитала після нетривалого мовчання. – Можливо, варто дочекатися того, хто за тебе боротиметься?

– У нас давно гендерна рівність! – нагадала Тіна. – Нікого не дивують чоловіки у декретних відпустках і жінки-політики, поступово суспільство звекає й до одностатевої сім'ї... А жінка, яка бореться за щастя, а не сидить склавши руки, – прекрасна у своєму прагненні, бо думає не тільки про себе... Вона любить чоловіка і робить його щасливим, чоловік, відчуваючи себе коханим, здатний світ перевернути, а в іншій жінки нарешті розв'язуються руки – й вона отримує шанс на любов і щастя... Погодсья: позиція тих, хто вважає, що через суспільну думку людина має знехтувати своїми почуттями, – жорстока, негуманна і смердить нафталіном!

– Не можу сказати, що мої погляди на подружнє життя і зраду змінились, але... усе на світі має дві сторони, – зізналась Настя.

– Ти у мене колодязь мудрості, – посміхнулась Тіна. – І мені потрібна твоя допомога.

– Ти знаєш...

– Ні в що я тебе не вплутуватиму, – запевнила Тіна. – Зроби мені фотосесію, будь ласка.

– Що? – здивувалась проханню Настя.

– А ти подумала, що я попрошу його дружину вбити? – дзвінко засміялась Тіна.

– Та ну тебе, – відмахнулась Настя рукою. – Нічого не розумію.

– Все геніальне досить просте, – сказала Тіна. – Наша Оксана, домогосподарка, зранку й до вечора на кухні на замовлення ліпить вареники, смажить біляші і випікає пироги... І я...

– Красива, молода, екзальтована, імпульсивна, – характеризувала подругу.

– Твої слова, – перервала Тіна. – Я люблю його!

– Ти колись так говорила і про...

– Помилялась, – обірвала Тіна. – Знаєш, хочу розфарбувати його сірі будні усіма барвами своєї райдуги, – прошепотіла.

– Не впізнаю тебе.

– Я також, – зізналась. – Я люблю! – слова, вимовлені з такою експресією, відкидали будь-який сумнів щодо нещирості її почуттів. – Коли людина по-справжньому кохає, то краще пізнає не тільки інших, а й себе.

– Гаразд. Що від мене потрібно?

– Сфотографувати нас так, як їх, – вказала рукою на знімок щасливого подружжя. – Якби ти знала, як і я так хочу!..

...Вранці й вона так хотіла. Щойно познайомившись, побачила, що вони найщасливіші люди, бо випромінювали дивне світло, яке йшло, здавалось, із самого серця, наповненого по вінця коханням, ніжністю, повагою й умінням вловлювати настрій одне одного. Година фотосесії пролетіла прекрасно миттєвістю. Відчуття від неприхованої радості, з якою чоловік і жінка насолоджувалися взаємним товариством, передалось і їй, тому, не приховуючи захвату від вдалого процесу співпраці й з ноткою суму, що приємне так швидко закінчується, Настя, емоційно натхненна, пташкою полетіла додому, наперед знаючи, що у власному гнізді переживатиме їх знову і знову... А ще хотілось подумати про Арсена... Десять років щасливого подружнього життя за плечима, а скільки ще попереду!.. Вона скучила за ним...

– Настусечко, зробиш зменшений варіант цієї фотографії, щоб у нас так само вийшло? – поїдала очима деталі на фото.

– Навіть не проси, – забрала з рук фотографію. – Ти що? Я з повагою ставлюсь до чужого особистого життя, а тут... все вийшло з-під контролю.

– Ти хочеш сказати, що за інших обставин і фото не показала б? – аж брови піднялись догори.

– Не знаю, але копію не робитиму, – безапеляційно заявила.

– А хоч скажеш, де знімала?

– Напіврозвалена церква у старому місті.

– Нас там познімаєш?

– Коли хоч попередиш? – запитала у щасливої подруги.

– Давай у понеділок! – перебирала косою. – В обід! Планів не маєш?

– Домовились. А як з роботою? – уточнювала Настя.

– Ой, – відмахнулась Тіна. – Заступниця попрацює. А от щодо погоди, то тут треба загуглити...

– Тіна швидко дістала телефон і загортала інтернетівськими сторінками.

– А він?

– Все буде чудово! – впевнено відповіла й за того, для кого готувала сюрприз. – Поганий той солдат, якому не сніться генеральські погони. А я себе вже бачу в генеральських лампах. Давай за мрії? – підняла наповнений келих.

– Давай, мрійнице, – посміхнулась Настя.

– Тоді до понеділка? – піднялась Тіна.

– Ти куди зібралась? – посерйознішала Настя.

– Додому, – дістала з кишені курточки ключі від машини.

– Ти ж випила... Це небезпечно, – встала й Настя. – Залишайся у мене чи виклич таксі...

– Ти як маленька, – розсміялась. – Єгор у місті, ще працює, от він і відвезе мене додому...

– Дивись мені, бережи себе!

– Краще за коштовності у салоні, – запевнила Тіна жартуючи.

– Як бізнес, до речі?

– А що з ним станеться? – риторично сказала, критично оглядаючи себе перед дзеркалом у передпокої. – Завжди будуть жінки, не байдужі до коштовностей, і чоловіки, які люблять і вміють їх купувати. Одним словом – тримаюсь на золотій лихоманці... – потрусила пальцем мочку вуха, на якій блиснув дорогоцінний камінчик у білому обрамленні.

...Занісши до кухні порожню пляшку з-під мартіні, вимивши келихи, Настя втомлено вместились на дивані. Все добре, нічого не сталось, а на душі непевні передчуття чогось... Мала весь вечір присвятити обробленню фотографій, побути наодинці з собою, почитати на ніч... Не той настрій, щоб братися до роботи, й не та з неї співрозмовниця, аби поговорити по щирості... Що не так?

Жінка загорнулась у ковдру, заплющила очі. За хвилину розплющила. Як вона може пояснити перш за все собі, чому не хотіла показувати Тіні знімок з ранкової фотосесії, про конфіденційність якої ніхто не просив?! Що хотіла приховати? І що такого у цій парі особливого?

Настя підвелась і рішуче пішла в лабораторію, бо лише там, у комп'ютері, на ще не переглянутих знімках могла знайти відповіді на всі питання. Поспіхом клацаючи кадри, не могла зосередитись на жодному. Знала, що слід заспокоїтись, та якась, до цього не знана, сила змушувала до руху, дії... Настя побігла у вітальню й швидко повернулась за робоче місце зі світлиною. «Ось тут захована істина. І я буду не я, коли не відкрию її, – налаштувувалась подумки. – Що ми масмо?» – не відриваючи погляду, дістала з шухляди лупи.

«На передньому плані по пояс сфотографовані двоє: жінка притулилась до грудей чоловіка, який обіймає її, затуляючи, ніби від усіх негод світу, полами свого пальто. Її голова лежить на його серці, ніби дослухається до його ударів. Легкі локони, розвіяні вітром, прикривають половину обличчя, та не закривають трохи зіщулені сірі очі, що бризкають щастям і світяться від сонячних зайчиків, напіврозтулені губи у щасливій усмішці... Чудово, – зробила перший висновок, не порушуючи тишу. – Чоловік... Міцно тримає її, ось як натягнулось пальто у плечах, комір на сорочці так гарно висунувся... Що на обличчі знайдемо? – непомітно водила збільшуваним склом, по міліметру розглядаючи риси обличчя. – Складочки, зморшки... Життя прожити – не поле перейти, – пригадала народну мудрість. – Сивочолий солідний мужчина. Далі... Очі... зелено-голубі, трохи примружені від сонця... Чому вони так стали?» – Настя відірвалась від фотографії...

Було тепло і сонячно... Ксенія, одягнена у легку сукню, трохи змерзла, так вирішив її чоловік, тому й обійняв, щоб зігріти... А вона автоматично, щоб не відпускати мить, продовжувала знімати... А потім жінка засміялася й зізналась, що геть забула про кошик із тістечками і термосом з гарячою кавою... Щиро запрошували й її, Настю, закінчити фотосесію частуванням на природі. Вона погодилась... Зробила ще серію знімків... Такої смакоти вона ще не куштувала...

«Отже, – повернулась до фотографії, – вдалий кадр випадковості. Не відволікатись... Погляд його очей опущений донизу, хоче подивитись на неї... Радісний, сяючий... люблячий, але... – Настя спружинилась, завмерла. – Оповитий жалем! – не дихаючи, навела лупу на жіноче обличчя. – Не може бути! І в її щасті є сумні відбитки... Що це?» – вона нічого не розуміла. Дала спокій лупі, відсунула фотографію від себе... Здавалось, що мозок звариться від надмірної кількості думок, бо одна відгадка потягнула шлейфом купу інших загадок.

Настя вийшла на балкон, втомлено впала у крісло-гойдалку. Зоряна ніч опустилась на верхівки соснового приліску, чудодійні пахощі від якого мали б заспокоїти, та явно не сьогодні... Дзвінок мобільного порушив налаштування на гармонію. Настя прожогом кинулась у кімнату, перебираючи на ходу думками.

– Не розбудила? – почула бадьорий Тінин голос.

– О, це ти! – з полегшенням видихнула Настя. – А я вже думала, щось сталося...

– А у подруги, значить, нічого не може статись, так?

– Давай без лірики, – попросила Настя. – Ти ж знаєш, коли Тоня не зі мною – мені не спокійно...

– Гаразд. Слухай, Єгор сьогодні вперше залишився у мене на ніч!

– Вітаю! Але це не могло почекати до завтра? – запитала Настя.

– Ні. Слухаєш? – Тіна ніби не чула зауважень подруги. – Ми разом поїхали до супермаркету, вдвох вибрали продукти на вечерю, вдвох її приготували, він помив посуд, а я прибрала на кухні... Ти не уявляєш, яке це щастя! – намагаючись не кричати, вигукнула емоційно схвильована жінка.

– Куди ж нам!.. – скоріше собі мовила Настя, тримаючи телефон однією рукою, іншою тягнучи ковдру на балкон.

– Я завжди вірила, що щастя – це ширма мрійників. Для мене важлива була матеріальна сторона життя: робота – найкраща для фінансової незалежності, машина, квартира – підтвердження соціального статусу, дрібниці – й вони мали бути найкращими серед собі подібних... А тепер я усвідомила, що помилялась... Виявляється, що щастя ховалось від мене у звичайних речах, у повсякденності...

– Ти плачеш? – здивувалась Настя, почувши у слухавці Тініне шморгання носом.

– Від щастя! – не заперечила та. – Я жива, здорова, щаслива, і у мене є серце, в якому стільки тепла і любові, що готова кричати про це на цілий світ... та мій світ спить... Знаєш, а він уві сні так посміхається гарно... Він щасливий! І це я зробила його таким, я, черства, жорстка, прагматична матеріалістка!

– Я рада за тебе! – щиро сказала Настя.
 – А ще Єгор не проти фотосесії! Як ти дивишся, щоб не відкладати її, а провести просто завтра?
 – випалила Тіна.

– Якщо ти мене розбудиш задалегідь, – пристала на неочікувану зміну Тіниного настрою.
 – Домовились. Я зателефоную... На добраніч... Спасибі тобі, що ти є у мене. Цілую...

Ніч не принесла полегшення, та й сон не закарбувався у пам'яті, ніби хтось перегорнув його, як сторінку з нецікавим текстом. Важкі думки, тягар на серці, дурні передчуття заважали швидко зібратися, й Настя раз по раз змушена була декілька разів одну й ту саму дію виконувати двічі: то чай розлила на стіл, то забула вимкнути праску, поверталася за телефоном, а потім ще й у дверях перечепилася за поріг – і все, що було у сумці, чомусь не замкненій, висипалось на підлогу. Складаючи начиння назад, неабияк здивувалась конверту, знайденому в сумці.

– Що це? – настрашилась Настя, беручи у руки цупкий папір.

О, вона геть забула, бо не приділила належної уваги тому, що Ксенія вклала її до рук після фотосесії. Зазвичай всі оплачували її послуги перерахуванням обговореної суми на банківську картку. Та з цими зйомками від самого початку все пішло не так... Вона завжди з потенційним замовником по телефону домовлялась про зустріч, на якій визначали час, місце, обговорювали сюжет фотографій, деталі, врешті-решт, фінансову сторону процесу... А тут надзвичайно приємний жіночий голос у телефонному режимі домігся від неї згоди на час і місце, залишивши професійні тонкощі на її власний розгляд, а про цінову політику – жодного слова! Та й про свій гонорар вона не згадала б, якби не ось цей конверт... Роздратована на себе, розірвала папір, дістала купюри й нашвидкуруч перерахувала їх, потім ще раз і ще раз... Ксенія й тут здивувала її, поклавши до конверта значно більше...

– При передачі диска я обов'язково їх поверну, – сказала собі й підвелася з навколішок.

На природі, серед вражаючої красою древньої місцини, мала б відійти, та ні... Це ще добре, що Тіна, фотогенічна від природи, закохана до нестями, щаслива, керувала всім процесом, а вона лишень автоматично клацала, клацала, клацала...

– Дівчинко моя, ти чому не відповідаєш на дзвінки? – піднісни телефон до вуха, одразу почула голос мами. – Я хвилююсь. У тебе все добре?

– Так, – відповіла Настя, нічого не розуміючи.

– Гаразд. Ми затримаємось на дачі... Тонечку привезу ввечері...

– Відімкни двері своїм ключем, я буду працювати, можу не почути...

– Гаразд. Тобі також слід відпочивати... Поговоримо сьогодні.

– Бувай...

Потрібно було вставати, братися за замовлення, щоб не думати вже, врешті, про них і відіслати, поставити крапку в роздумах, що межують між паранормальністю і божевіллям. Окропивши благі наміри холодною водою, якою вмивалась, абияк розчесала довге хвилясте волосся, зібравши до неслухняного хвоста, змінила піжаму на спортивні штани і футболку й з чашкою паруючої кави пішла до лабораторії.

– Перша на черзі загадка Ксенія, – визначалася з роботою Настя. – Двадцять п'ять оброблених знімків на мій вибір, решту скину на диск... Стоп! – зупинила себе. – Потрібно подзвонити й сказати про зайві гроші... Ні!.. – згадала, що залишила телефон у спальні, щоб ніхто не відволікав. – Тим краще, – заспокоїлась, – напишу повідомлення на електронну адресу...

Абстрагуючись від вкотре побачених зворушливих фото, обрала найкращі з кращих...

– П'ять хвилин на кожну – і готово! – тішилась мінімуму фотошопу. – Хто ж прикрашає щастя?

Творчий процес захопив як завжди. Відведений час непомітно пролетів, кава давно охолола...

– Готово, – зберігши папку на робочому столі комп'ютера, втомлено потягнулась. – Не розслабляйтесь! – наказала собі. – На черзі Тіна... Напевно, вже телефон почервонів від її надмірної цікавості. Тішить те, що їй потрібно просто класні фотографії. Сподіваюсь, що мій стан не залишив сліду на знімках... Не пробачу собі, що не змогла взяти себе в руки.

Відкривши карту пам'яті фотоапарата, спокійно спостерігала за слайдами, що один за одним показували результати роботи. «Непогано», – видихнула з полегшенням. По одному витягувала знімки, роздивлялась, обирала...

– Ось вона! – вигукнула, натрапивши на старанно відтворений Тіною вподобаний сюжет.

Аж висунулась із крісла, щоб краще розгледіти свою закохану подругу. «Так, – аналізувала про себе, – на груди поклала руки, схилила голову, – відірвалась, щоб зрівняти з оригіналом. – Молодець.

Посмішка відкрита, щаслива, на всі тридцять два відхилених... Перебір, – сама посміхнулась. – А чому я так вирішила? – посерйознішала. – Вона його любить, і це видно неозброєним оком... Тут, – взяла до рук фотографію, – кохання зі шлейфом... якогось невимовного суму, жалю. Можливо, – замислилась, – у них певні життєві обставини... тому і влаштували для себе розраду, яка нагадуватиме їм час, проведений удвох, вияв прекрасних почуттів, чудових миттєвостей, спійманих об'єктивом, а все інше, як... золоте листя осені... Боже, який гарний осінній фон!.. Ідеально гармонує з тихою радістю подружжя... У Тіни й очі сміються, он як блищать, – не випускаючи фото з рук, повернувшись до монітора комп'ютера. – Єгор! Ну, здрастуй! – перевела погляд на чоловіка. – Обіймає, але не так... Посміхається, але він якийсь... скутий, – нарешті підбрала слова. – Такі не соромляться... Тіна не помилилась... Він має почуття, лише приховує від усіх... Ось як ніжно торкається губами її волосся, що вибилось із заплетених кіс. Примружений погляд карих очей... О! І сум... – здивувалась вкотре. – Він же не ночував удома, ото й переживає про наслідки... – одразу знайшла пояснення. – Але... хіба це йому вперше? – щось у ній не погоджувалося з таким висновком. – Напевно, це притаманно всім, хто перейшов певну вікову межу. Ось Ксенії, – їй так сподобалось ім'я цієї загадкової жінки, що при будь-якій нагоді згадувала її саме так, – теж за сорок і теж... меланхолія».

А далі сталось те, чого Настя від себе не очікувала: за допомогою фотошопу забрала у Тіни Єгора й перетягнула йому Ксенію, трішки напружилась – і вийшла нова фотографія. Не могла повірити: кризь неї двійко немолодих людей з-під лоба дивилось у прекрасне, але недосяжне, далеке. Безжальний час сплів павутиння зі зморщок навколо безбарвних очей, і погляд одразу – згас, заплутався у складках біля опущених донизу обезкровлених губ: одні завмерли у скутому поцілунку, інші – розтулені для відчайдушного крику... Тінь сонця проявила бліді змарнілі обличчя, посріблене волосся... А осінній краєвид за плечима вбивав останню надію...

– Господи! – прошепотіла налякана результатом власного експерименту. – Буденність, яку нічим не прикрасити... Ні щастя, ні радості у людей... Ні, це жах, якщо припустити, що ці двоє – подружжя...

Насті хотілось якнайшвидше повернути висмикнутих до їхніх пар. Погляд затримався на Єгорові... Детективний інтерес, що прокинувся у ній, лише посилював бажання якнайшвидше дістати потрібну інформацію.

– Ось, – поспішала, – ось... Ну? Є! – аж у долоні сплеснула, коли на моніторі на маленькій фотографії впізнала Тіниного коханого. – Єгор Пашковський, сорок три роки, бізнесмен, інформація відсутня... Не густо, – розчарувалась в обмеженості знайденого. – А що дивного, коли він два роки тому заходив до себе на сторінку, напевно, ще до знайомства з Тіною... А так... – схопилась за мишку. – Ну...

Пошук видав одну фотографію, на якій Єгор обіймав молоденьку тендітну дівчину, дуже на нього схожу зовні.

– Тіна говорила, що у нього доросла донька... По віку, зовнішності підходить, – говорила сама з собою. – Попробуємо, щоб спати спокійно. Так... Ще раз... Чекаємо... Є! – вигукнула і аж виструнчилась у кріслі. – Аліса Пашковська. Донька!.. Не розумію, для чого мені все це потрібно, але зупинитись не можу, – заспокоювала сумління. – Двадцять два роки, незаміжня... Нецікаво, – продовжувала бігати очима по екрану. – Ага, ось вони... щасливі моменти...

Настя ковтала назви фотоальбомів, ніби знала, що їй потрібно. І тут аж залізла у крісло.

– Не може бути! – сховала вигук за двома руками. – Ні!

Аліса обіймала за шию Єгора, щасливого, усміхненого, в якого сиділа на колінах, а він тримав за руку... Ксенію, усміхнену, радісну, але зовсім не схожу на жінку з її фотографії.

– Помилка якась, – не вірила власним очам. – Зараз...

Наступний знімок розвіяв усі сумніви: під вивіскою «Двадцять років разом!» стояли усміхнено нещасливі Єгор і Ксенія, а внизу світліну довершував доньчин підпис, який Настя перечитала декілька разів.

– Справжня любов сильніша за час і соціальну думку... Не розумію, – молода жінка шепотіла інтерпретовану фразу, намагаючись упіймати її суть. – Багато років разом... так. Доросла донька... так. Свято... Може святкують річницю весілля? – схопилась за здогадку і придивилась до знімка. – Ксенія у білій сукні, він не в джинсах, вивіска з кульок... А до чого тут суспільна думка? – загнала себе у глухий кут. – Вони офіційно не оформили стосунки? – від перенапруження відчула власне серцебиття і холодний піт проступав на гарячій шкірі.

Мовчки клацала по інших фотографіях, життя абсолютно незнайомих людей поступово проявлялось, як знімок на фотопапері... «Ось Ксенія біля креативного будиночка з вивіскою «Кондитерська»... Значить, така у тебе, Єгоре, сім'я... Дружина Оксана, кухарка, що смажить біляші... Дитина, що давно виросла з пелюшок і має власне життя... Фікція, одним словом. Ніщо не тримає! Але що не відпускає, чоловіче? Що заважає стати щасливим і дати таку можливість іншим?» – думки у голові Насті перемішались у вінегрет.

Голосний сигнал про надходження електронного листа відірвав Настю від нерайдужних роздумів. Автоматично відкривши повідомлення, сполотніла: відповідь надійшла від Ксенії. Бігцем пробігши по рівних рядках, нічого не зрозуміла. Повернулась до початку тексту:

«Анастасіє, доброго дня. Прошу вас не хвилюватися... «Якраз той випадок», – додала від себе Настя, повільно, чітко вчитуючись вголос у кожне слово. – До суми, яку ви отримали за фотосесію, я додала оплату за конфіденційність... «Нічого собі!» – вирвалось у Насті. – Дякую за розуміння і наперед вибачаюсь за незручність, але чи не могли б ви надіслати фотографії на електронну адресу? Дякую. З вами було приємно розділити наше щастя. Ксенія».

– Вам було приємно, а мені як з цією правдою украденого щастя жити? – звернулась до монітора, як до живого.

Настя розвернулась на стільці від столу і втупилась у двері, ніби зараз у них мав з'явитись хтось, хто дав би відповіді на питання. Час стікав хвилина за хвилиною, і втомлений погляд розслабився, поступаючись місцем активізованим думкам. «А якщо розповісти всю правду Тіні? – знайшла ту, котра з вогню й полум'я знайде вихід. – Варіант? Ні... – відкинула. – Це однозначно причинить їй біль. І, можливо, вона захоче, а Тіна така, відіслати Єгору докази зради дружини, щоб напевно домогтися свого... Забула. Господи, – схаменувалась, – як я взагалі до такого додумалась? Ніколи не втручалася в життя інших і порушувати власний золотий принцип не збираюсь! Усі вони дорослі люди, думали, на що йшли, і про ймовірні наслідки також здогадувались, тому... ні. Що ж це за життя таке з подвійними стандартами? – схопилася за голову. – Дякувати долі, мене така участь обійшла стороною, – важко видихнула. – А звідки я знаю? – стрепенувалась на кріслі, як сполохана пташка на гілці, що тріщить. – Арсен у морі, я тут... А може він не пішов у рейс, а?..» – від намальованої уявою картини очі збільшились у декілька разів, відкрився рот, загупало серце й зникло дихання.

– Я божеволію! Досить з мене, – зупинила себе різким розворотом до столу. – Ось уже сама з собою говорю. Треба буде попросити маму пожити з нами декілька днів. Так, – запустила дихання, – відішлю обом щасливим їхні фотографії і більше про це не думатиму. Гарна думка за останній час, – збадьорилась. – Перша Ксенія, а потім Тіна... І все у мене буде добре, – продовжувала говорити перед страхом залишитись наодинці з думками. – Ось наша папка, ось електронна адреса, клац – і все... Відправила. Перевіримо? – хотіла впевнитись у правильності дій, ніби робила це вперше. – Чудово! Хай вам щастить, Ксеніє.

Страшний неочікуваний гуркіт прогримів ніби над головою, відволікши від роботи.

– Перелякатися можна, – проговорила тремтячим голосом. – Вихідний день, а вони ремонт роблять. Нічого у людей святого немає! – сказала і замовчала: «Яке святе? Про що я? Тут ось ділять ліжко з одними, люблять інших... Живуть на дві сім'ї і то не вважають себе грішними!» У глибокому мовчанні, під супровід надпотужної дрелі, під тиском обставин, доведеними до автоматизму навиками відкрила папку з Тініними фотографіями й одним доторком пальця відіслала їх на електронну адресу.

– Все, – повільно підвелася з крісла. – Хочу кави... – сказала, побачивши чашку з улюбленим напоєм, якого так і не торкнулась. – На кухню...

Чайник приємно шумів, вона ж насолоджувалась ароматом меленої кави з баночки – завжди так робила перед тим, як насипати її у чашку.

– Хто це? – почувла дзвінок на мобільний. – Мама? Вже час...

На моніторі висвітилась Тіна. Налаштовуючись на схвальні слова, підняла слухавку:

– О, нарешті! Весь день тобі не додзвонитись! Ти вже зробила?

– А привітатись? – пропускаючи натиск повз себе, повчала.

– Привіт-привіт, зробила? – домагалась свого.

– Привіт. Відкрий пошту, нетерпляча.

– Да? – запитала. – Я не прощаюсь...

Настя поклала телефон, в якому занили гудки, на стіл і пішла на заклик чайника. Її душа прагнула релаксації, тому вона дістала з шафи корицю до кави і прихований на чорний день молочний шоколад.

– Може, декілька крапель коньяку? – подумала, побачивши у холодильнику розпочату пляшку. – Мама говорить і досі, що Тіна погано впливає на мене... Ні, не буду, – вирішила Настя. – Ні, я хочу сьогодні каву з коньяком! – змінила прийняте рішення.

Неймовірний аромат лоскотав ніздрі, Настя перебувала у передчутті смаку та мала дати каві настоястись хоча б декілька хвилин. Ідилію зруйнував телефонний дзвінок.

– Тіно, я сьогодні хоч щось вип'ю? – питала у монітора, на якому ім'я подруги підскакувало всіма буквами. – Ну? – сказала перша.

– Ти точно відіслала? – запитала Тіна. – Листа немає! Можливо, ти думала відіслати й просто забула?..

Настя відчула, як ноги під тиском здогадок і думок провалюються крізь підлогу, тіло одразу стало неприродно важким, сама не своя кинулась до комп'ютера. Ось пошта, ось відправлені листи, ось адреса Ксенії з її фотографіями, ось фотографії Тіни відіслані... Ксенії... Світ поплив перед очима, ледве встигла схопитися за стіл і впасти у крісло.

– Що я наробила? – шепотіла шокована власними діями. – Що тепер буде? О, Боже мій! Яка ж я самовпевнена... дуринда, – картала себе. – Що тепер робити? – заламувала руки. – Як з цим маю жити, коли з таким змиритися важко? Господи, прости мене...

Їй більш за все хотілося залишити місце злочину, вдихнути свіжого повітря, прийти до тями, розібратися у ситуації, і, можливо, вона таки знайде з неї вихід. Життя зіграло з нею у страшну гру... Це буде їй уроком. Вона обов'язково вивчить його, запам'ятає, зазубрить, десятому переповість. А зараз... лише б знайти сили підлестити.

Александра ТКАЧЕНКО

ПЕСЧИНКА НА ЕЁ ПУТИ

ХАРЬКОВ

Где-то в сердечной полости
Ноет Карл Густав Юнг
И просит просит
Давай займёмся психоанализом пожалуйста
Можно сбежать из кожи
В окружающие пространства
Во время процесса
Случайно встречаешь
Смерть
Она говорит привет привет
Давай пройдемся по мостику над рекой
Уходящей в подземное царство спинномозгового канала
Здесь портал
Из города-в-себе
Свернутого ракушкой на бедре сонной нимфы
В десять тысяч других городов
Знал ли ты что у всех
У всех улиц одинаковые лица
Вся обувь одинаково истоптана
А гамбургеры во всех Макдональдсах идентичны
Словно размножены конфигуратором Генри Каттнера
Этот город пахнет книгами
Жёлтыми страницами а на вкус как стихи
Откусываешь кусок пирога а там стихи
В стаканы разливают стихи высшей пробы
Строчки подают приправленными соусом терияки
Или чем-нибудь поострее
Даже когда дышишь можно поперхнуться текстами
Ибо они витают в воздухе
Как гранитная пыль в карьере
Вот такая вот проф деформация
Вот такое вот путешествие.

* * *

Пока бесконечная улитка
с бесконечной раковиной
ползёт по бесконечному склону
Разрушаются города эпохи сменяют друг друга
Любовники предают мужья меняют любовниц
Любовницы предают жёны бросают мужей
Ради эфемерной любви расцветающей розой пустыни
Среди песков рутины и будней

Ткаченко Александра Александровна. Родилась 7 августа 1991 г. в Первомайске Николаевской области. Окончила Первомайскую гуманитарную гимназию (2008). Получила степень бакалавра биологии в Киевском национальном университете им. Т. Шевченко (2012). Окончила магистратуру УНЦ Институт биологии КНУ им. Т. Шевченко с красным дипломом (2014). Проживает в Киеве. Работала гравировщиком в бюро ритуальных услуг, в научных учреждениях и коммерческих лабораториях. Пишет стихи с семи лет. Участвовала в различных международных и региональных конкурсах и фестивалях. Финалист киевских конкурсов «Ветер поэзии» и «Проза без наркоза». Лауреат международного фестиваля «Одна маленькая свеча» (Киев) и фестиваля поэзии «Ан-Т-ракт» (Херсон). Дипломант конкурса «Зелёная книга – 2017» (Николаев) в номинации «Особый взгляд».

В то время как бесконечная улитка
с бесконечной раковиной
ползёт по бесконечному склону

Младенцы приносят крик в этот мир полный выстрелов
Взрывов и крови полный войн и непонимания
Умирают старики взрослые дети умирает
Вселенная расширяясь каждую секунду чтобы вместить

Бесконечную улитку
с бесконечной раковиной
ползущую по бесконечному склону

В это время стареет смерть в долине царей пирамидами
Впиваясь в чистое небо это лишь мгновение
Стареет вечность двигаясь к сближению двух галактик
Где чёрные дыры уроборосом поглощают друг друга

В то время как бесконечная улитка
с бесконечной раковиной
ползёт по бесконечному склону

Сминая под собой колесо сансары покрывая слизью
Небытия все мгновения пространства-времени
Ведь на самом деле ничто не имеет значения
Ведь на самом деле ничего в этом мире не существует

Кроме бесконечной улитки
с бесконечной раковиной
ползущей по бесконечному склону

Мы только песчинка на её пути.
Видимо эта улитка и есть бог.

УСТРИЦА

Виновата ли устрица что живёт там,
где опытный ныряльщик глотая воздух касаясь дна
вытягивает ракушку обросшую мелкими водорослями
Виновата ли устрица что острый нож повара
вскрывает её нежное тело,
беззащитно распластанное в морском соку
И для лучшего вкуса обязательно сбрызнуть лимоном вины (сама виновата),
По желанию можно добавить соус (выглядит вызывающе): табаско (спровоцировала),
Или какой-либо другой (зачем поздно вышла из дома).
И главное не забывать:
пока вы пережёвываете очередную устрицу (осуждение)
она всё ещё пытается выжить.

* * *

Небо целует море пеною облаков.
 Небо твердит устало, что весь полуночный свод
 Ещё немного – обрушится, словно дозрелый плод,
 Прямо в пучину моря тысячью кулаков.

Море поёт прибоем, припоем морских глубин,
 Горечью, солью, изгибом тысячи рыбьих спин,
 Сплавляя кусочки суши в грубый большой один.
 При повороте планеты море меняет спин.

Небо целует море, ласкает потоком лучей,
 Вплетая в синюю горечь пути своих кораблей,
 Скользящих по спинам волн, гладких, точно елей,
 Но море-то знает, что скоро волна станет ничьей.

Глубоководной рыбой душа стремится на дно.
 Зарево, точно вымпел, картинка – ну как в кино.
 Море погасит пожар своей синей волно
 Й. Небо целует море. Небо и море – одно.

* * *

Я уже который месяц
 Переписываюсь с безликим текстом
 Я уже не уверена
 Есть ли у текста тело
 Руки ноги
 Голова
 Я не помню
 Умеет ли текст говорить

Иногда мне кажется
 Что я признаюсь в любви
 Собственному смартфону.

РЕВОЛЮЦИЯ

Вербальное ущемление
 Началось с буквы а
 И продолжилось
 Некоторыми гласными
 Потом отменили букву эр
 Потворствуя всем картавым
 При этом звуки ещё были в моде
 Они дышали без привязки к бумаге
 В дальнейшем правительство пошло навстречу
 И вернуло в использование букву у
 у
 у
 у

А потом было решено окончательно отменить согласные
Оуе иои уия
Несмотря на протесты
Слова уничтожали из книг
Выжигали из улиц домов и квартир
А когда отменили все буквы
Звуки оказались немного вне закона
Так как не было никаких
свидетельств их существования
Как от пепла из дыма крематория
потому последней резолюцией
Было решено отменить все звуки
Люди наконец-то начали
Слышать друг друга
Общаться молчанием
И
В конце концов
Превратились в жирафов.

* * *

Расставание это ампутация обоих ног выше колена
Вот единое целое
Внезапно
Единым целым был только ты
А партнёр так
На полставки
Заглянул у вас тут свет горел
Налейте-ка чаю
Да у вас уютно
Вот мои ботиночки
А одеялко укрыться?
А наутро ты готовишь свои ноги на завтрак
Он забирает ботинки
Молча уходит
И не знаешь мыть ли полы
Потому что вернётся же опять наследит
Прятать ли одеялко
Вернётся же вдруг вернётся а ночью холодно
И ты ждёшь неделю
Месяц
И мир бы ушёл из под твоих ног
Но ног-то нет.

Они, правда, вырастают заново.
Но осадок-то остаётся.

* * *

Возьми меня на белое море
Где белоглазые русалки
Плетут венки из моих страхов
Сбрасывают чешую
Пахнущую Шанель номер пять и кензо
Прозрачно серебристую как моё сердце
Я хочу увидеть море
Холодное как моё сердце
Спокойное как моё сердце
После всех невзгод
Услышать пение пьяных русалок
Пьяных нашими текстами
Шепчущих введенского прибою в такт
Но
Как всегда
Что-то не так.

Ночь закроет наши глаза
Ночь подобна смерти
Ночь поцелует в висок и скажет
У
М
Р
И

Горячее сердце растает
Ласковым шоколадом
Не имеет значения
Запад восток или юг

Северное сияние
Искрой в глазу останется
Последнею точкой в книге
Я твоё предложение

Нет ни богов ни демонов
Хватит листать талмуды
Мы пропадём в бермудах
Только прошу одно

Если поймаешь рыбу
С рассветною чешуёй
Сними же с крючка малышку
И поцелуй в подмышку
(Плавник)
И назови своей.

Туз Екатерина Александровна. Родилась 27 марта 2001 года в Николаеве. Окончила Первую украинскую гимназию. Сейчас учится в Первом общеобразовательном лицее имени Тадеуша Костюшки (Мышленицы, Польша). Стихи опубликованы в интернет-журнале «Полутона». Бумажных публикаций не имеет.

Катерина ТУЗ

ДО СНЕГА

Внутренний сценарий

Сидели, переплетённые, запутанные, с одним выдохом на двоих – облаком, вросшим в подкладку пальто. Длились почти вечно, почти равномерно. Так симметрично.

Папочка, папочка, налей мне молока!

Пухлые ручонки. Щёки у самого горлышка. (Или поперёк?) Растрёпанные косички болтаются, тикают. Наклоняется. Ууууууу!

Ухо к темноте. Голос бьётся о стенки. Плещется. Джин в сосуде.

Ууууу!

Ноготками по диковинным узорам. Наклоняется над. Ладонками за круглые бока.

Папочка, почему ты со мной не играешь?

Наклоняется. Плечики дёргаются. Локти на край стола.

Папа, а можно я посмотрю ещё раз?

Донышко – летающая тарелка. Гудит и вращается.

Покажи! Покажи!

Белое. Кувшин опрокинут. Течёт. Забивается в трещины между паркетными досками, плиточками, дверцами буфета, в линии на ладонях. Разглаживает занавески, прожёвывает листья на них продолговатым топлёным мычанием. Меняет освещение так, что очертания становятся нелепыми, будто собачий шёпот или стена без ковра. Бельма на запотевшем стекле. Наволочка для форточки. Бесцветное. Накрывает. Купол, как в соборе с фресками и святыми стёклышками. Бам!

То ли колокол звонит, то ли солнце. То тут, то там осколки чернеют, будто шум водосточных труб и желудки их обитателей. Вдоль – две полоски с орнаментом, хаотичным сплетением заячьих лап, волчьих носов и непонятных символов, похожих на папоротник, не пересекаясь и не отдаляясь. Тянутся, с тополями по обеим сторонам. Всхлипывают, меняют направление. Прекращаются неожиданно. Замолкают.

Смотри, как красиво! – Голос.

Звук двери и ног. По очереди.

Он – весь из крошечных квадратиков, точно из детской тетради в упражнении, где нужно соединить точки. (240 – 720) Свет слева. Выхватывает из манной каши горбинку на носу, подбородок с ямочкой и моргание. Постепенно. Появляется. Так рождаются младенцы и подснежники. Случайно. Не до конца целые, не совсем настоящие. С кашей, засохшей возле губ.

Хорошо, что мы сюда приехали. – Она.

Знал, что тебе понравится. Здесь самое лучшее место. Ты готова?

Подожди, надо достать штатив. Поставь на паузу.

Сдвиг. Расширение. Летит и замирает. (Стрекоза?) Она.

Две чёрточки. Треугольник. Змейка останавливается.

Она – вовремя не взошедшая пшеница. Встаёт в полдень. Нечёсаная, неумытая. Три тонких колоска у висков.

Кофе в уголках. (Глаз, конечно.) Смотрит в сторону.

Треугольник. Две чёрточки. Змейка.

Запрокидывает голову – белый шум крупным планом. Зрочки расплываются – нефтяные лужицы.

Запрокидывает голову, совсем не пьяная, бледная и с огранёнными глазами. Только щёки румянятся от холода, как полагается.

Складки кажутся синими. Хрустят, точно дискотечный шар. Танцует и расплескивается во всех направлениях. Шарф стелется, железная дорога за поездом. Торохтит, заливается. Тонкие ноги, чаштокол. Рябит в глазах. Развевается. Воздушный змей. (Не разжимай пальцев.) Кроссовки, подкатанные джинсы. Карман оттопыренный, почти пустая пачка. Косточка на щиколотке, вишнёвая или абрикосовая, проваливается. (Пускает ростки. Ждите весны.) Стиральный порошок с веток вниз.

Шатается. (Землетрясение?)

Осторожно!

Тут скользко! – Смех. Губы винного цвета. Серёжка в носу.

Не ударились?

Руки протягивает. Мозоль на среднем и кусочек облезлого лака на указательном. Не касается, а проникает. Не оставляет знаков. Ловушка для легковых. Полоска от резинки на запястье. Ещё три полоски, уходящие в рукава. Свежие побеги.

Повернись.

Он. По спине и по ногам. Похоже на известь или кашель. Скорее гладит. Изгибы – американские горки. Дух захватывает на самой крайней точке.

Ну всё, хватит!

Подожди, ещё рукава.

Она. Разворачивается, не как скатерть, а как подсолнечник. Швы ломаются пополам от высоты. Руки обхватывают или цепляются. Кончики по шее. Рисует, песок сыплется. Гусиная кожа. Перепончатое дыхание.

Кажется, всё, что было, – неправда. Правда – губы и объятия. Отделяемые только подкладкой пальто. Бёдра и плечи. Чувствовать, как прижимается.

Как просачивается.

Кажется, всё, что было, – не важно. Вспышки и окурки, сирены и пульс, трубки и капли, пятна и закрытие галереи, отказ от еды и прилагательных. Не важно. Сейчас она скажет. И он ответит: «Я тебя тоже».

Язык. Тот, что привёл её из Киева. Касается неба. «Тебя, тебя...» Шарудит, тихо-тихо. Кто ещё знает этот язык? Полувыдуманный, не французский и не украинский. С буквой «т» и бахромой. Как на индийских коврах. Узоры повторяются, но по-новому. С закрытыми глазами.

Сейчас она скажет. Сейчас скажет.

Улыбается, толкает. Бежит прочь. Белые комья. Загребает. Жмени полные визга и ушей. Летят прямо и разбиваются. Падает рядом. Вместе.

Руки и ноги. Виртувианский человек. Или дворники на лобовом стекле.

Смотри, я ангел!

Вся в белом. Мокрые волосы. Светятся или нет? Подбородок и лоб. Целует.

Конечно, ангел. Я всегда знал. Мой ангел.

Чувствовать под собой землю, а над собой электричество. Во все стороны только двое. Слышать, как мысли пересекаются и падают на закрытые веки. Холодные, чуть ли не простуженные. А внутри... внутри дозревает пшеница.

Садится, поджимает колени.

Знаешь, я...

Две чёрточки. Змейка останавливается, наевшись досыта. Прислушивается, наклонив голову. Проглоченные цветные комки с лицами и пальцами движутся теперь едва заметными бугорочками, и рисунок на теле оживает. (Отчего-то всё, что движется, кажется живым.)

Сидели, с одним выдохом на двоих – облаком, вросшим в подкладку пальто.

Совсем вечные, выкрашенные в синее. Такие неправдоподобные. (Точно собачий шёпот, точно стена без ковра.) Сидели сейчас, в комнате с разбитым кувшином. Бездвижные. Остановленные.

Аккумулятор разряжен. Подключите к сети.

Сколько раз я тебе говорил – не трогать компьютер без разрешения!

Шаги. Язычок двери клацает и ругается.

Что здесь произошло?

Всё, как на самом деле.

Белое выплывает даже сквозь берёзовый отблеск третьей осени. Сквозь заходящие груши и шелест засохших дворников. Она не сказала. Зачем всё это? Чтобы убедить себя, что вырезки из журнала значат больше, чем папье-маше? Буквы выцветшие уже не обрезают волосы, не лепят снеговиков. Блюдце с голубой каёмкой и щербинкой. Между передними зубами.

Я просто хотела... хотела ещё раз посмотреть фильм. Про маму.

Мокрые щёки. Молоко над верхней губой. Елозит на стуле. Скрещённые туфельки на липучке. Красные-красные. Испуганные. С избитыми носками.

Она – ямочка на подбородке, пшеничные волосы. Виновато прячет руки и глаза. Смотрит на занчивающееся стекло. Она видит:

1. маму

2. свои её глаза

3. её смеющиеся ямочки и уголки

4. её целующие ладони

5. движется и говорит слова

6. вдыхает и выдыхает

7. красивая и живая

Он видит:

1. как промокает одежда и камера падает несколько раз

2. как лодыжки немеют от соприкосновения с невесомым точно с простынью

3. потёки под глазами (солёные или ледяные)

4. и руки комкающие подол юбки текут над умывальником

5. и волосы тоже текут дёргаются в такт по краю кровати отрывисто запястья напряжение извлекает звуки опять запрокидывает впиивается пальцами изгибается

6. помаду которая липнет к самой круглой стенке каждый вечер заменяя биение глотками

7. и говорит чтобы уходил

8. и забирал книги рисунки фотографии

9. дышит

10. и не дышит

11. кричит чтобы она заткнулась

12. чтобы не задавала вопросов

13. и снова глотает всегда глотает

Знаешь, малышка, это не твоя мама. Мама умерла ещё задолго до.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В N

Внутренний сценарий

Мне снился кошмар. Тогда ещё светловолосый. Было давно, но картинки остались. Раньше любил рисовать. Сейчас только почерк – листья плюща. Но краски рукам не идут.

Мне снился кошмар. Вот тут я сплю, а вот тут уже нет. В уголке блёклая тень, точь-в-точь как запах из мармеладного магазинчика. Мы с бабушкой ходили каждую пятницу. Он – за бутылками, я – за фантиками. Я бежал, а он ехал. А вроде бы вместе ходили.

Вот солнце встаёт, как тётенька за прилавком. Такое мохнатое, дети калякают, знаете? И откуда берут эти спицы, если не из бабушкиного кресла?

Встаёт и катится. Срываю с себя одеяло с квадратом посередине, чтобы нарциссы прорастали или вытекала начинка. Окошко, в которое пролезть и дышать «Альпийской свежестью». Пещерный человек внюхивается, о чём говорят горы.

Встаю с кровати. На цыпочках к двери. Рукопожатие. (Самое первое каждое утро, две пухленькие озорные ручки.) Щёлочка – солнечная дорожка босыми пятками.

Вот они. Цветочная юбка, ремень на застёжке и короткие джинсовые шорты с пупком. Варит кофе, читает новости, красит ногти. Подхожу и обнимаю, по очереди (не загибая пальцев, помню порядок). Сверху тянутся руки-камышы, ложатся на спину, вырывают из земли. Ощущение невесомости давит в рёбра и подмышки. Теперь вижу так близко. Как дышать под водой. Три планеты вращаются, без линий и не такие синие. Смотрят только на меня по эллипсу. И смеются. Издают свои громадные космические звуки. Кот или кит в аквариуме. Скафандр даёт ощущение надёжности, граничащее с отчуждением. И я над. И они знают, кто я. И любят именно за это, а не просто так, по привычке. Щекотно и со вкусом какао.

И видел я, что это хорошо. И сказал. Что ни всплески сирени, ни клубничные клубки, наматывающиеся на доннышко пылесоса, ни половинки ванной не могут быть такими полными, как это утро. Сказал, мурашки по затылку.

А они продолжают, не замечая, не виляя ушами, слышат, но без значения. Не понимают.

Оборочки колышутся, маковое поле убаюкивает. Ремень открывает рот, треплет волосы. Усатые звуки отскакивают от подоконника.

– Тобраеу тра, лью бльути бья.

Катятся по щекам. Что это? Крякающие погремущки или паровозик, разрезанный пополам. Булькает занавеска? Муха бьётся об окно и видит только соседний дом. Хныканье и бесполезность жужжания. Темнота жмурится.

Открываю глаза. Катится свет. Стук. Скрипит. Цветочки. Доброе.

– Мапочка!

Вот тут я сплю, а вот тут уже нет. Мне снился кошмар.

Стоим на границе. Всё хорошо. Скучаю. Скобочки обезображивают, но без них не тот контекст. Отправить.

Выйти покурить. Автобус. С промежутками. Город – Город. Не административная единица, а вода из-под крана. Рядом спит девушка. Виском об стекло. Желание поправить ей волосы. Губы приоткрыты. Руки на животе. Стог сена на закате движется. Контрабандистка. Хрупкая, непостоянная. Подуешь – рассыплется. Одуванчикам не нужны дороги. Едет не в ту сторону, обманутая чужими мыслями. Внутри.

А я возвращаюсь. Два года прошло.

В тот момент, когда отобрали четыре банки сгущёнки на таможне, я мог только смотреть. Понял, что вернусь.

Как новые кроссовки, двести евро, с той самой надписью, натирают. Проходит. Рвутся, стираются, привыкнешь. А однажды просыпаешься с прилипшими к спине соломинками, и поросычьи уши пришитые ноют, кровоточат. И надпись стёрлась. А зелень растёт не для тебя. И не радуется больше, не переваривается. Как тогда, назад, на картинках.

И можешь локтями. Можешь зубами. Охалки хватать, нести в магазины, банками консервными набивать клетчатые сумки. Хватать и паковать в коробки, в вентиляцию, под матрац, отправлять сестре. Можешь смеяться над шутками с загнутыми краями и хрюканьем. Но в месте, где ты – звукоподражание с перекошенным лицом и именем. Где вокруг хвостами меряются и прыгают через скакалку. Жёлтый оскал: воспринимают, как рыбу, или суповой набор. Мокрая одежда липнет к телу. Тут невозможно вытянуть ноги и вымыть как следует голову.

Опускаю веки. Карусель крутится, крутится. Иголка трещит, и музыка прерывистая. Лошади вспененные, ржание, буря. Копыта тук, тук, тук, ту...

На вокзале я был. Первый. Колёсики тарактели, будто старый холодильник с просроченным йогуртом и бутылкой пустого молока. Не мурлычет теперь, а тихо рычит. Увидел спящего пьяницу. Этюд в фиолетовых тонах. Это полная женщина наклоняется поднять с асфальта билеты и роняет шляпу. Подол приподнимается – вены, почти кружево. Фиолетовая. Неоновые надписи вдалеке – догоревшее солнце здесь иначе, не лицом, а лысым затылком. Или окурки бордюров, выкошенные крышками. Никому нет дела. Подростки с колонками и спутанными волосами, громоздкие лоснящиеся пиджаки, мамочки за руку на шпильках. Булочные, кофейни, быстро. Красный свет. Везде языки. Сплетаются, не более чем телесность. Облизывают уголки губ и мороженое, трещат. Счётчики Гейгера. Светофоры для слепых. Умеют ли они так же смотреть на фиолетовый цвет? Умеют ли понять вязаные салфетки? Говорю: «Вот трамвай». Вот трамвай. Говорят: «Это коробок спичечный». Увы. Ведь трамвай, с параллелями, глазами протянутыми и сдавленной треской. Трясётся. Вот он.

Махать руками. Разлетаются в разные стороны. Глаза в глаза. Наклон головы, недоразумение. Кидаешь семечки – не растут, а будут съедены. Раздутое брюхо измельчает и наизнанку. Мол, не вкусно ты говоришь, не сладко. Не хлебные крошки. Ни к чему не ведут. Не пряничный домик. Глазурь недалёкая блестит, резиновая кукла. Сто за час. Говорить заученные стишки. Застёжка, бёдра. Однообразные движения. Полуфабрикаты. Статуя для голубей.

Мотор выключен. Очередь – сегменты на теле муравья. Чёрное. Полусонный свет. 24%. Уменьшить яркость. Вдруг сквозняк.

Проходит в военной одежде, болотный, небритый. Откройте паспорта на первой странице и приготовьте документы.

Ещё немного, а там уже и рукой. Перевести часы домой. Услышать эти двери с их вечными ручками «шесть утра» и «девять вечера» и ножками в резиновых сапогах на истоптанном коврике. Визгливый голос из стороны в сторону скрипит, тараторит. О или без. В косынке оханья и вздохи про гречку. Галстуки гладковыбритые про рост и про собак на поводке. Веснушки кудрявые до плеч просто так, ногой покачать, подпереть подбородок, всякий раз поглядывая на занавески в спальне. Всё равно. Буду слушать до конца. Принесу кулёк с мармеладом из магазинчика за углом. Буду курить на балконе ночь и кидать на тротуар. Вымою посуду. На дне каждого стакана разглядев свое лицо, выпью. Увижу племянника и остерегу по поводу колясок и слив. Подарю «Абетку». С апельсинами и баранами. И яблочной сердцевиной ящерицы в самом конце.

Урчание. Заводит. Выключает свет. Сонные подсолнечные головы шатаются, ворочаются. Фонарь топает назад, по карманам раскладывая окна, крыши и листья. Не знаю, что дальше. Купить женское имя и торговать собой. Красить стены в больничные цвета. Складывать осень в пакеты, а зиму в стопки. Всё равно не почва, а окаменелые позвоночники с мозолями и колбасой. Растёт себе, как получается. А толку?

Новое сообщение. Тоже скучаю. Скорее бы увидеться.

Получала мои подарки, ленточки-конверты. Наша общая родинка на плече – всегда прячет, длинные рукава. Маленький шрам над верхней губой: кот был голодный и капризный. Её смех в музыкальной шкатулке, мамин подарок, десять лет. Таскала помаду, отцовские рубашки, конфеты из магазина, меня по дворам, свалкам, подъездам. Теперь обстригла волосы. Готовит лазанью. Звонит каждые выходные.

Добро пожаловать в.

Девушка рядом вздрагивает, хмурится. Дышит неравномерно, точно плитка в ванной. Мозаика. В два раза живее, чем другие. Полоски на серой кофточке вдруг искривляются. Не Татры, а Карпаты. Толкается. Жив ли ещё до? Прелюбодеяние, огрызок, брошенный в канализацию.

Жить – мыслить? Думал предостаточно, и это ничего не стоит. Я был над ними, вечный и почти метафизический. Между сакрум и профанум. Над тремя планетами с миллиардами обитателей. Лицо на половину неба. Я был там, а они не заметили. Лепет и беззубие. Только того назову живым, кто научится выкладывать из рыбьих косточек себя. Рисовать, о чём говорят горы. Не суп.

Просыпается. Не румянец, только заходящие щёки под лучами, растрескавшиеся губы. К родителям? К братьям? К друзьям? Вырастит его в спичечном коробке с потёками, пригорелыми котлетами, искусственными цветами. И он не узнает про трамвай и про масло. Про постель с исковерканными инициалами, и то, как осталась в ней одна.

Пряди за ухо. Прямые. Татуировка на шее. Птица – недоразумение, оставшееся на дне колодца. Кажется, вижу клюв и копытца. Созвездия меняют своё положение. Это всё сказки, глубина не означает звёзды. Дальше, совсем по-другому. В Городе мог бы купить ей мармелад и воздушного змея. Сводить в лучший зоопарк, чтобы грязь за решёткой только. Накормить макаронами с сыром. Открыть вместе кофейню на краю улицы. Купить квартиру с видом на Реку. Растить его там, в карусельной колыбели.

Стоит только сказать.

– А вы куда едете?

Сейчас. Свою историю. Конец путешествия. Долго и счастливо. С птицей на шее. Оливки поворачиваются. Недоразумение.

– Пшепрашам, нье розумьем.

Вот тут я сплю, а вот тут уже нет. Мне снится кошмар.

Владимир ХРИСТЕНКО

ОБОРОНА НИКОЛАЕВА

Против фальсификации истории Великой Победы

Мой дед никогда не был кадровым военным. Он был столяром и до войны служил в железнодорожном ведомстве – занимался изготовлением перил, скамеек, оконных рам и вообще всего «деревянного» для вагонов поездов, вокзалов и придорожных станций. Как я теперь понимаю, работа не Бог весть какая стратегически важная, но, по всей видимости, нужная и ответственная. У дедушки было воинское звание, и он даже надевал по праздникам военную форму, поскольку его ведомство имело военный статус и гордо именовалось железнодорожными войсками. К началу Великой Отечественной войны ему исполнился 31 год, был он старшим лейтенантом.

Эти воспоминания я записываю по памяти с его слов. Они относятся приблизительно к 1985 году, когда я уже преподавал в НКИ, а дед время от времени приезжал к нам в гости. В то время они с моей бабушкой Надеждой Алексеевной жили не в Николаеве, а в пригороде Днепропетровска – Игрени (там проживала многочисленная бабушкина родня). В последние годы в каждый свой приезд дед почему-то обязательно водил меня к «старому» Варваровскому мосту, вспоминал войну и трагические события августа 1941 года, когда ему пришлось участвовать в «обороне» моего родного города Николаева. Почему я закавычил слово «оборона», о которой впоследствии столько раз читал воспоминания очевидцев и участников войны, читатель поймёт из дальнейшего рассказа моего деда – старшего лейтенанта Ивана Тимофеевича Христенко.

*Мой дед
Иван Тимофеевич Христенко*

Накануне...

«Меня призвали в армию в начале июля 1941 года. Я был направлен в сапёрную часть, что, по всей видимости, самым наилучшим образом соответствовало представлениям тогдашних воинских начальников о том, как использовать мою мирную довоенную специальность в условиях фронта. Вскоре я был назначен командиром сапёрного батальона в Николаеве, в задачу которого входило рытьё окопов перед Варваровским мостом. Мне сообщили, что нужно подготовить плацдарм для того, чтобы наши отступающие войска могли бы закрепиться на нём и какое-то время оборонять город от шедших по пятам фашистов.

Строго говоря, никакого батальона у меня не было, а прислали мне около 300 местных женщин разных возрастов из числа тех, кто записался добровольцем. В июле 1941 года в Николаеве шла массовая запись в добровольцы, из которых, по-видимому, и был создан мой «сапёрный батальон». Эти городские женщины, конечно же, не были обучены рытью окопов, а ведь это целая наука! Тут важны и глубина окопов, и их взаиморасположение, и, конечно, выбор места (оно должно быть наименее заметным для противника). Важны также ширина окопа, чтобы можно было разминуться двум людям, место выбора командного пункта и пр.

Это и в мирных условиях совсем не так просто, как кажется на первый взгляд, а уж во время войны, когда на тебя давит цейтнот времени, неразбериха с приказами начальства и отсутствие необходимой техники и инструментов, такой процесс и вовсе становится весьма сложной задачей! Короче говоря, мне приказали самому «определился» на местности перед тогдашним наплавным Варваровским мостом, по которому уже шли сплошным потоком беженцы из западных регионов страны. Они везли, а чаще просто несли свой нехитрый скарб в чемоданах, мешках и баулах, а ря-

дом непременно шли вереницы детей и стариков, у которых тоже были какие-то свои вещи, сумки, куклы. Как водится, во всём этом была неразбериха, на мосту были давка, крики и ссоры. Кто-то ехал на повозке с лошастью, кто-то вёз вещи на велосипеде, но большинство было пешех – уставших, измученных людей, бегущих в паническом страхе от наступающей войны...

А тут ещё я со своим «батальоном» и окопами! Понимаю, что всем мешаю своими окопами и потому все на меня кричат, что-то доказывают, просят обождать «хотя бы пару минут». Но мне-то что делать – у меня ведь приказ! За мостом многие беженцы – десятки, а то и сотни – разом садятся передохнуть, покормить детей, упаковать вещи. По мосту ведь (а это два с лишним километра!) им было идти крайне неудобно – он весь в движении, а ты с грузом, детьми, вот люди и уставали, а сойдя с моста, невольно садились передохнуть. Мне, конечно, тут же приходилось их поднимать и поторапливать. Женщины у меня в батальоне подобались в основном «никакие» – неинициативные, по большей части не очень толковые, а потому крикливые и любящие поспорить. Да и воинской формы на них не было, а потому и внимания на них всё равно никто не обращал...

Ну как в такой ситуации наметить планировку окопов? А ко всему прочему, по мосту время от времени проходили какие-то воинские части, и их командиры криклили меня по полной! А что я мог сделать? Они и званием были повыше, да и в боях уже поучаствовали: среди них были раненные, контуженные, и всем им нужно было следовать срочно, немедленно и без задержки...

Короче говоря, в первый мой день я так толком ничего и не сделал, а вечером побежал докладывать обстановку начальству в некий штаб, который располагался на Большой Морской, где-то в районе нынешней улицы Артиллерийской. Там меня, конечно, обматерили, криклили последними словами, угрожали трибуналом и, разумеется, ничем не помогли. Да и не могли они ничем помочь. Что у них было? Телефоны, столы, заваленные какими-то папками, постоянные люди в кабинетах и приёмных, крик, шум, неразбериха. Да и сами они были люди подневольные.

Поэтому, получив «ценные указания» начальства, возвращаюсь к «своему» мосту и снова собираю женщин. Объясняю, что одни из них должны следить за тем, чтобы после выхода с моста никто из беженцев не садился бы на землю, а других распределяю по местам рытья будущих окопов. Легко сказать – распределяю, а как и чем копать? Инструмента ведь никакого! «Выкручивайся сам!» – мне было сказано.

Обратился к моим женщинам, чтобы принесли из дому, кто что может. Принесли. У кого-то в лучшем случае топор или нож, но в основном металлические миски, вёдра, какие-то куски арматуры, ножки от кроватей – как хочешь, так и копай! Начали с двух сторон слева и справа от дороги, идущей от моста, и должны были постепенно приближаться к ней. К концу второго дня выкопали в общей сложности метров сто, и то не в полный рост, а где по пояс, где и того меньше. У многих с непривычки появились волдыри на руках, какие-то раны, кровоподтёки. Опять бегал в штаб, но там только переадресовали, послал кого-то из женщин добыть аптечку...

К концу недели мы, наконец, выкопали какое-то подобие траншей, оставив для съезжающих с моста довольно узкую полосу, что, конечно же, создавало им массу проблем и неудобств, приводило к дополнительным заторам. Некоторые беженцы даже падали в наши окопы и постоянно ругали нас. Внимания на это ни я, ни мои подчинённые уже не обращали: у вас свои проблемы, у нас свои...

Приехало какое-то большое начальство. Полковник скептически оглядел наши окопы, выслушал мой доклад и уехал, не сказав ни слова. Мой непосредственный начальник по секрету сообщил, что в эти окопы скоро придут артиллеристы-зенитчики, которые будут защищать Варваровский мост, чтобы по нему не могли пройти немцы. Да это мы и сами понимали. Нам было приказано копать ещё, охранять наши окопы и ждать приказа о переброске на другое место. Было уже начало августа 1941 года. Кажется, число 5-е или 6-е. Никаких немцев ещё не было видно, как не было и налётов немецкой авиации. Беженцы продолжали идти сплошным потоком, и мы вскоре к этому совсем привыкли.

Потихоньку как-то начал обустраиваться быт. Мои женщины ходили куда-то за сухим пайком для батальона и после стихийными группами готовили еду. Картина, как я теперь понимаю, была весьма экзотическая: одни, обезумев, бегут мимо с детьми и баулами, а мы сидим на земле группками и мирно обедаем. Создавалось впечатление какого-то табора, поскольку никакого военного обмундирования нам не выдали, в армейской форме был только я один.

Первые немецкие самолёты появились над нами где-то числа 9-го. Это были самолёты-разведчики, по нескольку раз в день в течение примерно получаса кружили над нами, а затем улетали куда-то

за Варваровку. Никакой артиллерии с нашей стороны не было, по крайней мере, в районе Варваровского моста, и потому летали немецкие самолёты-разведчики как-то уж слишком нахально и безнаказанно. Впрочем, начиная с этого времени стали отчётливей и чаще слышаться какие-то выстрелы, разрывы снарядов, и все мы почувствовали – фронт приближается.

«С конца 1-й декады августа 1941 г. главной задачей полка становится сухопутная оборона – борьба с передовыми механизированными подразделениями фашистской дивизии «Адольф Гитлер», пытавшейся с ходу ворваться в Николаев по Варваровскому мосту. Бой за переправу у Варваровки продолжался несколько суток. Артиллеристы трёх батарей 85-го дивизиона, одной батареи 1-го дивизиона с основных позиций, расположенных на правом берегу Буга, при поддержке 2-х 85-мм батарей 70-го батальона, расположенных на левой стороне Буга, своим огнём срывали все попытки гитлеровцев захватить Варваровку, мост и ворваться в город. Потерпев здесь неудачу, немецкое командование предприняло обходной манёвр. Танки гитлеровцев форсировали Буг выше Николаева и попытались захватить город с тыла со стороны Херсона, но и здесь получили достойный отпор, понеся чувствительные потери от огня батарей 122 ЗАП и пулемётного батальона».

Воспоминания полковника в отставке А. В. Мухрякова об участии 122-го зенитного артиллерийского полка в военных действиях при обороне г. Николаев в 1941 году, ноябрь 1986 (ГАНУ, ф. П-4074, оп. 1, д. 623, л. 2).

Ещё раз приезжало начальство. Приказали готовить места для установки пушек, которые будут обеспечивать переправу наших отступающих войск. Нам сообщили, что они должны появиться на нашем участке со дня на день. Копаем. Наконец, кажется, 10-го или 11-го августа, стали появляться со стороны Варваровки наши отступающие войска. Тут же, только на варваровской стороне моста, беженцев оттеснили в сторону и по мосту пошли исключительно военные. С техникой – орудиями, автомашинами, и нам даже казалось, что мост может не выдержать такой нагрузки. Пригнали какие-то баржи, лодки и ими тоже стали осуществлять переправу войск. Тогда же появились первые немецкие бомбардировщики, которые сбрасывали бомбы исключительно на эти баржи и лодки с техникой и людьми. Мост, насколько я помню, не обстреливался ни разу.

Ходатайство Военного совета Южного фронта. 12 августа 1941 года

*«Главкому Юго-Западного направления Маршалу тов. Буденному
Первое. Обстановка на фронте в течение 10-11.8 резко изменилась, создалась прямая угроза не только Николаеву и Одессе, но угроза окружения армий, их обороняющих...*

Четвёртое. Девятая армия с утра 11.8, атакованная с направления Демидово, Березовка, своими левофланговыми 30 и 51 сд начала быстро откатываться на юго-восток, прижимаясь к Бугскому лиману и реке Южный Буг...

Шестое. В таких условиях дальнейшая оборона Николаева может закончиться большой катастрофой – потерей 18-й и 9-й армий, которые могут быть прижаты к морю с преграждением им путей отхода на рубежи р. Ингулец – фронт Широкое, Херсон. Военный совет просит доложить срочно лично тов. Сталину.

Тюленев, Запорожец, Задонченко, Корниец, Романов».

Окопы мы больше не копали и ждали, когда же, наконец, подвезут эту самую артиллерию. Женщины всё больше маялись без дела и всё чаще куда-то отлучались. 13 и 14 августа это стало принимать угрожающие формы. Доложил в штаб, что из 300 человек у меня в батальоне осталось чуть больше половины. Там просили предоставить списки дезертировавших, обещали разобраться с ними по всей строгости, но что мне делать дальше, не знал никто. Сказали: «Чего ты зря к нам бегаешь – сиди себе на месте и жди, когда подойдут артиллеристы!» Между тем поползли слухи, что из Николаева уже очень многие уехали в эвакуацию. В особенности семьи командиров, советских и партийных работников, милиции. Это создавало нервозность и в городе, и среди моих подчинённых: мол, мы тут стоим, а они уже давно смотали удочки.

«...Утро 13 августа принесло и печальную весть: командиру 85-го дивизиона отдано приказание отойти и переправить батареи в Николаев. В 18 часов батареи начали переправляться по обстреливаемому противником полуразрушенному уже Варваровскому мосту. Мы видели с Бороденко, как под тяжестью орудий и тягачей тонули пролёты моста, а люди, спасая материальную часть, перетаскивали её по пояс в воде.

С наступлением сумерек город опоясало кольцо пожаров. Николаев горел, и тушить пожары было уже нечем: водокачка разрушена».

Азаров И. И. Осаждённая Одесса. – М.: Воениздат, 1962.

К концу дня 14 августа войск, переправлявшихся по Варваровскому мосту, уже практически не было, но беженцы ещё шли и шли сплошным потоком. Многие из них уже успели побывать в оккупации и рассказывали страшные вещи о зверствах фашистов, особенно в отношении евреев, коммунистов и командиров. Это действовало деморализующе. В воздухе отчётливо повисло ожидание чего-то страшного, неотвратимо надвигающегося, от которого нет спасения. Что делать дальше, не знал никто.

«В силу сложившейся обстановки батарея ст. лейтенанта В. И. Вавилова оставила старую огневую позицию и встала на новую в районе Варваровки. На старой ОП для подготовки к отправке на левый берег остался лейтенант Галанцев с группой бойцов.

Вскоре Галанцев увидел, что к огневой позиции приближается большая группа мотоциклистов с пулемётами. Галанцев вместе с бойцами укрылся в одном из орудийных котлованов и продолжал наблюдение. Не доезжая до ОП 100-150 метров, мотоциклисты остановились, «спешились» и начали что-то обсуждать. Галанцев по телефону (!) доложил обстановку к-ру батареи и вызвал огонь «на себя». Координаты позиции были точно известны, поэтому первые же залпы достигли цели. Гитлеровцы в панике бежали, оставив на поле боя несколько трупов и подбитых мотоциклов».

Из воспоминаний
полковника в отставке А. В. Мухрякова
21.11.86 г.

Недостроенные советские подводные лодки С-36 и С-37 на судостроительном заводе им. Марти в Николаеве. Немецкое фото от 17 августа 1941 г. (в первый день оккупации)

К утру 15 августа у меня в батальоне оставалось уже менее сотни человек. Пошли слухи о том, что в городе началась паника. Грабят магазины и склады. На проходящих по мосту беженцев мы уже вообще не обращали никакого внимания. Женщины всё чаще стали донимать меня спорами и криками. Приказывать им я уже практически ничего не мог: окопы нами были вырыты, и, как мы все понимали, они оказались никому не нужны. Никаких артиллеристов не было и в помине, да и, говоря откровенно, не ждал их уже никто. К вечеру 15 августа многие из моего батальона стали отлучаться чуть ли не самовольно под предлогом «я только на часок домой сбегая». Почти никто из них потом назад не возвращался и никого из них я больше никогда не видел.

16 августа

Рано утром 16 августа меня разбудили крики беженцев о том, что немцы уже в Варваровке и через час-другой будут здесь. Человек 15 (это всё, что оставалось от моего батальона) побежали кто куда. Остановить их у меня уже не было ни сил, ни возможности. Бегу в штаб. Добежал минут за 20. Дверь нараспашку, в помещении никого нет. Разбросаны по полу какие-то папки, бумаги. Бросили! Это первая мысль, которая потом ещё много раз не давала мне покоя. Как же так, все мои грозные начальники сбежали, даже не предупредив меня! Сволочи!

Выбежал на улицу. Раннее утро, но какое-то людское движение уже чувствуется. Бегу по Большой Морской в сторону нынешней Советской. По пути начинаю понимать, в чём дело – массово грабят магазины. Выносят всё, что можно унести, – продукты, какие-то коробки, мешки... Везут на тачках, велосипедах, целыми семьями. Понимаю, что это всё то, что не успели эвакуировать. А тащат те, кто решил остаться в оккупации. На перекрёстке с Фалеевской какие-то люди что-то выносят из здания Госбанка. По внешнему виду явно не государственные служащие. Увидев меня, на минуту остановились. Вглядываются в лицо и с опаской смотрят по сторонам. Понимаю, что это тоже грабители. По всей видимости, увидев меня – человека в форме, испугались, но, быстро сообразив, что я один и бегу мимо, не обращая на них внимания, продолжили мародёрствовать. Мелькнула мысль: «Если это советские деньги, то зачем они им нужны в оккупации?»

В центре города на Советской, несмотря на раннее утро, людей побольше. Грабят не только магазины, но и квартиры эвакуированных. Грабят, в первую очередь, соседи, но больше здесь, конечно, тех, кто специально пришёл поживиться со стороны Слободки. Ведь в центре, как и в других го-

*Немецкие сапёры ремонтируют Варваровский мост через Южный Буг в оккупированном Николаеве.
Фото от 23 августа 1941 года (через неделю после начала оккупации города)*

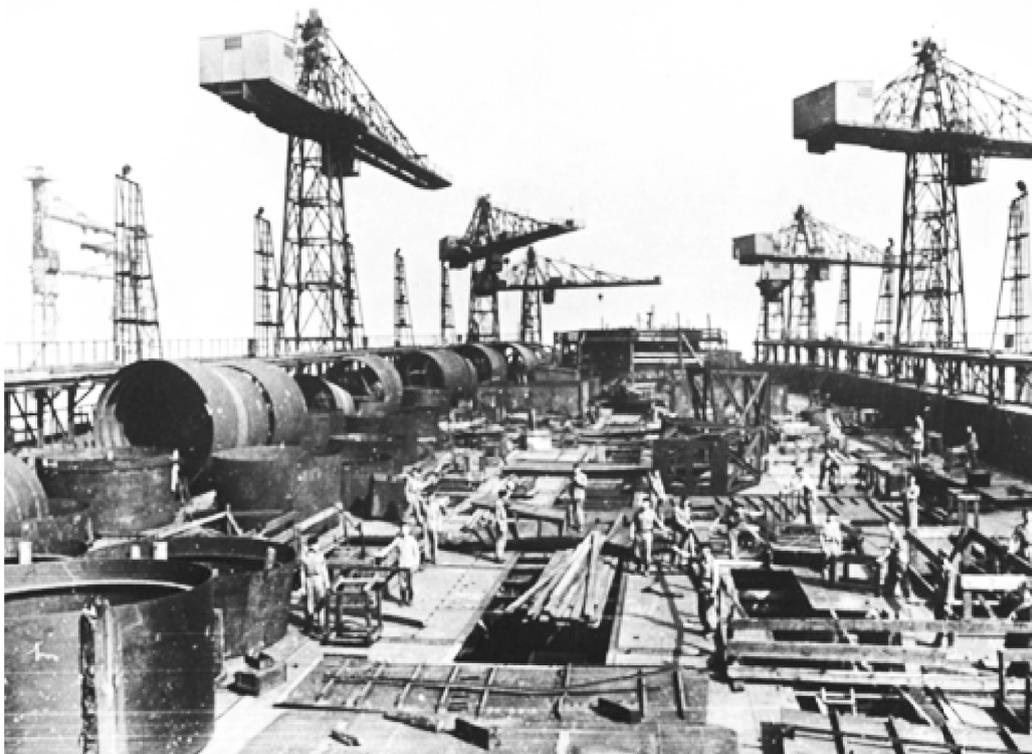

родах, обычно живут более обеспеченные люди, и, по иезуитской логике грабителей, здесь намного выгоднее промышлять этим делом, чем в рабочих кварталах. Вижу, как из окон вторых этажей какие-то люди выбрасывают громадные узлы. Очевидно, собрали всё, что могли, и сбрасывают вниз своим поделникам. Все спешат, деловито суетятся, ибо тоже понимают – немцы на подходе!

Некоторые из грабителей не только грабят пустые квартиры, но и, взломав замки, нахально и беззастенчиво заселяются в них! Причём иногда даже не гнушаются выгнать из приглянувшихся им квартир живущих там хозяев. На углу Советской и Большой Морской, там, где располагался колбасный магазин, на тротуаре стоит металлическая панцирная кровать с весьма пожилой, очевидно, больной и неходячей женщиной. Мне показалось, что она еврейка, но, возможно, я ошибаюсь. Скорее всего, семья не смогла организовать транспорт для её эвакуации, и она осталась одна в своей квартире. Увидев меня – офицера в форме, она истошно закричала: «Товарищ командир, помогите! Меня, больную, вынесли на улицу, а квартиру заняли чужие люди!» Чем я могу ей помочь? Что я могу в такой ситуации сделать? У меня, конечно, пистолет и в нём восемь патронов, но я один, а людей на улице только у этого дома человек 15 вертится. Ударят по голове – пока очнусь, в городе будут немцы. Бегу не останавливаясь.

Где-то в районе Садовой и Большой Морской дорогу мне перегородила какая-то шпана – банда человек 5–6. Кричат: «Держи коммуниста!» Достал пистолет. Пришлось отстреливаться. Не помню, попал в кого-то или нет – не до того было. Выбежал на Первомайскую (нынешний проспект Ленина) и невольно обратил внимание на зловещую тишину в городе. Даже странным показалось: раннее утро, на Советской полно людей, а тут, на Слободке, почти никого – ни людей, ни машин. Позже читал в сводках, что в это самое время в Николаеве шли упорные бои. Не знаю, где и как они могли идти, только тишина была просто мёртвая. Невольно пришла в голову нелепая мысль о том, что после того, как мой батальон так подло бросили, я теперь остался один-единственный на весь город в военной форме. За всё время, пока я бежал по Николаеву, не встретил ни одного военнослужащего или милиционера!

Стало по-настоящему страшно! Один в целом городе среди тысяч и тысяч тех, кто сознательно или вынужденно, но, тем не менее, остался для того, чтобы жить под немцами в оккупации. Мысли о том, чтобы присоединиться к ним, не было в принципе! Я – член партии, меня в городе многие знали, в том числе и члены моего, теперь уже бывшего, сапёрного горе-батальона, да и форма же на

Недостроенный линкор «Советская Украина» на стапелях завода им. Марти в оккупированном Николаеве. Октябрь 1941 года

мне... Проверяю пистолет. Один патрон ещё есть! Сразу решаю: если что, то для себя... Слава Богу, не случилось – пронесло...

Пока шёл по николаевским улицам, практически через весь город, не увидел никаких разрушений «от бомбёжек при налёте авиации противника», о которых потом столько раз читал и слышал от «очевидцев». Николаев, во всяком случае, в тех местах, по которым мне довелось идти, не пострадал. Как не пострадали и его судостроительные заводы, на которых если и были разрушения, то только те, что были организованы нашими отходящими войсками, выполнявшими известное распоряжение Сталина.

«Директива Ставки ВГК Военному Совету Юго-Западного направления о мерах по улучшению организации боевых действий

12 августа 1941 г. 05 ч 50 мин

Комфронта Тюленев оказался несостоятельным. Он не умеет наступать, но не умеет также отводить войска. Он потерял две армии таким способом, каким не теряют даже и полки. Предлагаю Вам выехать немедленно к Тюленеву, разобраться лично в обстановке и доложить незамедлительно о плане обороны. Николаев сдавать нельзя. Нужно принять все меры к эвакуации Николаева и, в случае необходимости, организовать взрыв верфей и заводов.

Ни авиацией, ни стрелковыми дивизиями Ставка в настоящий момент помочь не может. Если обяжет обстановка, можете взять сами на себя дело отвода частей и организации обороны.

Сталин»

Позже я узнал, что судостроительные заводы в Николаеве и в самом деле практически не пострадали, большая часть находящихся там недостроенных кораблей, а также оборудование, склады и цеха остались целыми. Это позволило фашистам почти сразу после начала оккупации наладить работу этих заводов по восстановлению оставленных там недостроенных кораблей и строительству новых...

Через час я уже был за городом среди тысяч других беженцев, бредущих, как и я, к спасительному (как нам всем казалось!) Херсону...

По дороге в Херсон разговорился с кем-то из случайных попутчиков. Спрашивает:

- Ты как вырвался из Николаева?
- Почему вырвался? – спрашиваю. – Немцы ещё в город не вошли, когда я уходил.
- Как не вошли? Они уже два часа как в городе – вошли со стороны Водопоя.
- Не знаю. Я когда час назад на херсонскую трассу выходил, никого не видел.
- Странно...

Из сводок Совинформбюро. «В течение 17 августа наши войска продолжали вести ожесточённые бои с противником на всём фронте. После упорных боёв (выделено мной. – Авт.) наши войска оставили города Николаев и Кривой Рог. Николаевские верфи взорваны.»

Странностей было действительно много. Кто-то говорил, что немцы чуть ли не в 5 утра вошли в город по Варваровскому мосту. Другие утверждали, что они ещё раньше вошли со стороны Терновки. Теперь вот Водопой вспомнили. Объединяло всех то, что никто толком ещё не видел фашистов, но панический страх перед ними овладел беженцами.

В Херсон я попал уже ближе к вечеру того же 16 августа. На часы почти не смотрел, но подспудно чувствовал, что хоть и лето на дворе, но день уже заканчивается. Сразу нашёл военкомат, доложил по форме местному начальнику. А тот, что называется, завёлся с пол-оборота и сразу в крик:

– Дезертир! С фронта удрал!

Объясняю, что Николаев уже с утра как под немцами и никто город не защищает – сдали его без боя.

– Да я тебя под трибунал! – кричит. – Твои боевые товарищи в это самое время насмерть стоят, защищая Николаев, а ты сбежал! И батальон свой бросил – а он, между прочим, в это самое время, может быть, там сейчас без тебя оборону держит! Да ты, вообще, слышал о сегодняшнем приказе Верховного Главнокомандующего? Там как раз о таких, как ты, дезертирах говорится!

– Нет, – говорю, – где я мог слышать? Я же весь день в дороге был...

Вызвали конвой. Пришлось сдать оружие и все документы моего сапёрного батальона. Причём всё это произошло настолько стремительно, практически в течение 5 минут! Вот уж, что называется, попал под раздачу...

Согласно этому приказу, всех дезертиров следовало расстреливать на месте, а их семьи поражать в правах. Поэтому и мне, как подпадавшему под этот приказ, вскоре объявили о предстоящем расстреле и велели ждать в арестантской комнате, когда насобирают ещё таких же, как и я, дезертиров. Только там я вспомнил, что уже вторые сутки ничего не ел. Впрочем, все мысли были о той ситуации, в которую так глупо попал. Уснул только под утро. А через час всем объявили (а нас к тому времени «набирали» уже человек 12), что всех спешно отправляют на фронт искупать свою вину перед Родиной. Хотя, мне кажется, дело было совсем в другом: немцы 18 августа уже подходили к Херсону, и солдат для его обороны тоже не хватало. Какой-то подполковник зачитал мне приказ о моём расстреле и тут же объявил об отсрочке его приведения в исполнение до... окончания войны. С этим радостным чувством и не менее радужными перспективами я потом ещё почти год воевал в штрафном батальоне...

А в октябре 1943 года меня демобилизовали и направили на строительство разрушенных вокзалов и железнодорожных станций на освобождённой от фашистов территории Днепропетровской области».

* * *

P.S. Я записал эти воспоминания моего деда вовсе не для того, чтобы бросить хоть малейшую тень на настоящих героев-фронтовиков. Воины Великой Отечественной заслуживают самых возвышенных слов и всеобщего уважения. Они это заслужили, хотя большинства из них уже давно нет в живых! Но именно поэтому сегодня они не нуждаются в каком-либо дополнительном украшательстве и придуманной героизации. Времена политизации, я надеюсь, давно прошли, и сегодня мы просто обязаны по крупицам воссоздать реальную историю той Великой Отечественной войны...

Несколько лет назад в московской прессе стали появляться публикации, в которых ставился под сомнение подвиг 28-ми героев-панфиловцев в бою под Москвой осенью 1941 года. Сказать, что это вызвало ответную бурю негодования, значит ничего не сказать! На защиту «героев» массово поднялись общественные и ветеранские организации, депутаты, прославленные военачальники, известные артисты... Все были возмущены самим фактом публикации, в которой ставился под сомнение один из символов героизма советского воина, запечатлённого в гранитной стеле под Москвой, в десятках книг и кинофильмов и даже в гимне города Москвы, который написал наш земляк-николаевец Марк Лисянский. Там есть такие строки:

*Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в веках будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.*

В поддержку публикации-разоблачения выступила только одна организация – Государственный архив Российской Федерации, который обнародовал засекреченные ранее документы ЦК ВКП(б), датированные июнем 1948 года, неоспоримо подтверждающие фальсификацию этого подвига, а также то, что вся история «героев-панфиловцев» была всего лишь плодом фантазии журналистов газеты «Красная звезда». Желающие могут посмотреть эти документы здесь: <http://www.statearchive.ru/607>

Как выяснилось при расследовании, фамилии «героев» для своей публикации «О 28 павших героях» в газете «Красная Звезда» от 22 января 1942 года фронтовой корреспондент А. Кривицкий просто-напросто взял из списков личного состава 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И. В. Панфилова. Впоследствии допрошенный в ПУРе (Политуправление Красной армии) А. Кривицкий показал: «Слова политрука Клочкова, написанные в моём подвале: «Россия велика, а отступать некуда – позади Москва» – я выдумал сам. В части же ощущений и действий 28 героев – это мой литературный домysel...» (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/6/petrov.html)

Удивительней всего то, что лишь на основании этой статьи всем панфиловцам были присвоены высокие звания Героев Советского Союза! Примечательно, что один из таких «павших героев»

по фамилии Д. А. Кужебергенов не только остался жив, но даже потом побывал в плену у немцев. Тем не менее, уже после войны он получил-таки «причитающуюся» ему звезду Героя и длительное время пользовался всеми положенными привилегиями! Более того, его имя упомянул в своей поэме «Слово о 28 гвардейцах» известный советский поэт Николай Тихонов.

Позже Н. Тихонов сообщил следующее: «По существу, материалами для написания поэмы послужили статьи Кривицкого, из которых я и взял фамилии, упоминаемые в поэме. Других материалов у меня не было».

http://pikabu.ru/story/glavnyiy_voennyiy_prokuror_vs_sssr_o_28_panfilovtsakh_k_postu_3229101

Другой из этих «героев» – И. Е. Добробабин – не только добровольно сдался в плен фашистам в начале 1942 года, но и служил начальником полиции в селе Перекоп Харьковской области! Тем не менее, и ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 года за проявленные мужество и героизм посмертно (!) было присвоено звание Героя Советского Союза. В августе 1944 года, уже после освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков, случайно узнав из письма брата о присвоении ему посмертно (!) звания Героя Советского Союза, Добробабин подал рапорт о выдаче причитающейся ему награды. И получил! Кстати, и его «увековечил» в той же поэме «Слово о 28 гвардейцах» поэт-конъюнктурщик Николай Тихонов.

Ивана Добробабина разоблачили только в 1947 году, а 8 июня 1948 года приговором военного трибунала Киевского военного округа он был осуждён на 15 лет лишения свободы, формально оставаясь при этом Героем Советского Союза! Он был лишён этого звания только 11 февраля 1949 года Указом Президиума Верховного Совета СССР.

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6518

Тем не менее, имя этого лжегероя до сих пор золотыми буквами горит на мемориале в Москве на улице, носящей их имя (ул. Героев-панфиловцев, д. 12, к. 1), куда школьники по праздникам традиционно возлагают цветы.

Точно так же и историю обороны города Николаева в августе 1941 года следует очистить от надуманных мифов, лакирования и политической конъюнктуры прежних времён. Сегодня актуальной становится только правда. Настоящая, пусть даже горькая и «непричёсанная», – нелицеприятная правда о Великой войне, унёсшей жизни десятков миллионов наших соотечественников. Убеждён, что именно сегодня это как никогда нужно и ныне живущим на земле, и, конечно же, всем последующим поколениям николаевцев.

Я на руках у деда, слева – бабушка Надежда Алексеевна, справа – родители мамы (1954 г.)

Комментарий военного историка, автора многочисленных печатных публикаций, участника научно-практических конференций по истории Великой Отечественной войны полковника в отставке А. А. Пилипчука:

Материал очерка В. Н. Христенко и воспоминаний его деда ст. лейтенанта И. Т. Христенко отображают реальную обстановку трагических событий июля-августа 1941 года в Николаеве: неразбериху, отсутствие связи, чёткого управления, как следствие – панику среди населения, невыполнимые приказы. Да, была неграмотная команда рыть на правом берегу Южного Буга окопы. Планировалось защищать город перед водной преградой. Однако каким образом обеспечивать подвоз боеприпасов, эвакуацию людей через широченную речную гладь. Кто думал об этом?

А вот первая бомбёжка Николаева случилась 5 августа. Об этом есть постановление Николаевского облисполкома и обкома КП(б)У от 6 августа о поощрении отличившихся. В Николаевском некрополе есть коллективная могила 43 тружеников з-да им. А. Марти, погибших 5 августа 1941 г. Бомбёжка, причём днём и ночью, произошла в тот момент, когда из Вознесенска в Николаев (и его окрестности) передислоцировался штаб советских частей Южного фронта, без аппаратуры фронтового телефонно-телеграфного узла. И наши местные девушки-связистки с городской телефонной станции (ул. Наваринская, 2) передавали дивизиям и полкам совершенно секретные сведения по ведению боевых действий.

Сегодня в этом 2-этажном здании находится «Миколаївська теплоелектроцентрально».

Можно добавить, что обогнавший героя очерка Ивана Тимофеевича штаб 9-й армии генерал-полковника Я. Т. Черевиченко 16 августа переправился через Днепр и исчез в неизвестном направлении. А херсонские местные партийные и советские органы были разысканы и найдены в Алешках (Цюрупинске) и под конвоем доставлены в Херсон руководить эвакуацией.

Большой переполюх в Херсоне наделали начальник УНКВД и его зам. по кадрам, которые покинули обороняемый Николаев и, находясь в нетрезвом состоянии, допустили панику среди своих подчинённых, разогнали аппарат горотдела НКВД, межрайотдел НКГБ, в результате Херсон остался без власти.

Расстрельная статья – «...всех пленных считать злостными дезертирами» – это приказ № 270 от 16 августа 1941 года Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии.

Всё, о чём пишет автор в своём очерке, похоже на правду. Так это было на самом деле. Сегодня мы с трудом приходим к осознанию драматизма и цены Победы советских людей в годы Великой Отечественной войны. История не столь благостна, как об этом нам иногда сообщают.

Вячеслав КАЧУРИН

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

История одной фотографии

Осенью 1974 года в Николаеве произошло событие, которое во многом определило развитие культуры в нашей области на все последующие годы. В городе корабелов было открыто Николаевское отделение Союза писателей Украины.

До этого несколько местных литераторов были приписаны к Херсонской писательской организации, что не совсем способствовало развитию творческого потенциала наших авторов. И вот долгожданное событие: из Киева приехало начальство Союза писателей Украины, к ним присоединились николаевские чиновники, отвечавшие в то время за идеологию.

На торжестве, которое состоялось в Доме политпросвещения обкома партии (сейчас Дом творчества учащихся), присутствовала вся культурная общественность города и области. Был зачитан указ о создании в Николаеве писательской организации, а также избран первый ответственный секретарь, им стал прозаик Леонид Куличенко, возглавлявший до этого Николаевскую телестудию. Новая организация, включая переселившихся в Николаев писателей из других городов, насчитывала тогда 10 человек.

Примерно через год, когда ответственным секретарём был избран Михаил Божаткин, в Союз писателей вместе со мной были приняты Валерий Бойченко, Юрий Миронов, Анатолий Ластовец-

Иван Луценко, Леонид Воронин, Борис Слободянюк, Леонид Куличенко, Виктор Подольский, Михаил Божаткин, Борис Янчук, Эмиль Январёв, Иван Григурко, Валерий Юрьев

кий, а из других областей к нам приехали Кирилл Курашкевич, Виктор Тимчук, Иван Царинный и другие. Надо признать: тогдашняя власть относилась к деятелям культуры, искусства с особым вниманием, видя в них партийный резерв духовного влияния на современников. Новая организация получила просторное помещение в том же Доме политпросвещения, приглашённые в Николаев поэты и прозаики были обеспечены благоустроенными квартирами.

И началась активная работа. Одна за другой начали выходить книги наших поэтов и прозаиков. Николаевских писателей в те годы можно было встретить на предприятиях и в учебных заведениях города, области. Мы выезжали на творческие встречи в районы, читали свои стихи в молодёжных аудиториях, в красных уголках заводов и фабрик, на полевых станах перед тружениками сельского хозяйства.

Тогда были популярны творческие договоры о сотрудничестве и шефской работе. Такие договоры были заключены с руководством судостроительного завода им. 61 Коммунара и с колхозом им. Кирова, где председательствовал легендарный Н. Н. Рябошапка, Герой Социалистического Труда. Выступления и встречи в заводских цехах, хозяйствах области, участие в праздниках поэзии и Днях литературы оставляли неизгладимые впечатления, знакомили с замечательными людьми, которые часто становились персонажами новых повестей, романов и стихотворений.

Чуть позже у нас завязалась творческая дружба с писателями Ставрополя, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Южной Осетии. Обмен делегациями расширял наши творческие планы, знакомил с жизнью других регионов страны. Ежегодно делегации николаевских писателей выезжали на Северный Кавказ, где мы участвовали в Лермонтовских праздниках поэзии. В результате таких творческих контактов вышли из печати книги взаимопереводов, книга прозы и стихов «Родники», а в 1987 г. издательство «Маяк» (Одесса) подготовило поэтический сборник «Голос гір та степів», где под одной обложкой снова встретились старые друзья – поэты Южной Осетии и Причерноморья.

В 80-е годы писательская организация пополнилась новыми талантливыми авторами. В творческий коллектив были приняты Екатерина Голубкова, Владимир Пучков, Дмитро Креминь, Людмила Чижова, Альберт Вербец, Анатолий Маляров, Светлана Ищенко, Лариса Матвеева, Анатолий Харланович, Елена Поманская и старейшина николаевских литераторов Адриан Митрофанович Топоров, 88-летний автор знаменитой книги «Крестьяне о писателях». Активизировалась работа литобъединений «Зоря», «Стапель», «Пегас», «Рефлектор», где творческими руководителями стали опытные коллеги по цеху. Наиболее талантливые члены литобъединений также пополнили ряды профессионалов. Среди них Дарина Березина, Наталья Билецкая, Светлана Ищенко, Вера Марущак, Аркадий Суков. А совсем недавно уже в Национальный союз писателей Украины была принята группа молодых литераторов в количестве 7 человек... Сравнительно небольшая, но творчески активная Николаевская писательская организация более сорока лет ведёт очень нужную для гражданского общества работу.

Когда-то Велимир Хлебников, отвечая на вопрос анкеты о своей профессиональной деятельности, написал замечательную фразу: «служил смягчению нравов». Может быть, в этом и есть назначение литературы – утверждать своими произведениями не сиюминутные, а вечные ценности, служить смягчению общественных нравов...

Но вернёмся к событию, с которого я начал это повествование. После торжественного собрания, посвящённого открытию в Николаеве областной организации литераторов Украины, члены новой литературной ячейки вышли фотографироваться к памятнику героям-десантникам Константина Ольшанского. На фотографии слева направо: Иван Луценко, Леонид Воронин, Борис Слободянюк, Леонид Куличенко, Виктор Подольский, Михаил Божаткин, Борис Янчук, Эмиль Январёв, Иван Григурко, Валерий Юрьев. К сожалению, никого из изображённых на фотографии уже нет в живых, но мы свято храним память о наших друзьях. Ведь они были первыми!

Войну закончил в Берлине

Луценко Иван Антонович (1915–2006). Он был литературоведом и критиком. Родился в селе Прибужье Доманёвского района Николаевской области в семье бедного крестьянина. Окончил филологический факультет Одесского университета ещё в 1941 году. Участник Великой Отечественной, оборонял Крым, был ранен, захвачен в плен, бежал, побывал в антифашистском подполье. Войну закончил в Берлине. Награждён орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Работал в Херсонском пединституте и Днепропетровском университете. Доктор филологических наук, профессор. Долгое время заведовал кафедрой украинской литературы Николаевского пединститута.

Автор литературоведческих книжек «Олекса Десняк», «Коста Хетагуров и Украина», «Украино-грузинские литературные связи в их историческом развитии», «Некоторые закономерности взаимосвязи литератур народов СССР», публиковался в соавторстве на французском и английском языках. В новой писательской организации Николаевщины Иван Антонович был самым старым членом СП СССР – с 1950 года.

«Ты – начало всех начал...»

Воронин Леонид Акимович (1917–1990) родился в семье шахтёра Донецкой области. В 1940 году окончил Харьковский финансово-экономический институт. Награждён орденами Отечественной войны 2 степени, Трудового Красного Знамени и медалями. Трудно представить: в этом бывшем бухгалтере, работнике финансовых учреждений жило неуёмное поэтическое чувство. И его обожгла война, главная тема его творчества – судьба поколения, принявшего на свои плечи бремя войны. Он сочинял лирические стихи о фронтовом братстве, поиске своего места в жизни, был автором многих стихотворений о природе причерноморского края. О родном Николаеве написал проникновенные строки «Ты – начало всех начал...». Член СП СССР с 1973 года.

Оставил сборники стихотворений «Минуты жизни», «Светлица», «Стрежень», «Излом дорог», «Звёздная капель», «Колосья над жнивьём», «Продолжение», «Земное дыхание», «Стихи» (избранное), «Возвращение к любви». Воронин приходит к нам со словами известной песни о Николаеве «Город корабелов».

Профессиональный очеркист, прозаик и драматург

Слободянюк Борис Осипович (1917–1986) в 16 лет начал работать на машинно-тракторной станции, потом в газетах Винницкой и Одесской областей. Окончил Ленинградский институт журналистики им. Воровского и пединститут (1947). В годы Великой Отечественной войны и позже – в редакциях воинских, областных и районных газет. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Был заслуженным работником культуры Украинской ССР.

Печататься начал ещё в довоенные годы. Автор сборников рассказов «К новым высотам», «Незабываемое»; повестей «Солнечная долина», «Орлиное сердце», «Мамино поле», «Весенние грозы», «Дума про матроса Кошку»; романа «Сквозь бури»; очерков «Совхозный профессор», «Степной богатырь», «Вознесенск»; пьесы «Смерть директора». Долгие годы жил и работал в городе Вознесенске Николаевской области. Член СП СССР с 1958 года.

Первый ответственный секретарь

Куличенко Леонид Васильевич (1918–1977) окончил семилетку в Черкасской области, работал в колхозе. В 1925 году семья переехала в село Весёлый Подол Новобугского района на Николаевщине. Не миновал фронтовые дороги Великой Отечественной. Награждён орденом Отечественной войны, медалями. Во время войны окончил военно-политическое училище. Позже – Кременецкий учительский институт и факультет журналистики Киевского университета. Работал редактором районной газеты «Новобугская правда», очаковской районной газеты «Черноморская звезда», директором Николаевской телестудии. Он – первый ответственный секретарь Николаевской организации Союза писателей Украины (1974).

Начал печататься в 1934 году. Отдельными изданиями вышли его очерки, сборники рассказов и повестей «Около костра», «Так никто не любил», роман «Предгрозье». Член СП СССР с 1966 года.

Печатался в библиотечке журнала «Крокодил»

Подольский Виктор Аврамович (1912–1994) родился на Полтавщине в семье врача. Начинал с заводской многотиражки, редакции газеты «Социалистическая Харьковщина». В 1947–1972 годы – ответственный секретарь редакции Николаевской областной газеты «Южная правда». В 1952 году окончил Николаевский пединститут. Был участником Великой Отечественной войны. Награждён

орденами Отечественной войны 2 степени, Красной Звезды, медалями. Заслуженный работник культуры УССР. Членом СП СССР стал в 1963 году.

Первый сборник рассказов «Галёрка» опубликовал в популярной библиотечке журнала «Крокодил». На русском языке вышли его многочисленные книги юмористических рассказов – «Галёрка», «Номерной баран», «В курсе дела», «С любовью не шутят», «Бывает иногда и так», «Любовь и коварство», «Стручок на проводе», «Почему я ушёл на пенсию», «Под звуки оркестра». Его сатирические произведения публиковались в журнале «Перец», в зарубежной прессе. Ряд рассказов В. Подольского переведены на таджикский, польский языки.

Летописец Николаевского десанта

Божаткин Михаил Иванович (1920–2010) тоже был участником Великой Отечественной войны, служил радистом на торпедных катерах Краснознамённого Черноморского флота. В 1951 году окончил Николаевский пединститут. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почёта» и медалями. Работал журналистом в областной газете «Бугская Заря», редактировал многотиражку завода имени 61 Коммунара. Многие годы – ответственный секретарь Николаевской писательской организации. Член СП СССР с 1962 года.

Герои его повестей преимущественно моряки. Божаткин – певец морской романтики, мужественных характеров. Читателям 60–70-х годов были хорошо известны его повести «Перелом», «Взрыв в бухте Тихой», «Крылья крепнут в полёте», «Легенда старого Чеколтана», «Прорыв», «Поручение военмора Недоли», «Подчасок с поста «Старик», «Её счастливая доля», «Флаг на гафеле», «Кладовискатели», «Секрет СЗМ», «Мирный атом», «Огненная полоса», «Подвиг впереди»; романы «Краб уходит в море», «Крепость у моря», «Треугольник Денеба», «Дальние берега»; сборники рассказов «Диана со шрамом», «Морская романтика».

Около тридцати лет Михаил Иванович вёл поиски участников коллективного воинского подвига – Николаевского десанта К. Ольшанского. Результаты этой кропотливой работы обобщены им в документальной повести «Десант принимает бой» (1998).

Новеллист, прозаик, переводчик

Янчук Борис Васильевич (1935–2009) был украинским прозаиком и переводчиком, печатался со студенческих лет. Окончил Винницкий медицинский институт (1959) и Литературный институт им. Горького в Москве. Трудился врачом в медучреждениях Николаева. В 70-х годах работал в областной газете «Південна правда», позже переехал в Одессу. В СП Украины был принят в 1967 году.

Автор новелл, повестей и рассказов «В твоїх руках життя», «Біла земля», «Сьоме небо», «Свято серед будня», «Голубий стапель»; романов «Незакінчена опера» и «Клятва Гіппократа». Работал также в области художественного перевода.

Певец корабельного края

Январёв Эмиль Израилевич (1931–2005) – николаевец по рождению. В 1952 году окончил Николаевский пединститут, а в 1953-м – Литературный институт им. Горького в Москве. Много лет работал преподавателем в школе рабочей молодёжи. С 1955-го печатал стихи и рассказы в периодических изданиях, всесоюзных сборниках «День поэзии».

Первую книгу «Переправа» опубликовал в Москве в 1967 году. За ней последовали «Настоящее время», «Действующие лица», «Открытый урок», «Корабельные баллады», «Школа взрослых», «Почерк», «Мера сил», «Эхо на площади», «Новый адрес», «Ольвийский причал» (избранное), «Документ», где автор размышляет о новых временах, полных сложности и драматизма. В соавторстве с М. Владимовым написал драму «Это было в Николаеве», а в соавторстве с Б. Аровым – документальные фильмы «До свиданья, корабли!», «Незримый пассажир». Его текст песни и сама песня «Если б не было на свете корабелов...» до сих пор любимы николаевцами. Поэзии Январёва чужда ложная красивость, отсюда и полемические «прозаизмы» его стихотворений, их сюжетное построение, обращение к событиям, ставшими для нас историей.

Январёв вёл большую культурно-просветительскую работу, выступал с публицистическими размышлениями на страницах газет и журналов. С 1994 года он – ведущий популярной телепрограммы «Поле зрения». В 1997-м удостоен Всеукраинской литературной премии им. Николая Ушакова. Э. Январёв был членом СП СССР с 1969 года.

Отмечен премией комсомола

Григурко Иван Сергеевич (1942–1982) был оригинальной личностью. После гибели отца на фронте воспитывался и учился в детском доме. В 1958 году окончил Одесский финансово-кредитный техникум, служил в армии. В 1969 году окончил филологический факультет Одесского университета, работал в областных газетах Херсонской области и в Николаеве. Первую повесть опубликовал в журнале «Дніпро» (1970).

Через четыре года мы читали уже его роман «Канал», он сразу был отмечен литературной премией комсомола Украины им. Николая Островского. После этого появились романы и повести «Роса», «Далёкие сёла», «Ватерлиния», «Красная рыба». Киностудия им. Довженко экранизировала роман «Канал», где главную роль сыграл известный украинский актёр Иван Миколайчук. Человек и природа, преемственность поколений, тайна творчества, внимание к живой жизни, к отдельной личности составляют сердцевину прозы Ивана Григурко. Его книги переведены на многие языки. Членский билет СП СССР ему вручили в 1973 году.

Его хвалил Павло Тычина

Юрьев Валерий Алексеевич (1937–1980) родился в Кировоградской области в семье колхозника. После школы окончил Кировоградский пединститут, работал учителем в Днепропетровске, а также методистом по фольклору и этнографии в Кировоградском областном Доме народного творчества. Был корреспондентом молодёжной газеты. В 1972 году переехал в Николаев и был принят в редакцию газеты «Южная правда». Его первая книга «Монологи земли» вышла в 1965 году. За ней последовали сборники стихотворений «Орбита дня», «С материнского поля», «Силуэт матери», «Жажда»; пьеса «Железная роза»; повести «Вон тот Вилька Поливода». Членом СП СССР стал в 1966-м.

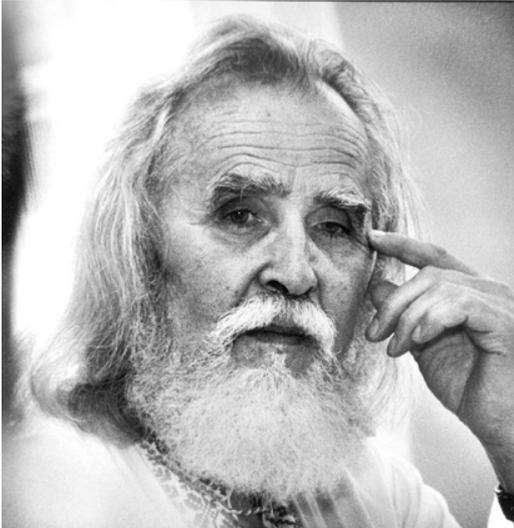
Проза Юрьева представлена в книге «Золотое воскресенье». Он также занимался переводческой деятельностью. Его творчество заслужило положительную оценку Павла Тычины. Валерий Юрьев – лауреат областной комсомольской премии им. Ю. Яновского. В предисловии к его посмертному сборнику «С материнского поля» критик В. Березинский писал так: «Он умел защищать всё честное и доброе, щедрое и нежное. Защищать своим словом, своим талантом поэта».

Качурин Вячеслав Тимофеевич. Поэт, исполнитель авторской песни. Родился 20 января 1942 г. в селе Бык Романовского района Саратовской области (РСФСР). Окончил физико-математический факультет Николаевского педагогического института (1964). Автор стихотворных сборников: «Март» (1968), «Берег волны» (1974), «Признание» (1978), «Там, где полюс недалёк» (1978), «Открытый океан» (1979), «Перо альбатроса» (1981), «Берег Вселенной» (1982), «Адрес надежды» (1983), «Учебная тревога» (1984), «Ощущение времени» (1986), «Волшебные рельсы» (1987), «Главный праздник» (1988), «Дорога за город» (1990), «Ходовые испытания» (2000), «Линия судьбы» (2003), «Я буду космонавтом» (2005), «Главный причал» (2007), «Сегодняшняя молитва» (2007), «На грани яви и мечты» (2009), «Отчётный период» (2009), «Океан впадает в небо» (2014). Лауреат Всесоюзного фестиваля авторской песни (1973). Удостоен звания «Горожанин года» в номинации «Искусство» (2007). Член Национального союза писателей Украины (1974), Союза писателей России (1999). В 2000–2010 гг. возглавлял Николаевское отделение НСПУ.

Інна БЕРЕЗА

ЗОРЯНИЙ ШЛЯХ ОЛЕСЯ БЕРДНИКА

Завершувався 1994 рік, третій рік Незалежності і аж 1000 днів моєї роботи на ниві пошуків чогось незнамого не лише в давній літературі, а й у письменстві і загалом культурі другої половини цього ж таки століття.

Quo vadis homo?

Особливий інтерес становлять твори письменників – наших земляків, яких за радянських часів усіяло переслідували або спадщина яких замовчувалася і фальсифікувалася. Кафедра української літератури тоді ще Миколаївського педінституту частину краєзнавчих пошуків оприлюднила у щойно тоді надрукованому посібнику «Література рідного краю». Згадано було й біографію і рекомендовані учням твори Дніпрові Чайки, Павла Ходченка, Миколи Аркаса, Спиридона Черкасенка. Не

було серед цих імен замовчуваного уродженця Снігурівщини Олеся Бердника. Про нього на той час було дуже мало розвідок, та і самі видані свого часу твори письменника не у всіх бібліотеках збереглися. У мене самої було лише 2 джерела про нього і 2 книги творів. Саме вони і наштовхнули на необхідність зустрітися з письменником, аби потім писати про нього як про нашого земляка. Йдеться про виданий у Києві 1971 року фантастичний роман «Зоряний Корсар» та книгу есеїв, листів і поезій, яка з'явилася у світ «без відома і згоди автора» у видавництві «Смолоскип» ім. В. Симоненка 1980 року, «Свята Україна».

На щастя, моя зустріч з Олесем Павловичем увінчалася успіхом – я отримала його виданий 1993 року роман «Пітьма вогнища не розпалює» з підписом «Інні Юхимівні Березі – на долю ласкаву і добру від земляка з Миколаївщини (с. Вавилове Снігурівського району) з щирістю. Олесь Бердник. 19.12.1994 р.». І на моє прохання він написав на бланку Української Духовної Республіки (громадської організації, яку очолював) коротку автобіографію. І лише у 2003 році, вже в рік смерті, коли з'явилася можливість видання нової книги «Література рідного краю. Письменники Миколаївщини», оприлюднено було хронологію життя і творчості Олеся Павловича та уривок з науково-фантастичного роману «Пітьма вогнища не розпалює». Власне цей роман може ознайомити нас зі спогадами зрілого письменника про перебування його сім'ї на Миколаївщині, так само як і у романі «Вогнесміх» (1988), де згадувалося про переселення родини з Київщини в херсонські степи. Як ми знаємо, недовго родина Олександра Павловича Бердника жила в с. Вавилове, бо вже у 1930 році переїхали на Київщину, але пам'ять дещо зберегла у дитячих спогадах, і вони відлунилися у названих романах.

Дитинство письменника (а це і час Голодомору) пройшло у с. Кийлів Бориспільського району. Восьмилітню школу закінчив юнак у Кагарлицькому районі у с. Бурти. Письменник згадує, що через війну не судилося з сестрою вступити до Київського геолого-розвідувального технікуму. «Перебули окупацію в рідному селі Кийлів. У 1943 році пішов добровольцем на фронт», – пише Бердник у своїй біографії. Він брав участь у боях як підривник-мінер. Не оминув і поранень, шпиталізації та, демобілізувавшись у 1946 році, навчається у театральній студії ім. І. Франка у Києві, працює в театрі, починає писати поезії. Першою книгою Олеся Павловича стала збірка оповідань «Поza часом і простором» (1957), яку він почав писати в неволі, відбуваючи покарання за звинуваченням в антирадянській агітації та пропаганді (з 1949 по 1955 роки). Книга, за спогадами його табірному другу Івана Хоменка, розійшлася миттєво. Перший успіх окрилив молодого письменника – і одна за одною з'являються нові прозові книги: «Привид іде по землі» (1959), «Шлях титанів» (1959), «Стріла часу» (1960), «Серце Всесвіту» (1962), «Сини Світовида» (1963), «Діти Безмежжя» (1965), «Подвиг Вайвас-

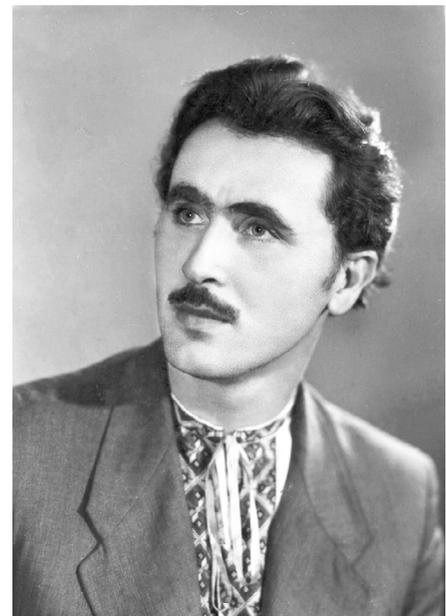
вати» (1967), «Чаша Амріти» (1968), «Покривало Ізиди» (1969), «Зоряний Корсар» (1971). Зауважимо, що членом Спілки письменників України він був з 1957 року. Та вже у 1968 році письменник потрапляє в немилість комуністичних ідеологів за «ідейні відхилення» у романі «Чаша Амріти». А після виходу в світ «Зоряного Корсара» його звинуватили у пропаганді містики та ідеалізму і 1973 року виключили зі Спілки письменників. Можна погодитися з партійними наглядачами в літературі, що цей твір дійсно не відповідав політиці комуністичної партії, адже роман протистояв тоталітаризму СРСР і акцентував, що є Україна й українці, що вони мають майбутнє.

Ідеолог від літератури В. Козаченко звинуватив Олесь Бердника в «хохломанії в космосі». Для митця почалися немілі часи переслідування КДБ, обшуки, безробіття. У відповідь на заборону публічних виступів та друкування творів митець відповідає посиленою діяльністю підпільного «самвидаву» та публікаціями за кордоном. Також він розробляє проект «Альтернативної Еволюції», у якому подає власне бачення перетворення людства на ґрунті сповідування ідеалів мудрості, пізнання, краси та любові, і надсилає цю розробку до ООН, де вона була зареєстрована як робочий документ. Крім того, Олесь Бердник почав вести активну правозахисну діяльність і став одним із засновників та активних діячів Української групи сприяння виконання Гельсінських угод, яку очолює після арешту її голови – Миколи Руденка. Вся ця активність привела в березні 1979 року до арешту письменника, якому було інкриміновано антирадянську діяльність і засуджено на 7 років ув'язнення і 5 років заслання. Амністовано його було 1984 року і наступного року відновлено у Спілці письменників.

Повертаючись до знакового у творчості Олесь Бердника роману «Зоряний Корсар», зазначимо, що саме у цьому творі автор наголошував на проблемі національної гідності. Йдеться про те, що повернути собі власну гідність можна лише через усвідомлення своєї належності до власної сутності. Її ж можна осягнути, перш за все, через національну культуру. Ідею нескінченності нації в часі Бердник обґрунтовує введенням в її історію духовної субстанції – вина невмирущості. Але тут йдеться про особливих людей – Особистостей. Цю тему він актуалізує у всіх своїх творах. У згаданому романі Особистостями, здатними на подвиг, з духом творчого пошуку, є Сергій Горениця, Галя, Григій, Гроловиця. Наголошується й на значенні унікальності сили духу, роздумів над проблемами постійного ноосферного оновлення людини. Автор «Зоряного Корсара» підводить до висновку, що майбутнє залежить від людей, які знаходяться у вимірах добра, мислення, творчості, свободи та тієї вічної загальнолюдської моралі, за законами якої повинно будуватися життя людини і в космосі, і в суспільстві. Тож роман для часів могутності радянської імперії був справжнім викликом системі, але й на сьогодні його ідеї залишаються актуальними. Зокрема, коли йдеться про спадкоємність поколінь, про рід, яким можуть пишатися такі, як Андрій Курінний – нащадок козака Гордія, що воював за незалежну державу в громадянську війну в армії Української народної республіки. Як справедливо зауважує доктор філософських наук В. В. Ільїн, закладені у романах Олесь Бердника «ідеї – це квінтесенція філософських пошуків національної ідеї і визначення місії України, не лише історичної, культурної, соціальної, а – державно-космічної».

Створення Республіки Духу – давньої мрії Григорія Сковороди – було тією важливою, конкретною справою з розбудови української державності, які Олесь Бердник уперше ініціює ще до другого суду – у 1974 році, створивши громадську організацію «Українська Духовна Республіка». Розташовано офіс цієї організації на вул. Прорізній, 8 у кв. 209, де я мала приємність спілкуватися з письменником. Сам очільник у наданій мені біографії організацію визначає як «об'єднання українців в усьому світі понад будь-якими розділеннями – політичними, релігійними чи ідеологічними». Знаємо, що Перший Собор Української Духовної Республіки, де була проголошена ідея братерства Духовних Націй Землі, одержав благословіння від Папи Римського Іоана Павла II. Відомо, що у 1997 році письменнику надійшло офіційне запрошення від Папи для особистої зустрічі, але стан здоров'я Олесь Павловича погіршувався, тож зустріч так і не відбулася.

А до 1997 року митець встиг немало зробити і в громадському, і в літературному осередді. Було видано нові романи – «Вогнесміх» (1988), «Вогняний вершник» (1989), «Пітьма вог-

Олесь Бердник. 1940 р.

Серед учасників студентської Революції на граніті. Жовтень 1990 р.

нища не розпалює» (1993), «Тайна Христа», «Камертон Дажбога», «Пісня надземна» (1996), збірки повістей «Лабіринт Мінотавра», перевидано «Чашу Амріти» (1989), «Хто ти» (1985). Виступав письменник і на сторінках «Літературної України». Зокрема, 8 квітня 1988 року на шпальтах газети читаємо діалог «Quo vadis Homo?» (Куди йдеш, Людино?..), який повністю присвячено педагогічним розмислам. Олесь Павлович переконаний, що саме педагогам слід домінувати в Європейській та Світовій культурах. Йшлося і про те, що Альтернативна академія дітей мала б здійснити інтелектуальну й духовну революцію на Землі.

Любити мрію

Мало хто знає, що разом зі своєю дружиною Валентиною Бердник-Сокоринською митець створював і живописні полотна. Авторці цієї статті пощастило у 2001 році побувати на відкритті виставки творів сім'ї Олесь Бердника у мистецькій вітальні музею-квартири П. Тичини. Серед живопису письменника вразили картини «Берестечко», «Вибір», «Матір світу». За словами дружини, автор болісно характеризував першу з названих картин – «Наше вічне Берестечко». Йдеться ж бо про гіркоту втрати в історичній долі України в усі часи. А ось з картини «Мати Світу» дивляться на нас очі його доньки Гроловиці. Символічною є доля гобелену «Темна вечерея», який подружжя творило на замовлення однієї з церков. Коли полотно було завершено (а це було напередодні виключення О. Бердника із СПУ), він казав, що «Темна вечерея» готова, тепер чекаємо на Голгофу. Є у творчому доробку подружжя короґва «Мати з дитям». Олесь Павлович брав цей витвір із собою як оберіг у всі поїздки за кордон на початку 90-х років.

Провісником зоряного шляху назвав Олесь Бердника його товариш Олександр Хоменко. І це, безумовно, пов'язано як з назвою найвідомішого роману, перекладеного багатьма мовами світу, так і з тією харизмою, що ніс у собі митець, який був значною, можна сказати – зірковою, особистістю в українському суспільстві 90-х років ХХ століття. Згадаймо і той факт, що він 1991 року брав участь у виборах президента як один із претендентів на цей високий пост. І можна погодитися з твердженням журналіста Олексія Губка, що Бердникова президентська програма за її інтелектуальною й гуманістичною насиченістю могла б бути названа Програмою ХХІ століття.

Безумовно, його долею стала науково-фантастична література, у якій озвучив митець усі свої філософські, педагогічні, громадсько-політичні ідеї. Власне, як письменника-фантаста згадували 2002 року на фестивалі фантастики «Планета 8141 Nikolaev» у Миколаєві письменники, де спеціальним призом «Пророк у Вітчизні» відзначено Олесь Бердника. Приз отримала його донька – Гроловиця Бердник.

Серед видань 90-х років ХХ ст. з Бердникової спадщини приваблює науково-фантастичний роман «Пітьма вогнища не розпалює...», який у 2011 році був перевиданий під новою назвою – «Вічне начало». Книга задумана як трилогія під назвою «Вічне начало», але передчасна смерть автора не дала змогу здійснитися задуму.

Отже, у романі, який означено як психоаналітичну феєрію, автор розмірковує про природу матерії часу, про принципи роботи людської пам'яті та глибокі причини несправедливості у світі і людських страждань. Твір має немало автобіографічних спогадів, зокрема і про життя сім'ї батька і свого дитинства на Миколаївщині. Є у творі сторінки, присвячені народному сприйняттю пакта Молотова-Ріббентропа. Подає Бердник у класично орвелівському плані картину переписування історії на догоду мінливій політиці Партії, коли «з бібліотек щезали книги та журнали, де фашизм та націоналізм згадувалися дошкульним словом, з прокату зняли фільми, навіть історичні, де німців громили вітчизняні війська. Було заборонено показувати стрічки «Щорс» у постановці Довженка, «Олександр Невський» та деякі інші. Ешелони з хлібом, салом, маслом невпинно прямували на захід, вождь твердив про надійний мир, а тим часом прості люди бачили тяжкі сновидіння про війну з німцями, чутлива психологія народу вже малювала в підсвідомості ті події, котрі сягали корінням в історичний ґрунт...»

Цінними є і передані спогади-переживання людьми початку совєцько-німецької війни. Автор відзначає, що спершу люди були приголомшені, як «мудрий вождь» Сталін допустив напад «братньої націонал-соціалістичної партії на Радянський Союз, а потім – як руйнувалися надії людей від блискавичного відступу голодних та обірваних радянських військ, всупереч гаслам «бить врага на его території».

Є у творі сюжетна лінія про хлопчика Павла та ілюзіоніста Ойра-хана, у якій автор повертається до теми прибульців – космічних братів, що живуть серед людей і скеровують їхній духовний розвиток. Майбутнє суспільство, яке змальовує Бердник, має бути близьким до ідеального. Тобто подолано війни, хвороби, людство об'єдналося, вирішено питання з перенаселенням Землі і забрудненням довкілля. Але основні питання не вирішені – біосфера та ноосфера все ще заражені вірусом болю та взаємопоїдання.

Важлива характеристика свободи слова та думки кожної людини, у розумінні яких дитина виховується в суспільстві. Зауважимо, що змальоване автором суспільство знаходиться у передчутті катастрофи. Йдеться про віднайдений шлях звільнення з пастки Деміурга і здійснення прориву до Альтернативної Еволюції. Подальшу долю юних бунтарів-героїв першої книги трилогії нам знати не судилося... Донька Олесь Павловича, Гроловиця, опублікувала в книзі «Вічне начало» витримки із щоденників батька, які належать до незакінчених творів.

Дослідники вже відзначали, що образ матері є одним з провідних у прозі і поезії О. Бердника. І не випадково у його «Вибраних творах» (2007) подано, крім «Зоряного корсара», повість «Маті» (написану 1996 року). У посвяті до твору зауважено: «Матері, яка навчила мене любити мрію». А 1976 року образ матері оприявнився у його поетичному есе «Свята Україна. Дума про Рідну Матір».

І дуже актуально звучать його слова з цієї книги: «Кожен народ – це чудова гілка на дереві Людства. Тільки полюбивши рідну матір, можна полюбити все людство. Щоб розцвів Сад Людства, необхідно плекати кожне дерево-націю окремо». Отже, йдеться про людину як космічну істоту, про духовність та місце в ній кожної нації, зокрема й української. Значний інтерес серед багатьох читачів світу якраз, на нашу думку, і можна пояснити концепцією всепланетної ноосфери, в якій акумулюються інтелектуальні і чуттєві надбання віків.

Береза Інна Юхимівна. Кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології, теорії та історії літератури Чорноморського національного університету імені Петра Могили.

Віталій КАРПЕНКО

ГЛИБОКА ТЕЧІЯ ІВАНА ГРИГУРКА

Іван Сергійович Григурко

Не пригадую, чи хтось привів його в редакцію миколаївської молодіжної газети «Ленінське плем'я», чи прийшов він самохіть, але й досі пам'ятаю енергійний потиск руки і коротко мовлене:

– Григурко Іван...

Невисокий і міцний, круглолидий і чубатий, з ледь примітною, дещо ніяковою посмішкою в кутику рта, у сірому піджаку поверх светра, був він занадто звичайним, щоб справити враження. Враження на нас справляло його ім'я. Бо на той час його «Канал» потужним потоком ринув на книжкові прилавки. Про нього багато писали і говорили. Для нас, молодіжних журналістів, був він чи не найближчим, оскільки донедавна сам працював у херсонській комсомольській газеті, як і ми, заробляв на хліб нелегкою репортерською працею, їздив у відрядження в степи, «розговорював» людей, готував матеріал у номер і невідомо коли викроював час для літературних писань.

На «Канал» ще у журнальному варіанті ми накинута на тому, що про нього заговорили – власне, на той час ще й не заговорили, – а тому, що роман написав свій брат журналіст, і було

цікаво, що з того вийшло. А прочитавши, раділи і по-доброму заздрили, бо вийшло добре. І коли у газетярському гурті ні-ні та й проривалися звичні нарікання на те, що, мовляв, ми теж дещо можемо, але газетна поденка відбирає стільки часу і сил, що на серйозну (тобто письменницьку) роботу їх не лишається зовсім, досить було однієї фрази, щоб притлумити це скигління:

– У Григурка вистачило і часу, і сил...

Звичайно, те, що Іван переїхав на постійно до Миколаєва, стало помітною подією у нашому житті. І не тільки у журналістському. У Миколаєві створювалась обласна організація Спілки письменників України, своїх літераторів можна було на пальцях полічити, тому Григурків переїзд був більш ніж доречним. Його відвідання нашої редакції, до речі, цілком зрозуміле: молодіжка ще жила в його серці – нас вельми потішило, бо Іван був уже знаменитістю. І хто не знав його раніше особисто, той з першого погляду завважив: простота, навіть зумисне напущена простакуватість не відповідала славі молодого талановитого письменника, яка тоді ставала дедалі гучнішою. Мене і пізніше, при наших досить частих зустрічах, не покидало відчуття, що вони існують ніби відокремлено: його слава і він сам – людина доступна, щира і начеб підкреслено приземлена.

Про «Канал» говорили з ним часто – ця тема для нас була найближча. Миколаївський степ такий же спраглий, як і херсонський. На Миколаївщині, під Снігурівкою, – це в якихось сорока кілометрах од Херсона – ще в п'ятдесяті роки почали споруджувати Інгулецьку зрошувальну систему. І хоч вона ні за масштабом, ні за розмахом і способом будівництва, ні за потужністю ні в яке порівняння не йшла з Каховською та Південно-Кримським каналом, що став тематичним осередком Григуркового роману, однак зрошення є зрошення й у степовиків тут однакове світосприйняття. Не скажу, що Іван охоче підтримував ці розмови. Не те щоб йому неприємним був розголос, якого набув роман, просто сам автор оцінював його скромніше, ніж критика, принаймні нічого видатного в ньому не вбачав.

Він говорив:

– Хлопці, роман просто потрапив у струмисько...

І не було в його словах штучності чи навмисності, говорив щиро, і ми йому вірили.

«Каналу» справді випала щаслива доля. Після журналу «Дніпро» його видавали в Москві – спочатку в журналі, а згодом у видавництві «Молодая гвардия». Кілька видань здійснено на Україні, в інших республіках СРСР, у Болгарії, Чехословаччині, Німецькій Демократичній Республіці. Потім – екранізація.

Такий тріумф пояснюється одним – авторові вдалося показати несподіваний зріз суспільного життя, художнім словом висвітлити гострі проблеми часу, вловити типові характери тогочасної моделі. Якщо так розуміти Іванові слова, що він потрапив у струмись, то вони на всі сто відсотків справедливі.

Про кінозйомки Іван часто і залюбки згадував. Захоплювався своїм тезком Іваном Миколайчуком, який грав скрепериста Тимоша Зайченка і з яким він заприятелював. Разом їздили до каналобудівників, купалися в Дніпрі, навідувалися до археологів, що розкопували степові могили-кургани, добиваючись до сивих віків. Одну з Іванових розповідей пригадав і переказав миколаївський поет Еміль Январьов.

Одного літнього спекотливого дня Григурко з Миколайчуком гостювали в археологів. Сонце смалило немилосердно, і розмова пливла спроквола. Та ось прийшлося до слова – і актор вголос продекламував фразу свого героя Тимоша Зайченка зі сценарію: «Життя мчить через нас у дві сторони – у минуле і в майбутнє. А ми в найтяжчому місці – в сучасності».

Тут хтось із археологів зітхнув мрійливо, лукаво примруживши очі:

– Оце б зараз у нашу жарку степову сучасність та пляшечку мінеральної з холодильника...

Другодні над курганом завис вертоліт, який кінозйомочна група використовувала для пошуків натури. З нього на капроновому шнурі загойдалося три зв'язані за лискучі зафольговані шийки пляшки «шампанського». З кабіни виглядав і привітно помахував рукою Іван Миколайчук. Археологи відв'язали подарунок з неба і дружно крикнули «ура!». Разом з усіма кричав і Григурко. Він був зворушений жестом друга й енергійно махав йому у відповідь рукою.

У хвилини відвертості – а вони траплялися частенько в творчому колі миколаївських журналістів і літераторів – Григурко говорив:

– «Канал» виніс мене у затоку доброжитку. Можу кілька років жити безбідно, навіть не працюючи...

Можливо, в цьому і було щось від хизування, тільки мені здалося, що він просто самоіронізував, як полюбляв робити це нерідко. Хоча б як там було, але в тій частині, де йдеться про безбідне життя без праці, фраза явно суперечила еству Григурковому. Він ніяк не зміг би заякоритися в затоці доброжитку, він ніяк не зміг би без роботи – інакше то був би уже не Григурко. І я зовсім не подивувався, коли Іван прийшов до редакції і попросив:

– Візьміть у штат, бо без діла заскнієш на пні...

Не часто, на жаль, письменники звертаються з такими пропозиціями. Годі й говорити, що ми з розкритими обіймами зустріли Івана і мали за честь працювати разом. Хоча він уже не міг бути репортером у звичному розумінні. Його тягнуло на типізацію і узагальнення. Важко було коритися редакційній дисципліні, «давати» рядки, встигати за подіями – від цього він уже давно відвик. Йому потрібна була кореспондентська робота, щоб «тримати форму», щоб заглибитись у життя, збагатитися зустрічами з людьми. Тому за кількістю публікацій і за оперативністю найпосередніший кореспондент газети міг дати йому фору. Але те, що виходило з-під його пера, було добротне і ґрунтовне, хоч не завжди газетне. На летучках це відзначали і закидали докори, що Григурковим матеріалам бракує репортажності, життєвого ритму. Іван тільки стенав плечима:

– Критики мене найбільше шпиняють за репортажність «Каналу», а журналісти – за відсутність тієї ж репортажності в газетних матеріалах...

Він не ображався, він добре розумів, що потрібно було в той час газеті. Однак дрібнитися не хотів і не міг. Якось сказав одверто:

– Газеті потрібні репортери, а не прозаїки. Звільню місце для іншого, хто краще впорається з обов'язками кореспондента. А я піду попрацюю на «Океані». Хочете – звідти писатиму? Але без плану...

Іван виклопотав постійну перепустку на наймолодший миколаївський суднобудівний завод «Океан» і щоранку в робочому потоці минав прохідну. Він подружився з корабелями, вжився у бригаду судноскладальників, придивлявся до їх роботи і сам працював, розпитував і розказував, словом, став для робітників своїм. Зрідка приносив до редакції свої матеріали. Вони вирізнялися своєю літературністю, соковитими мазками, точно вхопленими деталями.

Почерк майстра вгадувався відразу. Іван же переживав як початківець і радів, коли матеріал бачив на газетних шпальтах. Йому конче треба було опублікуватися в газеті – то була перша «обкатка» його задумів, ідей, образів. Але ми не знали тоді, а може, і він сам на той час не знав, що в людях, про яких він розповідав, потім можна буде вгадати Петра Драготу, Сергія Калинку, Марію Годяк, Мусія Боню, Парфена Кодолова та інших героїв, які потім густо заселили його роман «Ватерлінія». Ми з

ними зустрілися вже тоді, коли Івана не стало... На жаль, автор не зміг порадіти виходу книжки, погортати свіжі сторінки – найстрашніша хвороба з найкоротшою назвою вкоротила його життя... На сорок першому році, коли його письменницький талант ще тільки розквітав...

З Миколаєвом пов'язаний короткий, але чи не найплідніший період Григуркового життя. Так, він приїхав у корабельне місто відомим. За плечима було кілька повістей, був «Канал», було звання лауреата Республіканської премії імені Миколи Островського, було здебільшого позитивне суголосся критики. Але в Миколаєві він написав найзначніші і, певно, найзріліші свої романи «Далекі села», «Ватерлінія», «Червона риба», в яких і розкрилися найповніше сила і хист художника. Я не буду аналізувати ці твори, критика про них писала достатньо. Мені ж хочеться розповісти про Івана більше як про людину – в цьому теж можна знайти, якщо пильніше придивитися, ключик до його творчості, – про роль миколаївської землі в його творчому житті і його вплив на літературне життя краю.

Дехто схильний вважати, що тільки випадок долі привів Григурка в Миколаїв. Що ж, елемент випадковості в цьому є. Однак, за великим рахунком, він – людина аж ніяк не випадкова у літературній біографії Миколаївщини. Іван – степовик, народився в невеликому селі Волярці Одеської області, де марили дощами і розвозили бочками воду попід хати. Все життя пройшло на Півдні: Волярка, дитбудинок, Одеський університет, херсонські степи, корабельний Миколаїв. І за характером Іван – степовик: відкритий, простий, зрозумілий. Навіть не знаю, чи зміг би він так плідно творити в іншому місці, у відриві від цього гарячого, порепаного, спраглоного ґрунту...

Критика нерідко відносила Григурка до так званого «сільського» напряму в літературі, але його ж досвід зайвий раз заперечує типологічний поділ літератури на сільську, виробничу, екологічну тощо, відтінює його штучність і надуманість. Бо є література як людинознавство, її цікавлять не стільки сільські, промислові, політичні чи природозахисні проблеми, скільки людські характери, які випробовуються цими проблемами. І справді, якщо керуватись таким хибним підходом, то «Далекі села» – це сільська проза, «Ватерлінія» – виробнича, «Червона риба» – екологічна... Куди ж віднести письменника? – До Літератури...

Думається, «Далекі села» нав'язні Григуркові почасти рідною степовою Воляркою, а почасти – журналістськими стежками до далеких хуторів і ферм Херсонщини і Миколаївщини. Бо саме після таких короткочасних та нелегких відряджень він повертався задумливим, заглибленим у себе. Інколи в нього виривалося наболіле:

– Ми так охоче пишемо про Кам'янку, Щербані, Себине та інші, віднесені до рангу зразкових... Але є ще глухі, забуті богом і людьми села, без асфальту і палаців культури... Хто там живе? Чим живе?..

У його голові визрівав задум «Далеких сіл».

Трапилось так, що деякий час я не був у Миколаєві, і тому був приємно вражений, коли весною 1978 року при зустрічі Іван підписав мені щойно видрукувану книжку.

І знову, перечитуючи роман, знайомлячись із Кесарійським, Тунієм, Нещадимом, я ловив себе на думці: десь уже з ними зустрічався. Еге ж, на сторінках газети, під іншими, справжніми прізвищами... Приблизно таке сказав Іванові. Він засміявся:

– Я сам з газети виріс. І залишаюся газетярем...

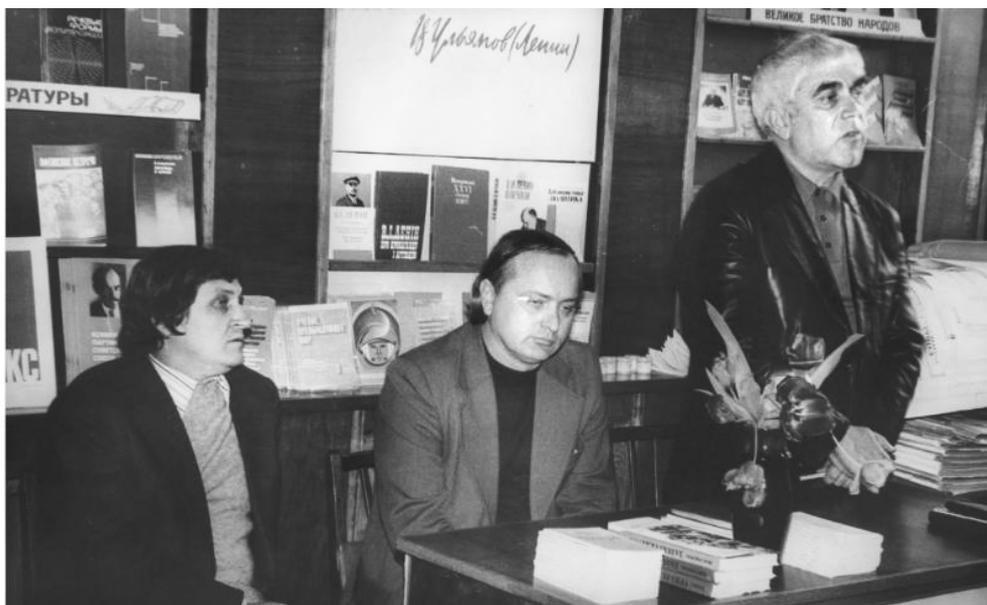
Тоді він уже жив корабельною стихією. Працював повільно і велетрудно. Про свою творчу «кухню» розповідав не криючись:

– Не люблю авторучку. Ручкою не пишу. Відразу цокаю на машинці. Як бог на душу покладе. Стилістично неоковирно, бува. Іноді не закінчуючи речення, починаю інше. Не зважаю на помилки. Потім усе це вичитую і редагую олівцем. Передруковую. Потім знову правлю і передруковую. Доти, доки не дотягну до пристойного рівня.

Було б відступом від правди сказати, що Григурко був таким собі роздай-хлопцем з душею навстіж. Він ніколи себе не вирізняв з-поміж інших, завжди був рівним у взаєминах і привітним. Але міг «піти» в себе і, перебуваючи серед людей, відмежуватись від них: тілом він тут, поруч, а душею в іншому місці, серед образів, вигаданих його уявою. Проте за натурою він завжди був добрим.

Ця доброта, здавалося мені, була закладена, запрограмована ще в нелегкі дитбудинківські роки. Людина, яка знає на власному досвіді, почім фунт лиха, не може бути глухою до горя і прикрощів інших.

І ще одна риса – постійна прихильність до тих, хто пробував свої сили в красному письменстві. Це не було покровительством, такою собі зверхньою поблажливостю маститого письменника. Він для кожного знаходив особливе слово, щире і підбадьорливе. То було слово зацікавленої людини, ненав'язливого друга.

Зустріч із читачами: Іван Григурко, Валерій Бойченко та Еміль Январьов

Пам'ятаю, коли вийшла моя книжка нарисів «Скарби південного степу», власне, перша, ілюстрована кольоровими та чорно-білими фотографіями мальовничих куточків Миколаївщини, Іван першим щиро поздоровив.

– Ти знаєш, просто проковтнув за один вечір, – сказав він, потиснувши руку, – от тільки фотографії, по-моєму, зайві: вони відвертають увагу. І взагалі: переходи на художню прозу...

Припускаю, що Іван перебільшував в оцінках, але аж ніяк не лукавив. Він у кожному журналістові ладен був бачити потенціального письменника.

Працював Іван напружено і багато – якщо працювалося, тижнями не виходив на вулицю. Якщо ні – його тягнуло на люди. Заходив до редакцій, з'являвся у Спілці, гомонів із зустрічними знайомими. Ніби набирался снаги від людей. Іноді зазірав до невеличкого скверу біля готелю «Україна» у центрі Миколаєва – тут збиралися шахові фанати. Любив спостерігати за двобоєм на шахівниці, ловити гострі репліки. Він і сам захоплювався цією грою, здається, мав досить високий спортивний розряд, принаймні грав пристойно. Бувало, займав чергу «на виліт» і ставав за шахівницю.

Грали там, як правило, «на інтерес», і той «інтерес» дорівнював трьом карбованцям. Іван приставав на ці умови, бо для нього вся насолода була в азарті гри. Коли програвав, з легкою душею віддавав троячку, коли виграв, грошей не брав.

Траплялося, що Іван днями пропадав у скверіку. Друзі помітили цю його слабину, і вона стала мішенню для місцевих дотепників. Здається, Дмитро Кремінь якось «вистрілив» експромтом:

Раз – фігурка, два – фігурка,
Ось і творчий день Григурка.

Іван тільки добродушно посміхався у відповідь.

У журналістських і літературних колах Миколаєва Іван мав незаперечний авторитет. Його любили як талановитого письменника і шанували як зичливу і скромну людину. Він не втручався в суперечки, якщо ті переходили із творчої сфери в царину особистих симпатій чи антипатій. Не зносив групівщини. Але схилився перед особистостями. Особливо поважав Адріана Митрофановича Топорова – за ерудицію, інтелігентність, щедрість душі і незгасний оптимізм.

Якось при зустрічі Іван мовив легко і весело:

– Запрошую на курорт. Особистий. Я купив халупу на Кінбурні. Вибери днину і поїхали – не пошкодуєш: сонце, море, повітря, пісок. І юшка з бичків, – Іван аж прицмокнув од задоволення.

У щоденній суєті так і не випала вільна днина. Тепер можна тільки пошкодувати. Іван багатьох запрошував до себе на «дачу», і багато хто зміг цим скористатися. Запрошував Іван не для похвалби – хвалитися, власне, нічим: халупа вона і є халупа. І не для того, щоб потішити чиєсь самолюбство. Просто він не міг, щоб не поділитися з друзями своїм відкриттям.

А цього разу він відкрив для себе чудесну місцину на величезній піщаній косі...

І справді, Покровка, де Іван купив стару хатину, розташована в мальовничому куточку Кінбурнської коси. З одного боку – Дніпровсько-Бузький лиман, з другого – море, між ними рукотворний хвойний ліс серед піщаних кучугур. А нерукотворний – Волижин – старезний, тінистий, можливо, із залишків Геродотової Гілеї – теж недалеко, за кілька кілометрів.

Дивувало, що хати у селі начеб порозбігалися одна від одної – на такій відстані забудовані. І вулиці у звичному розумінні не було – притрамбована колія у пісках. Вода не глибоко, тому майже у кожному обійсті копанка. Помідори, вирощені на піску, аж іскряться, коли розломиш. Повітря справді райське – солоність морського прибою, аромат розпареної сонцем хвої, духмяність степового різнотрав'я...

Іван перезнайомився із сусідами, часто бував у місцевих рибалок, ходив до будівельників, які споруджували на близькому півострові штучну ферму-розплідник для вирощування мідій. Бродив пісками, вудив бичків у морі, варив юшку, купався у солоних озерах, виходив на фелюгах з рибалками. Гомонів з єгерями і лісниками. Чи не з них зібрав по рисочці образ старого Передрія для «Червоної риби»? Серед молодих романтиків і нероб, яких ніби магнітом притягувала коса, певно і надивав тих, з кого ліпив свого майбутнього Роберта Журибіду. Червона риба заволоділа його уявою. Після гемінгвейвської меч-риби, після астаф'євської цар-риби... Але ця не схожа на інші, Григуркова червона риба.

В усіх його творах я відчуваю присутність автора. Він брав образи із життя і не приховував цього. Тому за ними постійно вгадується постать Григурка. У «Червоній рибі» проступає прямий образ автора. Він втілений у журналісті Ількові Стані. Придивляєшся до Стана і бачиш Григурка...

Чомусь мені здається, що «Червона риба» мала б бути етапним його твором. А стала посмертним. Як і «Ватерлінію», йому не довелося навіть потримати в руках видрукований роман...

...Пригадую нашу останню зустріч – літнього вечора на миколаївській вулиці. Іван зовні був такий, як і завжди. Привітно подав руку. Щось змінилося тільки в його очах, його погляді. Що саме, тоді я не збагнув. Уже згодом, коли до мене дійшла сумна звістка, постала в пам'яті та зустріч. І мені здалося, що тоді, на миколаївському проспекті, у його очах була ледь помітна, глибоко зачаєна сумовитість.

Іван запропонував:

– Знаєш що, ходімо до мене, посидимо часинку...

Він жив недалеко, і за кілька хвилин ми були у нього вдома. Іван сказав вибачливо дружині:

– Надю, ми посидимо на кухні, гаразд? Треба погомоніти...

Розмова була незначуща. Грали в шахи, перемовляючись словом, щось вечеряли нашвидкуруч і знову грали. Але звичного азарту не було, гра не йшла, і ми її облишили. Іван провів мене. Попрощались.

Я пішов із відчуттям чогось недоговореного, ніби Іван хотів мені щось сказати і не наважився. Я не міг знати, що то була наша остання зустріч...

От і все.

Хлопець із далекого села на Одещині, пройшовши таврійськими степами, тамуючи спрагу із прокладених людьми каналів, провів останні свої роки у корабельному місті, завжди орієнтуючись на ватерлінію людської гідності.

«Червона риба» закінчується роздумами Роберта Журибіди, який ні за що потрапив до колонії, про все те, що з ним трапалося. Він сам себе уявляв великою рибиною, другом білуги, яку не зумів уборонити від бракон'єра. Він уявляв себе червоною рибиною, викинутою на берег, і задихався. Журналіст Ілля Стан поспішав йому на поміч і запізнювався на останній рейс катера. Трап уже прибрали, але капітан помітив Передрієвого Воронка, який відчайдушно місив копитами вологий пісок, і махнув рукою матросові, щоб той знову викинув трап...

Ці рядки Іван дописував у лікарні. Ніхто йому не міг викинути трап, по якому можна було б вібратися на палубу життя...

Ще далеко було до полудня віку...

Залишилася тільки глибока течія його думок і почуттів, утілених у слові...

Карпенко Віталій Опанасович. Український журналіст, науковець, громадський діяч. Завідувач кафедри журналістики в університеті «Україна», публіцист, письменник, народний депутат 1-го скликання, кандидат філологічних наук, доктор суспільно-економічних наук Українського Вільного університету (Мюнхен, ФРН), голова Асоціації світової української преси (2001), член президії Національної ради Конгресу української інтелігенції. Член НСЖУ (1961), член Національної спілки письменників України (1982), заслужений журналіст України (1992), член Ради старійшин УНП «Собор» (1999). Автор 32 книг та підручників.

Анатолій КАЧАН

ДОРОГА У ШИРОКИЙ СВІТ

Біографічні нотатки

*На порозі села степового,
У зеленому храмі його
Помолюся Південному Богу
За столицю Дитинства мого.*

«Пісня джерела»

I

Ось уже понад сорок п'ять років я живу в столичному місті Києві. А столиця мого дитинства знаходиться далеко звідси, на півдні України. Це засноване ще в козацькі часи рідне село моїх батьків Новопетрівське, що розкинулося, або як там кажуть – «сидить», на лівому березі Південного Бугу, неподалік від райцентру Нова Одеса на Миколаївщині. Саме там річка широко розливається і поступово переходить у Лиман. Десять років я ходив стежками і дорогами цього степового села, а потім знов і знов повертався до нього з берегів Чорного моря, Черемоша, Дунаю і Дніпра, у снах і поезіях. *«Із гір захмарних і лісів, Як найдорожчий дар природи, У двох долонях берегів Несе наш Буг до моря воду. А біля нашого села, Навпроти давнього кургану, Буг п'є з живого джерела І котить хвилі до Лиману...»* («Райський сад»).

Українське Причорномор'я здавна було заселене й обжите. У роки мого післявоєнного дитинства в степу ще можна було зустріти кам'яну бабу, мовчазного свідка тих далеких часів. А порослі сивим полином могили-кургани, як степові піраміди, височіють повсюди і тепер. Десь у середині 70-х років поблизу села Ковалівка, що на протилежному березі Бугу, була розкопана знаменита Соколова Могила з багатим похованням сарматської жінки-жриці, а за версією місцевих мешканців – знатної амазонки. Трохи вище по річці, де шумлять про минуле Мигійські пороги, знаходилася прикордонна Бугогардівська паланка Запорозького козацтва, де півень співав на три держави. Серед численних островів на річці є там і острів Мамаєва, а в селі Мигія (в перекладі з грецької – «Моя земля», або «Магія») – прізвище Мамаєнко.

Мабуть, це дало підставу припустити, що саме звідси родом легендарний козак Мамай.

«Затих наш клас, бо на урок Прийшов до нас Козак з казоК. Козак з казоК нам бив чолом, А кінь – копитом під вікном. Козак з казоК на кобзі грав, А кінь іржав і гарцював. – Хто ж цей козак? – А пригадай... Звичайно, це козак М а м а й. – А як же звать його коня, Коня, що зайця обганя? – Коли цей коник під вікном Ще не дружив із козаком, А був лошатком-стригуңцем, Його назвали В о р о н ц е м. Тепер це блискавка і грім, А козакові – побратим.» («Козак з казоК»).

На фото: знак «0 км» – «Нульовий кілометр» Дунаю на о. Анкудинове.

За Мигійськими порогами по берегах річки аж до Лиману були розкидані козацькі зимівники, які з плином часу розрослися і стали хуторами, селами. Це позначилося не лише на мові спілкування, а й на звичаях та обрядах, які у післявоєнні роки ще зберігало і наше безпаспортне село. Скажімо, під час свайби (весілля) на столі завжди стояло обліплене здобним тістом весільне гільце як символ Дерева Життя. А колоритні українські прізвища – Блакитний, Гунченко, Дзюба, Лиховід, Чепіженко, Хлівний, Твердохліб, Завірюха, Курпан, Щербина – не перевелися тут і досі. Довго я не міг докопатися до походження дівочого прізвища моєї матері – Радутна. Аж поки у книзі «Історія запорозьких козаків» Д. І. Яворницького не знайшов роз'яснення, що радутами в козацькі часи називали споруди (січові курені) при сторожових бекетах (пикетах) для охорони східних і південних кордонів їхніх володінь, «особливо при Дніпровському і Бузькому лиманах» (К.: Наукова думка, 1990, т. I, стор. 315–316). Очевидно, за одним із козаків, який ніс сторожову службу при радуті, згодом могло закріпитися і таке прізвище.

Саме із цього села я виніс перші найяскравіші враження, оскільки світ відкривався тоді повному, крізь магічний кристал дитинства. Цілими днями пропадали ми на річці, в садах, у степу, у плавнях, де під час війни упав німецький літак. Як на хвилюючі вистави, ходили дивитися на льодохід і повінь (по-місцевому – згін), на пожежі у плавнях і в селі (хати були вкриті переважно комишем), на степові марева, на вирубані сади (через неможливість платити податок за кожне фруктове дерево). І все це було в голодні післявоєнні роки, коли при світлі каганця потайки крутили жорна, хати опалювали комишем і висушеним кізьяком, мамалигу краяли ниткою. А мій дід Василь, колишній унтер-офіцер Лубенського гусарського полку, як солдат із відомої казки Андерсена, добував вогонь кресалом із кременя, бо на горезвісні трудодні не можна було купити навіть сірники. А баба Настя, народжена в рік, коли в Америці Едісон винайшов електричну лампочку, проживши майже дев'яносто років, так і померла без електричного світла в хаті. Мабуть, через усе це я й досі не люблю чорних та сірих, як макуха післявоєнних років, тонів ні в одязі, ні в своїй поезії, в якій навіть зима приносить скупу радість («Щедра зима», «Летять із гірки санки», «Зима щедрує по дворах», «Річка сховалась» та ін.).

«Річка сховалась: є і нема – Льодом заскліла річку зима. Там, де рибалки сипали сіть, Можна сьогодні пішки ходити і розглядати щуку на дні, Наче крізь чисте скло у вікні. Там, де латаття влітку цвіло, В гості побігла стежка в село. Ріжуть алмазом лід ковзани Там, де гойдала хвиля човни. Січень надворі, а для дітей Річка щецече, мов соловей: Кине хто грудку чи камінець, – Тьох-тьох-тьоххає лід-ясенець».

Дід Василь Васильович Катрич (1870–1965), унтер-офіцер 24-го гусарського Лубенського полку

А народився я посеред воєнної зими 16 січня 1942 року в сусідньому селі Гур'ївка, яке в роки Голодомору було на «чорній дощці». Перед війною мій батько, Леонтій Варфоломійович, працював там токарем машинно-тракторної станції (МТС), відомої за кінокомедією режисера І. Пир'єва «Трактористи». Професія, що вимагала зосередженості і точності, відбилася на вдачі батька, в селі його називали акуратистом. Любив розповідати, як він грав на більярді з популярним кіноактором М. Крючковим, який, бувало, поєднував азартну гру з репетицією пісні «Три танкісти». Про ті далекі події нагадує трактор на постаменті при в'їзді до села. А от кургану з хрестом на згадку про померлих від голоду в 1932–1933 роки тут досі немає. При дорозі, в оточенні плакучих верб, є лише степова криниця з написом: «Ой у полі криниченька на чотири зводи, Любив козак дівчиноньку на довгії годи».

Мати, Клавдія Василівна, теж мала технічну жилку, при потребі могла розібрати, а потім

скласти деталі годинника чи швейної машини «Зінгер». Ще до заміжжя, в роки штучної голодовки, виїхала вона з братом на Донбас, вивчилася на водія трамваю. Після війни, вже у рідних краях, працювала в каменоломні, потім освоїла професію лебідчиці, вагонетками доправляла пиляний камінь-ракушняк до річки на баржі. Маючи добру пам'ять, знала уривки з «Катерини» Шевченка, із вражаючими подробицями розповідала про бачене і пережите, зокрема про голод початку 20-х років, від якого рятувала річка (ловили рибу саморобними сітками або кітцями з комишу, а взимку добували з-під льоду чортів горіх – водяні горішки). І мати, і баба Настя були живими носіями колоритних народних виразів, звичаїв та обрядів. Так, завершуючи збирати врожай на городі, вони обов'язково примовляли: «Спасибі, ниво, що нам родила». Згодом, уже в студентські роки, я хотів навіть писати дослідження про магію народних замовлянь (раціональне і містичне як відображення їх двоїстої природи). Але мені дали зрозуміти, що вивчення «забобонів» – не актуальна тема. Невимушені уроки з усної народної творчості привели мене згодом до ігрової поезії та етнопоезії, зокрема мовних ігор з прислів'ями, прикметами, замовляннями, фразеологізмами («Язык до Києва доведе», «Дивувалися ліси», «Проростай, зерно» та ін.), а також з безконечниками та словами-двійниками: *«По дорозі їхав в і з, Він із лісу дрова в і з. А на греблі через с т а в Заскрипів наш віз і с т а в. Тато мій оглянув в і з І сказав: – Зламалась в і с ь. – Я до хати дрова н і с І замерз у мене н і с».*

Батьки (1935 р.)

Іноді на виступах мене запитують, яким було перше знайомство з книжкою та художнім словом. Наприкінці 40-х років, коли я починав читати, книжка в селі була великою рідкістю. Але, може, в цьому була й перевага, що художнє слово, легенди, повір'я, перекази південного краю я пізнав спочатку з усних джерел. Першим віршем, який запам'ятав, була почута від матері співомовка С. Руданського «Сто вовків». Першими словами, які прочитав, були «КОГО ЛЮБЛЮ, ТОГО ДАРУЮ. 1865» – напис на мідному дзвінку, яким я лякав шпаків у вишневому саду матеріної сестри Марії Василівни Чорноморець. А книжкою, яку прочитав самостійно, були «Три ведмеді» Л. Толстого, до речі, українською мовою. Щоправда, на авторів ми тоді не звертали уваги. Цікаві книжки супроводжували захопленням вигуком: «І придумав же хтось!», хоча цей «хтось» був зазначений на обкладинці. Улюбленою грою було викликати в уяві потік «картинок» із прочитаного, почутого або «придуманого». Наприклад, я виразно «бачив», як на початку війни зривали залізничний міст через Буг, як розбігалася від вибухів череда, хоча й не був очевидцем тих подій. Прикривши долонею очі, міг розповідати в колі однолітків, що бачу на річці чи в степу – свого роду дитяче яснобачення. Ця гра в перевтілення та самонавіювання стала мені в пригоді, коли захопився творчістю для дітей. На моє переконання, чистота і свіжість сприймання світу крізь призму дитячого яснобачення та свобода самовираження є обов'язковими для кожного письменника, який прагне знайти спільну мову з юним читачем. *«Знову на білім світі Райські настали дні: Як молоком облитий, Тьохкає сад пісні. Знову над нашим хутором З хмари, що йде на Крим, Склавши долоні рупором, Пробує голос грім. Ніби школярка з бантами, Що в перший клас пішла, Вперше в житті під хатою Яблунька зацвіла. Яблунька та завітчана Тихо мені бринить: «А відгадай-но, дівчинко, В квітці якій дзвенить?..» («Райські дні»).*

Та, як кажуть, не тільки світу, що у вікні. Незабаром, у десятилітньому віці, довелося мені прощатися і зі степовим селом біля Бугу, і зі своїм голодним, але таким багатим та щедрим на враження дитинством. Вони оживуть і відгукнуться з часом у низці поетичних творів: «Райський сад», «Пісня джерела», «Степова криниця» та ін.

«У степу над Лиманом Є криниця між трав З журавлем дерев'яним, Що від гурту відстав. А за синім Лиманом Вже багато століть В полинах на кургані Скіфська баба стоїть. Кличе баба хма-

рину: – А ходи-но сюди, Принеси нам, Карино, Из криниці води... Из тієї криниці Натував я коня, Бачив небо в зірницях Серед білого дня. Бачив місяць-підкову І ранкову зорю, І хмарину шовкову Из криниці в яру. Ось таку тасмницю Я неждано відкрив І назвав ту криницю Телескопом степів».

II

Село Засілля Жовтневого району, де влітку 1952 року батько влаштувався токарем ремонтної майстерні, було електрифіковане. Прикрасами над моїм столом стали бронзові та латунні стружки. Поряд проходила залізниця, де я вперше побачив поїзд. Після важкої зими (на початку березня наступного року сніг лежав аж по верхівки дерев) і смерті «батька народів» Сталіна дехто вважав, що настане кінець світу. А мої батьки тільки полегшено зітхнули. Починалися нові часи, які згодом назвуть «хрущовською відлигою». Директор радгоспу, колишній військовий, придбав для клубу великий «офіцерський» більярд, до якого нас не підпускали, аби «пацани», чого доброго, не загнали кия під дороге сукно. Зате ввечері, після кіно, ми могли сповна відвести душу під час цієї в чомусь магічної гри. Новинкою для мене були перегони на велосипедах, гра в шахи та баскетбол, риболовля в ставках на вудки-закидалки з макухою, яку ще недавно я вважав смачною їжею для дітей. Ще одним захопленням стала участь у духовому оркестрі, де мій батько грав на баритоні, а старший брат Валентин на трубі. Згодом, коли підріс, почав вивчати нотну грамоту і я. Перевіривши мій музичний слух на кількох вправах з ритмомелодики, капельмейстер довірив і мені грати на трубі-тенорі. У старших класах, аби наблизити школу до реального життя, були запроваджені уроки з електротехніки. Вів їх не вчитель фізики, а головний інженер радгоспу Костянтин Пилипович Задорожний. На заняттях ми розробляли схеми електропроводок у квартирі, освоювали різні способи скрутки дротів, підключали лічильники електроенергії, заряджали акумулятори, вчилися лазити в «кігтях» по стовпах електромережі. А вечорами збирався гурток радіотехніки, вмикався радіопередавач, і ми виходили на зв'язок з такими ж радіофанатами. І досі пам'ятаю наші позивні: «Тут працює радіостанція РБ-5 КЮ – Роман, Борис, п'ятірка, Костя, Іван, Ольга. Хто мене чує, прошу відповісти. Прийом, прийом, прийом». Згодом разом з атестатом про закінчення середньої школи мені та Володимиру Шостаку, теж сину токаря, вручили ще й свідоцтва четвертого розряду електромонтажника. Сьогодні мій однокласник є професором Національного університету кораблебудування імені адмірала Макарова (м. Миколаїв), автором кількох книг із цієї галузі.

Хоча я вважався успішним учнем (в атестаті серед відмінних оцінок була лише одна «четвірка»), художньою літературою по-справжньому захопився вже після закінчення середньої школи, коли почав працювати монтером радіовузла та брати участь у передачах місцевого радіомовлення. На той час припадають і мої перші журналістські та літературні спроби. В одній із радіопередач я розповів перед мікрофоном жартівливу історію, яку почув від батька. В село прибув молодий представник влади перевіряти посіви популярної тоді культури кукурудзи. З агрономом їдуть у поле. «Кукурудза у нас поливна, зараз знаходиться в стадії молочно-воскової стиглості», – пояснює агроном. Молодий інспектор виламає кукурудзяний качан, надавлює нігтем зерно і міркує про себе: «Молочко є, а де ж віск?.. Звичайно, розбазарили». Холодно попрошавшись із агрономом, іде до керівника господарства. Той вислухав і якось підозріло поглянув на інспектора. «Мабуть, і він замішаний у цю справу», – подумав перевіряючий і подався доповідати в райцентр... Передача прозвучала. А наступного дня не мене, а начальника радіовузла викликав до себе директор радгоспу і накинувся на нього. Мовляв, який інспектор, звідки ви взяли, що ми щось розікрали?.. Дарма мій начальник пояснював, що це був тільки жарт у розважальній радіопередачі, а гумореска не має нічого спільного з нашим радгоспом. Але директора ці аргументи не переконали, бо люди сприйняли передачу, як результат перевірки із району. Це був повчальний для мене урок: треба не тільки передбачати, як відгукнеться твоє слово, а й відповідати за нього.

Першою публікацією була знову ж таки прозова гумореска-бувальщина в районній газеті. Батька, який любив жарти і всілякі розіграші, звичайно, це потішило. Бо більшість сюжетів я черпав переважно з його розповідей. Вважати ті «проби пера» чи «проби голосу» початком творчості, звичайно, не можна. Адже письменником стають не після першої публікації чи першої виданої книжки і навіть не після вступу до Спілки, а тоді, коли автор стає творцем виразного художнього світу. Тому в своїй біографії я вживаю безпретензійний вислів: друкуватися почав у студентські роки.

III

Ще в початковій школі через якусь дитячу хворобу я пропустив перший місяць навчання, тому в мене були проблеми з каліграфією і розхристаним почерком. Та значно важче було знайти свій поетичний почерк. Хоча з 1960 року я вже навчався на факультеті української філології Одеського університету, відвідував літстудію, а поряд були знакові «графологи» – Василь Фащенко, Борис Нечерда, Микола Вінграновський, який знімав тоді в Одесі фільм «Ескадра повертає на захід» і не раз зустрічався зі студентами-філологами, одеськими письменниками. Великий вплив у студентські роки на мене мали лірика Олександра Олеся та Сергія Єсеніна, проза Михайла Коцюбинського і Володимира Винниченка, драматургія Миколи Куліша, живопис імпресіоністів. Мій творчий обрій значно розширили фольклорна і діалектологічна практики, подорож Карпатами (зокрема, побував на Говерлі та в гірському селі Криворівня над Черемошем, де якраз ішли зйомки кінофільму «Тіні забутих предків»). Враження від тієї мандрівки і досі не вивітрилися з пам'яті.

*«Грмить розгнівана гроза Над перевалом І креше з хмар у небесах Вогонь кресалом.
Летять зигзагами в лісі Вогненні стріли, Бо там сховалась від грози Нечиста сила...
Багато літ і зим підряд Чорти запеклі Вивозять СОСни із Карпат На дрова в пеклі.
І каламутять води рік, Струмки прозорі, Які течуть із року в рік Із гір до моря.
Річки несуть дари свої І в Україну, Вони єднають всі краї В одну країну.
Тому так зляться зазвичай Чорти рогаті І каламутять водограй Так заповзято...»*

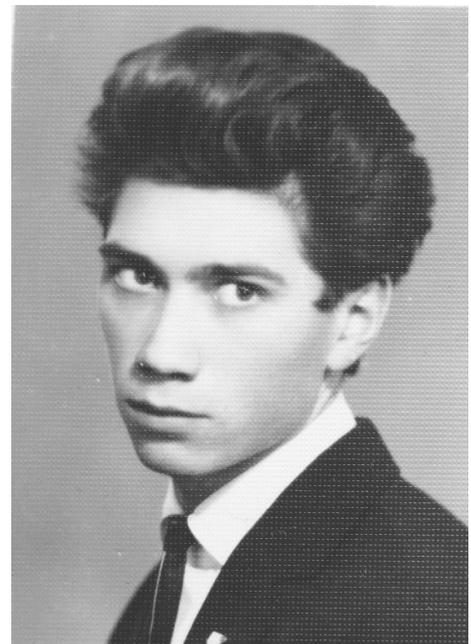
(«Гроза в Карпатах»)

Завдяки декану Івану Михайловичу Дузю постійними на факультеті були зустрічі зі знайомими письменниками – Павлом Тичиною (зберігся його автограф на книжці), Максимом Рильським, Володимиром Сосюрою, Михайлом Стельмахом та ще мало відомим тоді Григором Тютюнником. Андрій Малишко разом із критиком Леонідом Коваленком детально аналізували на літстудії наші вірші, давали нам, молодим і зеленим, професійні поради. Зокрема про те, що сила художнього слова полягає не у вигадунні «красивих» метафор, а навпаки – у його здатності *викликати* в уяві читача чи слухача вражаючі картини та хвилюючі образи. Пізніше цю думку я знайшов у книгах «Алхімія слова» Яна Парандовського та «Психологія народів і мас» Гюстава Лебона: «Могутність слів знаходиться в тісному зв'язку з образами, які вони викликають, і зовсім не залежить від їхнього реального змісту...»

Та оскільки вміння писати не передається як естафетна паличка, довелося мені ще раз перехворіти, цього разу вже на хвороби творчого становлення. Деякі вірші я присвячував вогню, деякі дівчатам-однокурсницям, деякі (лірика, гумор) друкувалися в республіканській періодиці, кілька пісень на мої тексти звучали по обласному радіо.

«Ось земля закурить-затуманиться, Спалахне на деревах листя І в хитку далечінь новобранця-ми Полетять журавлі над містом. Скоро я тебе теж залишу, У дорогу зберусь на осінь І востаннє впаду обличчям У соломку твого волосся...» («Осіньна пісня», музика О. Виноградського, 1963 р.).

Та все це ще нічого не означало, хоч після Володимира Яворівського я був головою літстудії факультету. Після успішного захисту дипломної роботи про українську новелістику 20-х років Василь Васильович Фащенко, який був моїм керівником, у передмові до добірки віршів в університетській газеті «За наукові кадри» (№ 19, червень, 1965) відзначав, що в мені «ще грає «буйний хміль» поезії, але вже зримо щезає шумовиння і через образне поле інколи просвічуються глибинні течії життя». А на завершення дав не дуже втішний прогноз: «Пророкувати щось у наш час – марна справа. Може, Анатолій Качан більше і не писатиме. Та він, хочеться думати, ніколи не забуде, що творчість – це по-

*Анатолій Качан.
Студентські роки (1963 р.)*

шук найголовнішого в житті». Як би там не було, та саме завдяки одеському періоду мариністика стала провідною у моїй подальшій творчості, як це видно вже із назв книжок: «Берегові вогні», «Живу я біля моря», «До синього моря хмарина пливе», «Гуляє парус на Лимані», «За нашим садом грає море».

«По вулицях Одеси В святковому вбранні Акації-принцеси Гуляють навесні. Куди не глянеш вранці – Акації цвітуть, По тихій Молдаванці До моря нас ведуть. Над морем в майський вечір Акації стоять, Накинувши на плечі Південний аромат. З Приморського бульвару, Мов сивий капітан, В зелених окулярах Вітає їх платан. А з гавані Нептуна, Як дівчині моряк, Акаціям-красуням Підморгує маяк. Коли у білій тиші Акації цвітуть, Стає вночі світліше У місті і в порту. Шепоче хвиля хвилі: – На берег подивись – Це знову ночі білі В Одесі почались» («Білі ночі в Одесі»).

Однак тоді з дипломом випускника університету я почував себе як стрілка компаса на магнітній аномалії: в якому напрямку йти далі? Сумніви, вагання почали розвіюватися, коли разом із однокурсником Григорієм Клочоком, нині відомим професором-літературознавцем, ми опинилися за призначенням у незвичайному містечку Вилкове, яке іноді називають ще українською Венецією в дельті Дунаю. І справді, все воно помережане каналами-єриками, а основним транспортним засобом з давніх-давен там залишаються човни. На відміну від козака з відомої в усьому світі української пісні, який на коні їхав за Дунай, добирався я туди теплоходом, і не воювати, а вчителювати. Перш ніж навчати юних вилківчан, довелося мені самому вчитися ходити по скрипучих кладках і містках – з будиночка серед айвового саду біля вулиці Придунайської до школи. Там, серед мальовничої природи, яка сама по собі сприяє розквіту поетичного світогляду, ми випробовували на уроках та в шкільній літстудії університетські знання, а також різноманітні форми залучення дітей до самостійної творчості (щоденникові записи, твори за прислів'ями, вправи з розвитку спостережливості, почуття гумору та оригінального мислення, зокрема розв'язування головоломок і т. ін.). Провідними у наших пошуках були думки з цього приводу Льва Толстого та Василя Сухомлинського, які досягли вражаючих результатів при втіленні своїх ідей у шкільну практику. Зокрема, обидва педагоги були переконані в тому, що коли учень у школі не навчиться нічого творити, то і в дорослому житті він буде тільки наслідувати, копіювати інших. Хіба це не актуально для сучасної школи, у якій процес творчого засвоєння знань усе частіше підміняється механічним скачуванням з Інтернету?..

Саме завдяки перебуванню в легендарних придунайських краях, самобутній творчості юних вилківчан та хвилюючим враженням власного дитинства я змінив свою «жанрову орієнтацію» і захопився літературою для юних читачів, у яку згодом мене благословила Наталя Забіла, рекомен-

А. Качан серед учасників турніру шахопоезії, присвяченого пам'яті М. С. Вінграновського (м. Миколаїв, 2011 р.)

дувавши до вступу в Спілку письменників, очолювану на той час Павлом Загребельним. Але тоді я вже був автором кількох книжок з маркою видавництва «Веселка», мав досвід роботи в багатотиражних дитячих журналах «Піонерія» (тепер «Однокласник»), «Барвінок», «Соняшник», у республіканському літоб'єднанні школярів «Первоцвіт» та в газеті «Вечірній Київ», де в роки її найвищої популярності вів сторінку творчого саморозвитку дітей «Кораблик», яка згодом переросла в самостійне видання «Я Сам//Сама»...

Вилківські канали-єрики, айвові сади та виноградники на островах з рідкісним сортом «новак», комишеві плавні і знак «О км» («Нульовий кілометр») Дунаю часто сняться мені, живуть у багатьох поезіях: «Біля тихого Дунаю», «Молодий місяць», «Розливається Дунай», «Гойдалка біля Дунаю», «Світанок у плавнях», «Квітка Сонця».

«Розбудіть мене, очеретянки, У зелених плавнях при Дунаї: Я люблю дивитись на світанку, Як із моря Сонце випливає. Батьківщина Сонця – десть на сході, Мій прапрадід – десть із Аргентини. Ну а я живу тут на городі, І моя вітчизна – Україна».

Минуло вже п'ятдесят літ і зим з того часу, коли мене призвали в армію до Криму, і я змушений був покинути колоритне містечко Вилкове, де прийшло до мене усвідомлення неповторності і святості Дитинства і яке остаточно визначило мою подальшу літературну долю. На наших календарях змінилося не лише століття, а й тисячоліття. Та й досі перед моїми очима стоїть образ дівчинки з вулиці Придунайської. Замість ранкової зарядки я кидав лопатою в господарський город родючий намул із берега Дунаю, а юна вилківчанка гойдалася між високими яворами на гойдалці-маятнику неповторного і водночас такого ж швидкоплинного, як води річки, Дитинства – світанкової пори нашого скороминучого життя. Без дитинства воно було б таким же безплідним і неприродним, як дерево без цвіту, як рік без весни.

Я на гойдалці гойдалася, Наді мною угорі Білі хмари хилиталися І шуміли явори.

А внизу до моря синього Тихо воду ніс Дунай З гір зелених, що вершинами Підпирають небокрай.

Як на маятнику тихому, Я на гойдалці пливла, Білі руки небом дихали, Ніби два мої крила.

Ось я – ластівка: без страху Набираю висоту І злітаю вище даху, Вище яблунки в саду.

Ось я чайкою чубатою Понад хвилями лечу, На льоту пісні вигадую І співаю досхочу:

Я на гойдалці гойдалася, Наді мною угорі Білі хмари хилиталися І шуміли явори...

«Гойдалка біля Дунаю»

Зустріч з юними читачами

P.S.

Подальші версти моєї життєвої і творчої дороги, зокрема київський період, досить повно висвітлені на сайті Національної бібліотеки України для дітей, зокрема у виданому там біобібліографічному нарисі-показчику, в хрестоматіях та антологіях, у численних рецензіях, статтях та інтерв'ю з проблем дитячої літератури. Та оскільки творчість є пошуком найголовнішого в житті (В. Фашенко), найсуттєвіше про письменника можна знайти в його творах.

Звичайно, прикро, що в наші комп'ютеризовані часи художньому слову, як чистому джерелу до річки, все важче торувати дорогу до юного читача. Однак справжня література, яка «на зорі туманних років» здатна стати опорою в житті, допомагає шукати свою дорогу не наважання, не навапмацки, ще не вичерпала своїх можливостей. І ось чому. Дитинство неповторно сприймає світ, та в нього немає досвіду. Недарма кажуть, що мати дає дитині життя, а роки – досвід. Але чи варто, склавши руки, чекати, коли минуть роки і з'явиться досвід? Адже прочитати самобутню, знакову книжку – це все одно що прожити з її автором і персонажами досі незнане життя і при потребі зробити для себе відповідну корекцію. Такі книжки справедливо називають кораблями, що через моря і океани Часу перевозять мудрість від одного покоління людей до іншого. Якби я не вірив у магічну здатність Слова запалювати іскру в очах, викликати у читача хвилюючі образи і картини, настроювати душу на гармонійний лад, на співпереживання, то ніколи б і не брався за перо, не витрачав би добру половину свого життя на марну справу.

Тішить те, що останнім часом з'явилося багато різноманітних і цікавих форм залучення нашої юної зміни до книжки. Наприклад, під час щорічного свята гумору «Язик до Києва доведе» в Національному музеї літератури України за творами українських письменників неодноразово ставилися театралізовані інсценівки за участю юних артистів, аби вони відчували себе не сторонніми спостерігачами, а безпосередніми учасниками дійства. А зі створеними в Національній бібліотеці України для дітей мариністичними колажами на теми моїх віршів про море (гурток декоративного мистецтва «Весела майстерня», керівник Світлана Копйова) я об'їздив пів-України. В Інтернеті з подивом і цікавістю переглянув мультики за своїми віршами, створені юними вінничанами. Разом із племінником, міжнародним гросмейстером з шахів Олександром Зубовим, ми провели в школі села Баловне Миколаївської області, на батьківщині нашого діда-гусара, свято шахопоезії. А цієї осені переконався, що моїми співавторами можуть бути не лише діти-артисти, діти-художники, діти-музиканти, композитори (В. Кирейко, К. Мясков, К. Шутенко, Ю. Шутенко, Т. Димань, В. Манько, В. Лепешко, Г. Улицька, А. Олейникова), а й квіткарі. Це вони на Співочому полі в Києві створили квіткову композицію із хризантем на тему мого жартівливого вірша «Дощова осінь» («Водить осінь хороводи, Під мелодії дощів На прогулянку виходять Парасолі і плащі...»).

Все це найбільше спонукає мене до творчості, адже письменник без читача, як степова дрохва під час ожеледиці – ні далеко, ні високо не полетить.

Київ, 2012, 2017

Качан Анатолій Леонтійович. Дитячий письменник, культурний діяч. Народився в с. Гур'івка Новоодеського району Миколаївської області 16 січня 1942 р. Закінчив факультет української філології Одеського державного університету ім. Мечникова (1965). Працював кореспондентом молодіжної газети «Комсомольська іскра», редактором книжкового видавництва «Маяк» (Одеса). З 1971 року живе в Києві. Протягом тривалого часу очолював літературні відділи в дитячих журналах «Піонерія» (тепер «Однокласник»), «Барвінок», «Соняшник», республіканське літоб'єднання школярів «Первоцвіт». Був на державній службі в Міністерстві України у справах преси та інформації, в Комітеті з Національної премії України ім. Т. Шевченка. З 2003 року – голова творчого об'єднання дитячих письменників Київської організації НСПУ. Член редколегії журналу Спілки українських письменників Словаччини «Дукля». Автор 15 книжок для дітей та юнацтва, твори широко представлені в хрестоматіях та антологіях української дитячої літератури. Заслужений працівник культури України (2001). Лауреат літературних премій: ім. М. Трублаїні (1982), ім. Лесі Українки (2002), ім. В. Близнеца «Звук павутинки» (2004), ім. Б. Нечерди (2006); літературно-мистецької премії «Київ» ім. С. Плужника (2009). Член НСПУ (1979).

Людмила СТАРОВОЙТ

НЕДОСПІВАНА ПІСНЯ ДМИТРА НАДІІНА

Повороти долі

Коротке, але насичене життя випало на долю нашого земляка Дмитра Пимоновича Надііна. Він народився 21 жовтня 1907 року в с. Володимирівка (тепер Казанківського району Миколаївської області) у селянській родині. Після закінчення школи в рідному селі навчався у Херсонській профшколі. Далі – роки навчання в Миколаївському інституті народної освіти (1927–1930). Після його завершення він здобув кваліфікацію вчителя суспільствознавства, української та російської мов і літератур. У державному архіві Миколаївської області збереглася книга видачі дипломів, де вказано, що Д. Надіїн одержав диплом про освіту в 1935 році (загадку про те, чому диплом не відразу потрапив до рук випускника вишу, мабуть, уже розгадати не вдасться: більшість довоєнних архівних документів Миколаївського інституту народної освіти втрачено). Ще під час навчання в інституті юнак активно працював у літературному об'єднанні «Стапель». Перші публікації його творів здійснені в 1927–1928 роках, а в 1929 році у місцевому видавництві «Геть неписьменність» вийшла перша книжка віршів «На світанні». Ось як згадує про цей час побратим Д. Надііна Степан Крижанівський: «Ми любили Пушкіна і Шевченка, Блока і Багрицького, Тичину і Сосюру, своє місто над Бугом, свій педагогічний інститут, своїх друзів-студентів, свою дачу «Освітнянку» та яхт-клуб на схрещенні Бугу та Інгулу».

*Надіїн Дмитро Пимонович
(1907–1942)*

Інтелігент у першому поколінні, навчений у радянській школі та радянському виші, Д. Надіїн у своїй першій збірці оспівував індустріалізацію, велетенські суднобудівні заводи, кораблі, романтику степів Причорномор'я, п'янке почуття кохання. Його захоплювала як романтика індустріального міста, так і романтика битв уже минулої громадянської війни.

Потім була служба в рядах радянської армії, журналістська робота на Донбасі, в газетах «Макеевський робочий» та «Радянська Донеччина», а в 1933 році – переїзд до Одеси і робота в редакції журналу «Літературний Жовтень». За цей час Д. Надіїн видав ще дві книжки: «Втручання поета» (1931) і «Прозорість» (1933). Захопила митця і педагогічна діяльність: він читає лекції студентам-філологам Одеського педагогічного інституту, пише ряд наукових статей про творчість Т. Шевченка, Лесі Українки, П. Тичини, В. Сосюри. Починає активно працювати над кандидатською дисертацією «Проблема особи в ліриці Лесі Українки».

Та в усі творчі плани внесла свої корективи війна. З перших днів Дмитро Надіїн – на фронті. Пішов добровольцем, хоча мав бронь. Призваний до війська в Одесі техніком-інтендантом 1 р., інструктором у 114 полк з охорони залізничних споруд. Як відзначав активний дослідник творчості Д. Надііна професор Іван Дузь¹, перебуваючи на фронті, він активно працює в жанрі художньої публіцистики. Його вірші друкуються в армійській газеті, видаються окремими книжечками-метеликами. Зокрема, сьогодні стала бібліографічною рідкістю добірка документальних нарисів «Знатные патриоты», видана в жовтні 1941 року, де автор розповів про воєнні подвиги людей 114 полку НКВС, про долі розвідників, солдат, командирів.

¹ Саме І. М. Дузь, доктор філологічних наук, професор Одеського державного університету ім. І. Мечникова, відшукав частину архівів Д. Надііна і в 1990 році передав їх на зберігання до ЦДАМЛМ України, де вони знаходяться у фонді № 1334 (12 одиниць зберігання).

На початку війни Надіїн почав писати історію полку. Перша частина її була надрукована в жовтні 1941 року. Почалася робота над другою частиною. Але на початку лютого 1942 року між Д. Надіїним і батальйонним комісаром Місаном розгорнувся конфлікт: політкерівникові не сподобалося, як Д. Надіїн висвітлює у книзі про історію полку керівну роль Комуністичної партії в боротьбі проти німецьких загарбників, він не сприйняв те, що там не було вихвалень на його честь. Надіїн залишався при своїй точці зору, тому невдовзі його було звинувачено «стандартно» в контрреволюційній націоналістичній пропаганді, що поет не сприйняв серйозно, бо був росіянином за національністю, та ще й недавно нагороджений за ростовську операцію.

Але Д. Надіїн недооцінив бажання комісара помститися за «зухвальство» автора історії полку. Місан подав рапорт про образу його честі, розпочалося слідство. «Плямю» в біографії Надіїна швидко знайшли: адже був факт його звільнення з роботи і виключення з партії, коли він працював редактором журналу «Літературний Жовтень» в Одесі. І хоч у той час поета було відновлено в партії, він одержав посаду старшого викладача в Одеському педагогічному інституті, тепер колишне звинувачення «запрацювало» проти нього вдруге. Д. Надіїн ще встиг видрукувати другу частину історії полку, вона з'явилася окремою брошурою як додаток до газети «Голос чекіста» 5 березня 1942 року. Та хмари над поетом згущалися. Невдовзі його було заарештовано й ув'язнено.

У цей час (з листопада 1941 по липень 1942 року) Ростов-на-Дону і його околиці утримували радянські війська, але німці весь час намагалися прорвати лінію фронту. Трапилося так, що заарештований Д. Надіїн і вартовий, що його охороняв, були покинуті напризволяще в штабі полку (одна з кімнат якого служила за арештантську), коли німці ввірвалися в Батайськ (околицю Ростова). Під час бою було вбито і арештанта, і вартового. Ці подробиці загибелі Д. Надіїна досі не є широко афішованими.

Про них повідомив його однополчанин і колега по Одеському педінституту Федір Євдокимович Ткач, а згодом використали у своїх нарисах про Д. Надіїна І. Дузь² та С. Крижанівський³. А в усіх літературних довідниках про смерть поета так і залишилася стандартна фраза: «Загинув у бою під Ростовом у 1942 році». Точніша дата смерті наводиться не скрізь, в окремих довідниках указано початок січня. Де поховано поета, достеменно не відомо.

Ім'я Д. Надіїна, якому доля відміряла лише неповних тридцять п'ять років, не забуде. Після війни були видані його книжки «Я був бійцем» (1957), «Пісня бійця» (1966) з передмовою І. М. Дузя. С. А. Крижанівський разом з дружиною поета Софією Романівною до його 65-річчя та 30-річчя від часу загибелі уклали книгу вибраного «Прозорість» (1972). Передмову до неї написав С. Крижанівський. Деякі твори тут публікувалися вперше з сімейного архіву, окремі дати написання віршів визначалися зі слів упорядника – дружини поета.

*«Я мрію, друже, вікуватъ поетом,
Та треба бути поки що стрільцем...»*

Ці слова взяті з вірша, присвяченого кращому другу молодості С. Крижанівському. Вони зустрілися в Миколаєві. Разом навчалися в інституті, відвідували заняття в літературному об'єднанні «Стапель». Про друга С. Крижанівський згадував: «У нашій дружбі з Дмитром був і елемент змагальності, Дмитро був старший, вольовий, я ж, навпаки, м'якого характеру, ліричного. Обидва з одного району, але він, росіянин, вважав принциповою справою вивчити українську, мову народу, серед якого жив, і писати нею». Вірш-присвяту другові Дмитро написав, коли після закінчення інституту служив у армії. Він надавав цій службі неабиякого значення, вважав, що здобутки молодой держави доведеться захищати, і прагнув до цього бути готовим.

Молодий, свіжий голос поета Д. Надіїна звучав емоційно і щиро. Він славив працю і творчість, захоплювався новими будовами й людьми, що їх зводять. Його емоційний стан романтика-творця, домінуючий настрої великих планів і надій, повноти життя передають наведені нижче рядки, які часто зустрічаються у віршах: «*Буай, життя! Палай, життя!*», «*Завзяття у серці кипить...*», «*Ще молодий, невтертий, Прозорий весь іду!*», «*Ніщо нас не в силі спинить! Ще могутні руки Твої та мої, І завзяття у серці кипить!*», «*Я не зігну плеча, Не за останнього я йтиму сурмача*».

У доробку поета було небагато зразків любовної лірики. Він славить кохання, вірне й віддане. А коли немає взаємності в почуттях, то ладен «*своє невтолиме кохання понести у бенкетну весну*», щоб час залікував сердечні рани.

² Дузь І. М. *Переможці забуття*. – Одеса: Маяк, 1992. – 175 с.

³ Крижанівський С. А. *Спогад і сповідь з ХХ століття*. – К.: Стило, 2002. – 240 с.

Але значна частина поетичної спадщини – епічні твори: балади, поеми, в яких розкриваються епізоди історії українського народу та його сьогодення. У віршах поета оживає Миколаїв з його кораблями й елінгами, індустріальна Донеччина. У багатьох творах – тема оборони країни, відчувається, що армійські будні не минули для поета дарма. Багато творів воскрешають епізоди революції, Першої світової війни.

Митець шукав героїчних характерів і, як правило, знаходив їх в образах рядових бійців. Це дівчина-червоногвардієць, яка була прапороносцем у військовому підрозділі і загинула у вихорі громадянської війни. Це стара куховарка, що втратила в битвах синів, але не занепала духом. Особливий інтерес становить незакінчена поема «Коломан Валіш», яка присвячена боротьбі австрійського пролетаріату за свою свободу.

Звичайно, якщо судити з погляду сьогодення, то деякі твори Дмитра Надіїна є ідейно застарілими, непереконливими, позначені рисами дидактизму. Наприклад, поема «Сокіл та його син» розповідає про тяжкі душевні муки колишнього бійця-червоноармійця, а тепер шахтаря-орденоносця, син якого став вуркаганом. Вони з дружиною не могли переконати сина змінити спосіб життя, а тому зреклися його. Найвищої емоційної напруги автор досягає, розповідаючи про телеграму від сина, котрий повідомляє про своє повернення додому. Після тяжких роздумів батько приймає рішення – покарати сина вбивством, щоб той не плямував честь родини. І от коли він морально підготувався до цього вчинку, раптом помічає на грудях сина, що ввійшов у сіни, такий, як і в нього, орден Леніна. Обушок випав із батькових рук. *«І достойною рукою син, герой Біломорстрою, радо батька обійняв»*. Реалістичності у такій розв'язці, звичайно, мало.

Дидактичною виглядає й кінцівка поеми «Легенда Карпатських гір», у якій розповідається не просто про епізод братання австрійських і руських воїнів у битвах Першої світової війни, а й про бажання австрійських вояків *«здобути вітчизну пролетарів, Вітчизну, що непереможна»*. Достеменно, поет був сином своєї епохи.

Проте поетичний доробок Д. Надіїна продовжує приваблювати читачів чіткими ритмами, карбованими рядками, бадьорими настроями, афористичністю висловів. Так, його пісня лишилася недоспіваною. Але дуже достойно й оригінально ожила у творчості його сина.

Продовження перерваної пісні

«Дорога Софійко! – писав Д. Надіїн із фронту дружині 15 січня 1942 року. – Бережи сина, вчи його української мови, пісень... Хай він буде тим, чим йому належить бути, – справжньою людиною. Вже скучив я за тобою, та нічого не поробиш до кінця війни. Так треба!» Так поет-боєць чітко визначив для себе лінію своєї життєдіяльності на найближчі роки. Так заповідав виховати сина у любові до тієї землі, на якій він народився. Коли батько пішов на фронт, синові минуло три роки. Більше вони не побачилися.

Багато випробувань випало на долю Володимира. Але він виконав батьківський заповіт. Пішов його стежкою: став журналістом. І не просто журналістом. А одним із найвідоміших журналістів Росії. У своєму есе «Победы после победы», опублікованому 15 травня 2013 року з нагоди 68-ї річниці Перемоги над фашистською Німеччиною, він згадує про участь членів своєї родини в Другій світовій війні. Є тут і спогад про смерть батька в бою під Ростовом. Син подає її як наслідок розгрому редакції дивізійної газети німцями, де загинули всі її працівники. Згадує, що мама спочатку одержала повідомлення про те, що чоловік її пропав безвісти, і лише пізніше надійшла «похоронка», тому вона дуже довго намагалася вірити першому повідомленню, бо воно залишало хоч якусь надію. Не можна без особливого щему в серці читати про те, як після повернення з евакуації до Одеси мама Софія Романівна намагалася добитися повернення їм тієї кімнати, з якої батько пішов на фронт. Щоб він їх зразу знайшов, як повернеться. Але, на думку представників влади, для двох ця кімната була надто просторою...

Після закінчення Одеської другої спеціалізованої школи-інтернату з поглибленим вивченням англійської мови в 1955 році юнак вступив на факультет журналістики Московського університету. Починав він свою журналістську кар'єру в російській глибинці (Черемісиновський район Курської області), потім доля його, як і батька, привела на Донеччину, в багатотиражку «Голос шахтаря». Далі – Західна Україна, де Володимир Дмитрович працював у львівській газеті «Вільна Україна», якій завдячує високим рівнем оволодіння українською мовою. Його було запрошено на роботу в одне з

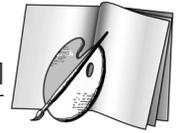
Пам'ятна дошка з нагоди 100-річчя Дмитра Надіїна

провідних періодичних сатиричних видань Радянського Союзу – журнал «Крокодил», де він сім років працював фейлетоністом, та був звільнений після публікації критичного матеріалу про Полтавський обком партії. Майже чверть століття В. Д. Надіїн віддав роботі в газеті «Известия», де довгі роки займав посаду заступника головного редактора. Його фейлетони висміювали найуразливіші недоліки радянського буття, кожен із них сприймався як подія в медійному просторі.

Після розпаду Радянського Союзу В. Д. Надіїн направлений працювати у США власкором «Известий», його публікації вдало поєднували глибину аналізу з захоплюючим викладом матеріалу. Після краху «Известий» працював директором російсько-американської телерадіокомпанії WMNB. Але повернувся в Росію. Став дуже активним дописувачем «Ежедневного журнала», який з 2014 року був заблокований за рішенням Роскомнагляду. Як журналіст-політолог він не замовчував жодних найгостріших проблем. Його статті свідчать про непримиренні опозиційні настрої автора по відношенню до теперішньої кремлівської влади. Він завжди підтримував протестний рух у Росії, засуджував агресивний напад Путіна на Україну, ніколи не сприймав «кримнашівських» переконань своїх співвітчизників. Варто лише прочитати його статті «Украина-Россия: исторический разрыв», «Страх и ужас первого лица», «Дворец хронических лузеров», «Претензии России не имеют четких очертаний, никто не понимает, что ей нужно...» та багато інших, щоб переконатися, яким гострим було перо цього журналіста.

Серце одного з найяскравіших сучасних опозиційних публіцистів Росії Володимира Надіїна перестало битися 12 грудня 2016 року. Колеги по перу, характеризуючи його працю, вказували на високий професіоналізм, гострий розум, енергійність викладу матеріалу, снайперську точність думки, вміння з перших рядків вивести читача на головний задум статті і, звичайно, блискучу іронію, якою володів автор.

Старовойт Людмила Василівна. Кандидат філологічних наук, доцент кафедри української літератури та методики навчання Миколаївського національного університету ім. В. О. Сухомлинського. Лауреат обласної премії ім. Миколи Аркаса в номінації «Просвітницька діяльність» (1996).

Вадим ШПИЛЕВОЙ

ОЧАКОВСКАЯ ОТМЕЛЬ РУФИНА СУДКОВСКОГО

У Очакова, кроме богатейшего наследия, которое неумолимо уходит в небытие, ещё осталось имя. Имя собственное, гремевшее в своё время в столицах Российской империи, произносившееся приятно и вкусно, с налётом экзотики. Оно принадлежало пейзажисту, маринисту, сопернику И. К. Айвазовского, академику живописи – Руфину Гавриловичу Судковскому. Столь странное для славянского уха имя было дано его отцом в строгом соответствии с церковным календарём. В 1850 году на 7 апреля выпал день рождения некоего ветхозаветного Руфа.

Большинство искусствоведов, пишущих о Судковском, непременно наделяют его определением «забытый художник», как бы делая одолжение несчастной, в чём-то невезучей личности. Определение обидное для человека, творческая судьба которого неотделима от истории отечественной маринистики...

Руфин Гаврилович Судковский родился 07 (19) апреля 1850 года в г. Очакове в семье настоятеля Свято-Николаевского военно-морского собора. Отец художника, Гавриил Дионисьевич Судковский (1814–1907), человек смиренный и просвещённый, и в то же время поистине героический, участвовал в Крымской войне, награждён многими наградами, включая ордена Святой Анны 2-й и 3-й степени и орден Святого Владимира 4-й степени.

Детство будущего мариниста прошло в Очакове. Юному Руфину пришлось пережить бомбардировку города французской эскадрой в 1854 году, когда его отец личным примером воодушевлял на артиллерийской батарее отражение вражеской атаки. Об этом поступке военного священника много писали газеты. Был даже выпущен специальный листок для народного чтения – лубок с описанием подвига.

В возрасте 12 лет, выполняя волю отца, Руфин поступил в Одесское духовное училище. А через три года перешёл в Одесскую духовную семинарию. Когда в нём проявился дар художника, сказать трудно. Возможно, к живописи побудили уроки рисования, входившие в курс обучения в училище. В Одессе молодой человек стал посещать вечерние классы рисовальной школы Общества Изящных Искусств, действовавшей под патронажем графа Воронцова, князей Гагариных, видных одесских архитекторов и художников.

Школа долгое время существовала на добровольные пожертвования и не имела постоянного адреса. Для создания соответствующего имиджа в заведение был приглашён из Италии художник Луиджи Иорини, выпускник Миланской академии художеств. Вместе с ним преподавали Сукман, Койнацкий, Бауэр. В школе обучались около 200 учеников. Параллельно с Р. Судковским занятия посещал Михаил Врубель. В классах судьба свела Руфина с самим И. Айвазовским. В итоге в 17 лет молодой человек признался себе и с огромным сомнением в своём выборе отцу, что его настоящее призвание – живопись.

Богословское образование Судковского завершилось в 1868 году с окончанием четырёх общеобразовательных классов семинарии. Отец-священник, сам недурно рисовавший, был против увлечения сына живописью, но родительское благословение на вступление в светское заведение Руфин всё же получил. С 1868 года началось его обучение в Петербургской Академии Художеств и продолжалось неполные четыре года. В знак признательности за родительскую любовь и чуткость Руфин написал и подарил Очаковскому военно-морскому собору две иконы. К сожалению, кроме благодарных воспоминаний о чудесном подарке, сегодня здесь ничто не напоминает об их существовании.

*Руфин Судковский.
Гравюра Ю. Барановского*

В академии Руф показал хорошие успехи в классе живописи. Огромную помощь в овладении техникой рисунка ему оказал Павел Чистяков, воспитавший целую плеяду выдающихся живописцев. Он учил: «Техника – это язык художника; развивайте её неустанно, до виртуозности. Без неё вы никогда не сумеете рассказать людям свои мечтания, свои переживания, увиденную вами красоту». Судковский оказался прилежным учеником.

Курс обучения в классах был довольно плотным: ежедневные лекции, практические упражнения, занятия рисунком, а «по части художеств» ежемесячно устраивались экзамены. Работы экспонировались без подписи. По результатам конкурса отличившиеся авторы получали награды, а лучшие творения приобретала академия. Ученик, отмеченный за успехи серебряной медалью, получал звание художника третьей степени. Заслуживший малую золотую медаль – звание художника второй степени. А при наличии большой золотой медали – присваивалось звание классного художника первой степени. Если ранее ученик был уже награждён медалями низшего достоинства, он допускался к конкурсному экзамену на большую золотую медаль. Награждение большой золотой медалью давало воспитаннику, кроме звания классного художника, право на поездку за границу «для усовершенствования в искусствах» в качестве пенсионера академии.

Р. Судковский стал исключением из этого порядка. Таких примеров в традиции академии были считанные единицы. Из её стен вышло немало золотых и серебряных лауреатов, но никто из них не был удостоен признания, выпавшего студенту из Очакова. Не имея всех соответствующих наград и не исполнив академического курса, он, тем не менее, был поощрён всеми полагающимися званиями «не в пример другим». Причина крылась исключительно в его неординарном даровании, а ещё – в редком трудолюбии. Строгий устав академии предусматривал особые исключения только для высокоталантливых учеников.

В 1870 году за свои картины он получил поощрительные медали – большую и малую. В 1871 году был награждён двумя серебряными медалями второго и первого достоинства.

А потом учёбу пришлось прервать. Северный климат не подходил для слабого здоровьем южанина. В 1872 году Руфин пережил тяжёлый приступ кровотечения из горла как следствие начинавшегося туберкулёза. По этой причине он был вынужден оставить учёбу в академии и вернуться в Очаков. Совершенствование в живописи он продолжил в родительском доме. Самостоятельно.

Академическая выставка 1873 года, на которой Р. Г. Судковский представил свою картину «Буря у берегов Очакова», принесла ему диплом на звание классного художника 2-й степени в обход обязательных первых трёх степеней и без присуждения золотой медали. При этом Р. Судковский не выполнял обязательных условий ежемесячного предоставления работ на выставку.

Дом Р. Судковского в Очакове

Как серебряный призёр Судковский получил право на зарубежную поездку за казённый счет. В 1874 году он побывал в Германии, Италии, Франции. Во время командировки регулярно отсылал свои работы в академию. По уставу академии, если ученик не присылал своевременно своих работ или их качество уступало ожидаемому, такой ученик лишался стипендии. Из зарубежной поездки до наших дней дошли несколько эскизных картин, составивших «заграничный цикл» мариниста. С этой серии пока отыскана одна «Венеция».

По возвращении на родину Р. Судковский окончательно избавляется от начальной подражательности. В это время он создаёт несколько больших полотен, где отчётливо проявляется его авторский почерк. К таковым можно причислить произведения – «Лунная ночь на Чёрном море» (1879), «Прозрачная вода» (первый вариант) (1879), «В порту» (1879) и некоторые другие. Именно в эти годы художник закрепил свои «фирменные» приёмы как основу сюжета: справа – море, а слева – лиман, извилистые берега, прозрачная вода у линии прибоя, просвечивающие сквозь неё камешки, трава и большие камни, наполовину выглядывающие из воды.

Публика принимает новые работы художника с интересом и благосклонно. Не замедлила прийти известность. Академия стала по праву гордиться своим лучшим, без преувеличения, студентом. Популярность его как мастера быстро росла. Но врождённая мнительность не даёт ему покоя, он возвращается к законченным полотнам, пишет первоначальный сюжет по-новому, иногда по 4–5 раз. Руфин чувствует, что настоящее признание будет непременно, если он докажет свою индивидуальность.

В 1880 году Судковский второй раз посещает Европу. Он побывал на родине величайших европейских мастеров живописи – в Австрии, Швейцарии, Италии, где приобрёл бесценный опыт, а также в Финляндии, на Кавказе, в Малой Азии (азиатской части Турции). Под впечатлением зарубежной поездки пишет несколько небольших работ – «Побережье Нормандии», «Босфор», «Остров Кипр».

Вернувшись домой, вновь плодотворно работает, много, очень много пишет. Его мастерство совершенствуется, окончательно закрепляется индивидуальный стиль и почерк. Законченные работы отличает филигранная техника, точнейшая проработка деталей и удивительная гармоничность сюжетов. Именно непревзойдённая точность в деталях, «прорисовка» фактуры переднего плана, документальная передача цвета неба и воды в разное время суток выделяют Р. Судковского среди своих коллег. Он не признаёт внешней эффектности, его цель – отыскание в природе и передача на холсте незаметных движений воды, игры света и тени.

В 1880 году проходит успешная выставка художника в Одессе, отмеченная критикой, как «отрадное явление». На следующий год проходит ещё одна, организованная совместно с Николаем Скадовским.

Как классный художник первой степени Р. Судковский мог через три года получить звание академика, и он использовал это право. Апогеем мастерства «доакадемического» Судковского признаётся «Буря у берегов Очакова» (1881), написанная на основе нескольких подготовительных картин и эскизов, одна из которых (1871) дала название новой работе.

4 ноября 1882 года состоялось присвоение Р. Судковскому звания академика. Решение принималось в соответствии с академическими требованиями: «по славе за высокие произведения искусства». Таковым произведением авторитетное жюри признало его картину с неформившимся названием. Столичный журнал представил творение мастера своим читателям как «Бурное море осенью», а в известном издании Ф. Булгакова она значится как «Начало бури осенью (на Чёрном море)». Сегодня картина больше известна как «Буря у берегов Очакова». Её с выставки приобрёл П. Третьяков для своей галереи, где она долгое время располагалась над репинскими «Запорожцами...» в зале № 8.

Рецензент издательства А. С. Суворина популярной газеты «Новое время» отметил оригинальность, самостоятельность авторской манеры. Наперебой старались газетные витии. В прессе и обществе автора «Бури у берегов Очакова» называли «первоклассным русским маринистом». Над Айвазовским осторожно подтрунивали. Такое признание не могло пройти незамеченным и безнаказанным. Получить всеобщее признание публики и дотошных специалистов и в придачу титул академика в 32 года – мыслимое ли это дело? И кто? «Попович, разночинец... провинциальный выскочка... эдак, сударь мой, того и гляди, всякий возомнит, что писать кистью может», – шептались седобородые «академисты», завистливо рассматривая работы смущённого академика морских видов.

80-е годы становятся самыми плодотворными в творческой биографии художника. Наступает время настоящего признания. В этот период создаются наиболее известные его произведения, в основном, связанные с Очаковым и соседней Одессой: «Буря у берегов Одессы» (1881), «Купание в при-

«Вид берега»

бой» (1881), «Очаковская отмель» (1882), «Перед бурей» (1883), «Тишь на море» (1883), «Берег моря у Очакова» (1884), «Очаков» (1884), «Одесский волнолом» (1885) и др.

В 1882 году руководство Петербургской академии предложило Р. Судковскому сотрудничество в «Обществе художественных выставок». Эти экспозиции возникли в противовес движению передвижников, поскольку часть образованной публики не принимала их эстетику. Выставки следуют одна за другой:

Петербург. 1882 г. (Соэкспонентом Судковского выступает Ю. Клевер).

Москва. Всероссийская выставка 1882 года.

Николаев. 24 февраля 1883 года. Выставлены 7 больших картин, 14 малых, 80 этюдов.

Одесса. 1885 г. Выставляются до 90 больших картин и до 50 этюдов, рисунков, эскизов.

На данных выставках Р. Судковский предстал уже вполне определившимся художником, настоящим мастером, способным передавать красками самые неуловимые движения волн, самую причудливую игру света на воде. Водную стихию он изучил во всех отношениях и с поразительной художественной верностью умел изображать её покой, прозрачность и безбрежность, игру в ней солнечных и лунных лучей в тихую погоду, грозное величие её в бурю. Экспонировавшиеся картины художника охотно приобретались академией художеств, П. Третьяковым, К. Солдатенковым и другими известными меценатами. Но внезапно разразился скандал...

Показанная на одной из выставок картина Р. Судковского «Тишь на море» имела заметный успех. О новой работе художника с восторгом упоминали газеты. Но вдруг пресса изменила тон. Р. Г. Судковский публично был обвинён в плагиате.

Коллега по цеху, художник Архип Куинджи, заявил о «заимствовании» его сюжета Судковским. Куинджи разгневался настолько, что совершил уж совсем необычное: он выкупил обратно свою картину «Ладожское озеро», написанную за 10 лет до Судковского, и, демонстрируя её, стал яростно доказывать публике своё новаторство. Газеты подливали масла в огонь, а в одной из петербургских газет было даже напечатано издательское стихотворение, высмеивавшее Р. Судковского и его картину, явно заказное.

Несмотря на последовавшие интриги и клевету «собратьев по кисти» и даже пристрастное отношение со стороны И. Айвазовского (недавно покровительствовавшего юному таланту), Судковский смиренно сносил славу и поругание, «ведь, в сути, их цена одна». На злобные обвинения в плагиате со стороны недавнего однокашника, «милого Архипа» Куинджи, не отвечал и не оправдывался. А темпераментный потомок таганрогских греков Куинджи склонил на свою сторону недавних друзей Судковского, и травля живописца продолжилась в печати. Художники Крамской, Максимов, Волков, Репин напечатали в «Новом времени» письмо в редакцию с заявлением, что картина Р. Судковского «прямо заимствована» у Куинджи. Другие газеты выступили на защиту Судковского, резонно и трезво возражали: «Если теперь обвинять пейзажистов в заимствовании мотивов, то пришлось бы привлечь к ответственности три четверти и наших, и заграничных художников». Защищая Руфина Судковского, П. Гнедич (автор книги «История искусств») утверждал, что за 14 лет до инцидента «этюд, написанный Судковским в Севастополе во время штиля, доказывает всю несостоятельность этого обвинения». К сожалению, указанный этюд пока разыскать не удалось.

Тем не менее, мотив прозрачной воды, применённый Р. Судковским в картине «Тишь на море», стоил автору душевных страданий. По большому счёту, это была мирская плата за недюжинный талант и христианское смирение. А подлинные ценители искусства не вникали в мелочные дразги, и Судковский был по-прежнему востребован, хотя часть публики охладела к его творчеству. Инцидент не прошёл бесследно, он повлиял на характер художника и, несомненно, подорвал его и без того неважное здоровье.

После скандальной «Тиши...» в доказательство своей самобытности Судковский создаёт в 1884 году серию шедевров: он успешно выставляет «Берег моря», «Берег моря у Очакова», «У пристани во время бури», «Полдень на взморье», «Затишье перед бурей», «Хуторок у озера» и др.

В 1885 году живописец пишет по заказу шестой вариант «Прозрачной воды», вобравшей в себя опыт пяти предыдущих творений. Несмотря на газетную шумиху, продолжает работать и выставляться. На Петербургской выставке 1884 года демонстрировались получившие признание публики упоминавшиеся «Пустынь», «Сумерки», «Полдень», «Затишье перед бурей», «Буря у берегов Очакова», «Тишь на море». В этом же году Судковскому удалось организовать несколько зарубежных показов, в Европе прошедших так же успешно. Но картин было продано немного – около десяти. Зимой 1885 года должна была открыться очередная выставка в Киеве.

При её подготовке Руфин Гаврилович заболел тифом. Приехав домой и проболев тринадцать дней, он умер 4 февраля 1885 года в очаковском родительском доме напротив Привозной площади.

Смерть Р. Г. Судковского стала полной неожиданностью для артистической среды, преподнеся «горький урок непрочности надежд и гаданий наших... возвышая ещё более в наших глазах образ так безвременно погибшего художника».

«Перед грозой»

В его родной академии трагедия была воспринята в христианских традициях, многие журналы и газеты поместили сочувственные некрологи. Павел Петрович Чистяков откликнулся на безвременную кончину своего молодого друга стихотворением. Елена Петровна Судковская (Бенард), жена художника, использовала его в качестве эпитафии на могильной плите покойного. Частица скорби старшего товарища навсегда осталась в резных буквах посвящения. Он был похоронен в ограде Свято-Николаевского военно-морского собора.

На посмертной выставке художника в декабре 1885 года экспонировалось 170 произведений покойного, многие из которых были приобретены.

Наследие Р. Г. Судковского, по наиболее осторожным оценкам, насчитывает около полусотни законченных картин и несколько сотен эскизов, этюдов и зарисовок, и разбросаны они волею судьбы по всему белу свету – по музеям и частным собраниям.

В 1907 году рядом с художником был похоронен его отец – Гавриил Судковский, переживший сына на 22 года.

Руфин Судковский занял достойное место в ряду русских художников. Бесспорный талант и серьёзная непрестанная работа над ним обещали Судковскому славную будущность, но преждевременная смерть его не дала осуществиться этим ожиданиям: он умер в возрасте неполных 35 лет, в расцвете сил, не успев осуществить всех надежд, которые возлагались на его талант. Он был признан выдающимся художником ещё при жизни. Но зависть одних и лень других нивелируют даже святости. Сегодня о нём знает весь просвещённый мир, его имя внесено в сокровищницу мировой культуры. Увы, потомки оказались равнодушны к памяти мастера кисти. Ведь до сих пор не систематизировано даже то, к чему при желании можно дотянуться без особых усилий.

В одной из публикаций довелось прочитать, что Р. Судковский занимает такое же место в живописной маринистике, как и Лермонтов в поэзии; при этом Пушкин назван литературным Айвазовским. Очень интересное сравнение, точное, но неполное. Главного слова о творчестве Судковского ещё не сказано.

Виды родного Очакова дарили Судковскому вдохновение и силы, оставались всю его жизнь основной темой творчества. Излюбленным местом наблюдения за побережьем у художника была очаковская отмель, которую он изображал на своих полотнах неоднократно. Виды этого одного из многочисленных уголков побережья присутствуют на серии картин Судковского, показывающих его в разное время суток.

Художник оставался верен себе в изображении скромного очаковского берега, выступая тонким наблюдателем и документалистом. На многих картинах («Очаковская отмель», «Морской пейзаж», «Ночь на берегу моря» и пр.) художник показывает побережье в точных подробностях. И последнее творение мастера («У берегов Очакова»), считающееся неоконченным, также воспевало родной берег. Вот только песня эта была безрадостная, излётная. Как и выписанный на холсте меланхолический пейзаж забытого Богом приморского городка. Грусть и безысходность. Или предчувствие конца?..

Только здесь, в Очакове, было ему позволено судьбой – творить, излечиваться от телесных и душевных недугов. Сюда он возвращался из череды петербургских дождей, из заграничных, хоть и захватывающих, но утомительных поездок. Сюда – к этой знакомой до мелочей местности, к этой любимой отмели. Вот только, увы, «сняться» с неё, чтобы уйти на большую воду, в долгое творческое плаванье, – было не суждено. Очаковская отмель, на которой с детства отдыхал взгляд болезненного подростка Руфина, которую он бережно выписывал до последних дней, стала поистине – отмелью его судьбы...

Шпилевой Вадим Владимирович. Родился 8 апреля 1964 г. в с. Новоочаков Березнеговатского р-на Николаевской обл. С 1974 года и по настоящее время проживает в Очакове. Окончил Костромской сельскохозяйственный институт «Караваяво» (1991). Работал в ПАО «Николаевоблэнерго», прошёл путь от инспектора до директора Очаковского филиала. В настоящее время – заместитель генерального директора ООО ОКСТ «Ольвия» (г. Очаков). Публиковал краеведческие статьи в газетах «Чорноморська зірка», «Очаков», «Южная правда», журнале «Морська держава». Автор книг «Творческое наследие Р. Г. Судковского. Опыт составления каталога» и «Очаков. Неизвестные страницы». Член Национального союза журналистов Украины (2016).

Сергей ПИСКУРЁВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОСТРОВА МЁРТВЫХ

Эссе

Под взглядом Люцифера

В двадцатые годы прошлого столетия непроходимые пространства хоть и «красного», но извечно пыльного, имперско-провинциального Николаева меряли ноги далеко не обычного человека. Улицы Николаева сегодняшнего не сохранили материального образа того чужака. Что говорить об эфемерных следах каблуков от его заграничных штиблет в косной памяти потомков!

А человек тот был необычен всем – и правильной столичной речью, и манерой держать себя. Европеец, интеллигент, художник. Словом, чужой... «Небольшого роста, изящный блондин с бородкой, длинными волосами, он обладал обликом, очень похожим на тот, который придавался обычно изображениям Иисуса Христа. Когда я познакомился с ним, ему было тридцать три года», – так значительно позже писал наш знаменитый земляк, виртуоз книжной графики Евгений (а в 1922 г. ещё Герц) Адольфович Кибрик.

Благодаря этой встрече Кибрик покидает семью отца, совсем недавно крупного местного промышленника, покидает родной, не менее пыльный, чем Николаев, но более провинциальный, Вознесенск и направляется в почти столичную Одессу. В художественное училище. Значит, наш незнакомец владел-таки магическим даром влиять на талантливые судьбы, увлекать, вести за собой и заражать искусством. Искусством, которому, несмотря на молодость, служил годы. Имя этого человека – Александр Александрович Риттих.

Ко времени знакомства с Кибриком у Риттиха, москвича по рождению, потомка лифляндских немцев, далёкого родича и полного тёзки последнего министра земледелия царской России, за плечами было два художественных образования. И каких! Он выпускник старейших в Европе академий живописи – Венской и Мюнхенской. А ещё архитектурные штудии в Политехническом институте. Это не считая историко-филологического факультета Московского университета.

Солидный интеллектуальный и творческий багаж совсем не соответствовал багажу материальному. По воле какого рока новоиспечённый «классик» вдруг оказывается в эпицентре гражданской войны на Юге Украины? Зачем? Е. А. Кибрик упоминает, что Риттих вернулся в Россию после Октябрьской революции. Вероятно, дата не совсем верна. Скорее всего, революционные катаклизмы застали художника врасплох. А до того он просто возвращался домой, вернее, пробирался...

В Европе – война. Германия и Австро-Венгрия, лидеры Четверного союза, – враги Российской империи. Границы закрыты, точнее, границ нет, они давно стали театром военных действий. В России немец Риттих мог быть объявлен вражеским шпионом, ведь слышал же он о том, что с началом войны на его родине – шовинистическая вакханалия, что петербургские немцы (и не только немцы) интернированы и высланы.

Почему он не остался на Западе? Почему упорно движется на восток, не ручаясь за цели и результаты? Ностальгия? Инфантилизм? Что-то другое? А может, его броуновское движение, которое станет теперь стилем жизни, результат гипнотического влияния мюнхенского учителя Франца фон Штука, автора скандального и модного тогда «Люцифера»?

Рядом с «Люцифером» фон Штука трудно остаться хладнокровным. Трудно выдержать взгляд ничем не примечательного голого мужика с фигурой атлета, по-теперешнему «качка», с неумным лицом «титущки», но с глазами Медузы Горгоны. Вот он – триумф плоти, вот он – триумф воли. Сколько подобного атлетического мяса, убиваемого и готового убивать, марширует сейчас по полям Европы! От Марны до Збруча. Франц фон Штук оказался провидцем. Ещё в 1890-м он предугадал главный спорт грядущего века – варварство. В 1918 г. Освальд Шпенглер подведёт итоги европейской цивилизации, громкогласно провозгласит её закат. Конец античного оптимизма и фаустовского рационализма. В Европе побеждает новое искусство. Искусство конца эпохи разума. Эстетика рафинированного мерлезонского балета в противогазах с противотанковой гранатой в руках. В германоязычных странах его назовут «югендштиль», французы и англосаксы – «ар нуво», в русской традиции оно получит название «модерна». В западноукраинских землях, в Галичине и на Буковине в то время расцвела национально своеобразная так называемая «гуцульська сецесія».

Главой «Венского сецессиона» стал Франц фон Штук, воспитавший не только Риттиха, но и десяток общеевропейских знаменитостей, в том числе Василия Кандинского. В свою очередь феномен искусства фон Штука не мог развернуться без ученичества у Арнольда Бёклина, главного европейского символиста, властителя дум не одного поколения живописцев XIX века. Им восхищался И. Е. Репин.

У реалиста и символиста были разные творческие задачи, но именно у Бёклина учился Репин символическому значению света, превращению конкретного образа в аллегория. Почти физическое ощущение зноя, пыли, пота десятков тел исходит от репинского «Крестного хода в Курской губернии». Как ни странно, но это – от Бёклина. Хотя швейцарец ставил перед собой цели, противоположные реализму. Он стремился натуралистически материализовать самые изощрённые фантазмы. Это удалось ему в главном шедевре – «Острове мёртвых», четыре авторских варианта которого сбегаются ныне в Берлине, Лейпциге, Базеле и Нью-Йорке.

«Остров мёртвых» – одна из самых загадочных картин в мировой живописи. «Картиной грёз» называл её художник. Хотя сюжет произведения ясен и понятен каждому. Бёклин изображает похоронную процессию. Изображение предельно реалистично; каждый образ конкретен, более того – монументален. Но одновременно смысловые понятия картины странно смещены в иррациональное – и лодка, в которой гребец с пассажиром, похожим на мумию, и белый короб вместо гроба, и сама форма «таинственного острова» с кипарисами в природной воронке меж скал, и тёмный океан, и тёмное небо. Под кистью дилетанта все эти новомодные декадентские «заморочки» стали бы вычурными, напыщенными, неоправданно многозначительными. У мастера же картина дышит неизбывной болью, тревогой, ужасом человека на randevu с Необъяснимым и Необъятным. Свет, неповторимый бёклинский свет, взрывной контраст светотени – вот что создаёт настроение, принуждает зрителя вздрогнуть и оцепенеть.

Контрастная колористика Бёклина – исконно германский стиль. Это не всесилье света современных французов-импрессионистов. Это традиции Северного Возрождения, старых фламандцев и голландцев. Впрочем, технику «кьяроскуро», барокковую контрастность света и тени, в станковой живописи первым применил итальянец Караваджо. Её подхватили художники-цеховики нидерландского Утрехта, а основным приёмом сделал француз Жорж де Латур, ко времени наших героев полностью забытый.

Но романская избыточность, экзальтация претят сдержанно-сумеречному германскому гению. У Латура источник света локален, он всегда внутри полотна. У швейцарца Бёклина всякая деталь яростно освещена извне. Она живёт своей жизнью. Так значит, всё – живое! Всё имеет свою душу, свою историю – светлую и тёмную. А. А. Риттих возвращался домой с багажом знаний германского

миропрочтения и художественной школы. Почти через сто лет они таки сослужат в поисках утраченного автора. Но об этом – ниже. В конце второго десятилетия века двадцатого от Рождества Христова наш художник под гипнотическим взглядом Люцифера нёсся неизвестно куда. Возможно, к славе. Возможно, к гибели.

По бесплодной земле

Англо-американский модернист Томас Стернз Элиот, Нобелевский лауреат и одногодок Риттиха, назвал современный ему мир «бесплодной землёй». В фигуральном плане, конечно. В то время предприимчивые Штаты становились сверхдержавой. Старая сытая Европа воевала. Но воевала за то, чтобы пожрать послаще. Возвратясь из странствий, художник попал на «бесплодную землю» и в метафорическом, и в прямом смысле. В страну, где все воевали против всех.

Вероятно, А. А. Риттих добрался до России морем. Окольными путями через окольные страны. Это объясняет его появление в Одессе, где, если верить Кибрику, он повстречался со своим тёзкой-министром. В 1919 г.

бывший министр земледелия А. А. Риттих, последний толковый политик и хозяйственник невменяемого царствования Николая II, покидает родную гиблущую землю. Возможно, тёзка-художник искал этой встречи. В измученной Одессе, в калейдоскопе властей он многое увидел и понял. Можно предположить, что он просится если не в свиту, то в попутчики эмигранта. В советской подцензурной печати Кибрик мысль эту никак не развивает.

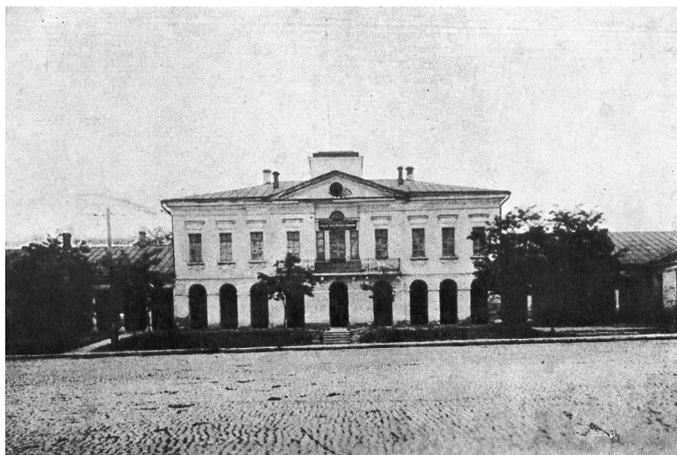
Не развивает он мысли и о том, почему Риттих появляется в затрапезном Вознесенске. К тому времени Одесса уже захлёбывалась в крови, проливаемой в подвалах знаменитой одесской «чрезвычайки». Наверное, художник просто бежит. Бежит панически.

Не поверим на слово кибриковским благоглупостям о том, как Риттих в санитарных отрядах и агитпоездах поднимал новое пролетарское искусство. То был скорее поступок Остапа Бендера, когда «великий комбинатор» ради плутовских целей устраивается живописцем на агитплавсредство, не умея держать кисти.

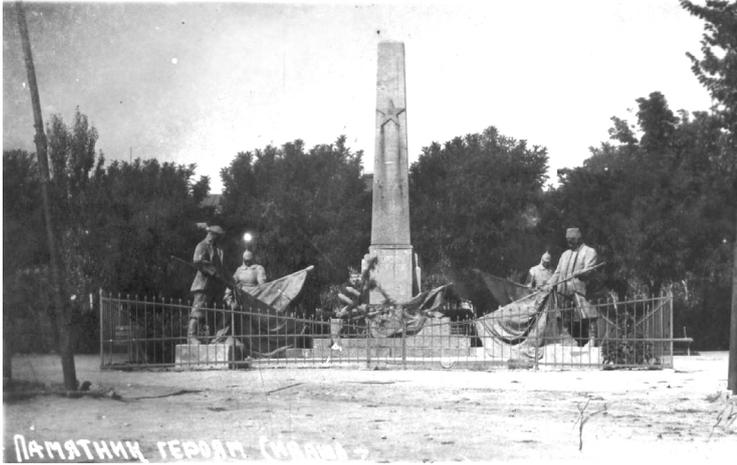
После Вены и Мюнхена, после Бёклина и фон Штука, после Репина, наконец, невозможно примитивный лубок возвести в абсолют. Для этого нужна иная природа таланта. Таланта недоучек, истеричных позёров и конъюнктурщиков типа Владимира Маяковского или Александра Аспита-Аспида. Замечательно другое. То, что автор этих строк исследует на примерах судеб различных «бывших», по воле рока увязших в «совдепии» навсегда. Неповторные качества каждого складывают архетип. Архетип «человека бегущего» – поразительно гибкого, гуттаперчево-эластичного, всегда готового мимикрировать, сливаться с фоном и... бежать. Бежать от недреманного ока Государства. Одним это удавалось меньше, Риттиху – больше. Ведь он – кровный наследник германской культуры, «гофманианы», породившей к тому времени и Франца Кафку, и «Человека без свойств» Роберта Музиля.

В степях Украины новомобилизованного революцией агитатора и горлана-главаря сваливает тиф. В результате болезни он теряет не только богемные локоны, но и остаток здравого смысла. В полубреду в глухом селе женится на фельдшернице Марье Тарасовне, которая выходила полупокойника и поставила на ноги. Жена останется навсегда. Уже в Николаеве подарит единственную дочь Людмилу.

Голод начала двадцатых годов подкосил не только пролетариат Николаева, но и остатки недобитой чекистами интеллигенции. В один только 1922 г. умирают заведующие естественно-историческим музеем С. И. Гайдученко и художественным им. Верещагина В. А. Мурзанов. Скупые биографические источники, в том числе современная Википедия, указывают, что А. А. Риттих возглавил Николаевский художественный музей сразу после кончины Мурзанова. Увы, это не так. Имя Риттиха как директора музея впервые документально упоминается только 14 марта 1927 г. До того музей

Музей им. В. В. Верещагина

Памятник героям Севастополя

мятника адмиралу Грейгу указующего Ленина. Старый Грейг особой красотой не отличался, но Ленин станет гнилым зубом среди площади типичного приземистого «хуторка в степи». Обелиск героям 1812 года Риттих обезобразит четырьмя грузными скорбящими фигурами в память о красноармейцах, что прорвали Севастопольскую оборону и залили «белый» Крым кровью. Сыграв однажды роль «великого комбинатора», сыграв в поддавки с тоталитарной властью, художник, будь он семи пядей во лбу, становится соучастником. Винтиком бездушной Машины. Деталью Молоха из немого киношедевра «Метрополис» режиссёра Фрица Ланга.

В Германии старый символизм «югендштиля» в корчах и судорогах Великой войны породил новое искусство – экспрессионизм. Европа скорбела по миллионным жертвам предельно одухотворённой пластикой роденовских традиций «Граждан Кале». Трагичностью Вильгельма Лембрука и Эрнста Барлаха. На «бесплодной земле» Риттих заметно отстаёт от европейских веяний. Творческие противоречия нарастают. Его гипсовые истуканы подобны нежити – украинскому Вию или пражскому Голему. Это уж как кому привидится. Их громоздкая патетика в неприветливом городском пейзаже изначально лжива и, о ужас!.. комична.

В «Лунной ночи на реке», пейзаже, безусловно, николаевском, написанном в те же годы, Риттих в гипнотической безмятежности полнолуния мастерски уловил настроение необъяснимой тревоги. Если на передний план добавить фигуру человечка с перекошенным от ужаса ртом, то пейзаж этот станет «Криком» Эдварда Мунка. Ныне самым дорогостоящим шедевром экспрессионизма.

Вот они – противоречия! С одной стороны – профессиональная честь, с другой – безудержное желание официальной деятельности, авторитета, признания властей. Круг его деятельности широк и разнообразен. Он возглавляет художественный музей, преподаёт в художественном техникуме, принимает активное участие в новоучреждённом краеведческом обществе. В риттиховский период музей приобретает коллекцию произведений очаковского мариниста Р. Г. Судковского, целостность и сохранность которой оказались под угрозой.

Одновременно Риттих добросовестно выполняет указания из Центра, например, постановление СНК СССР от 23.I.1928 и договор между НКП УССР и Укргорторгом следующего содержания: «Копія з копії. Не належить до оголошення. Укрдержторг бере на себе доручення НКО УРСР реалізувати на зовнішніх ринках всі гідні для експорту речі мистецтва та старовини, що знаходяться нині в державних фондах музеїв і складаються з картин, бронзи, фарфору, скла, килимів тощо...»

Искусство принадлежит народу. Народ берёт курс на сталинскую индустриализацию. Индустриализации необходима валюта. Товарищ Риттих, сдавайте валюту! Вероятно, в те дни хранителю древностей и ненужных вещей Риттиху снились сны булгаковского Никанора Ивановича.

Над тишайшей, едва различимой николаевской интеллигенцией сгушались тучи. В 1929 г. арестован коллега – директор естественно-исторического музея Ф. Т. Каминский; в 1930 г. арестован, а затем расстрелян профессор и активный краевед Н. Д. Лагута; из Николаева изгоняется и приговаривается к «вышке» профессор В. М. Фидровский; приглашённая из Эрмитажа для систематизации ольвийской коллекции Т. И. Фармаковская бежит из города. В учреждениях образования и культуры постоянные чистки и зачистки... Интуиция «человека бегущего» и человека бывалого подсказывала, что место регистрации необходимо менять.

возглавлял также забытый николаевцами Александр Петрович Ханьков, уже пожилой художник, педагог, полиглот, выпускник Петербургской академии художеств.

Как бы там ни было, к середине двадцатых годов Риттих – николаевец. Он не писал уже ни упаднических рюсенок, ни барышень на единорогах, о которых упоминал Кибрик; не писал он и агиток. Теперь он был скульптором-монументалистом.

Опыт «николаевского Фидия» будет балансировать на грани вандализма. Именно Риттих водрузит на обглоданный постамент бывшего па-

Риттих упреждает события. Как всегда блестяще. Новую землю обетованную он находит в бесплодном и безлюдном Казахстане. Впрочем, вековой уклад Голодной степи менялся. Она стремительно заселялась Новым человеком. Человеком, который должен звучать гордо. То были жители ГУЛАГа и ссыльные. Чтобы спасти себя, художник отправляется прямо в пасть к Люциферу. И выживает. И обретает себя нового.

Казахстанский период – кульминация творческой судьбы А. А. Риттиха. Он плодотворно работает во многих областях – в живописи, скульптуре, графике, архитектуре. По его проектам отстраивается социалистическая Алма-Ата: контора Госбанка, здание аэроклуба ДОСААФ, управление табачной фабрики. Он активно занимается педагогической деятельностью, воспитывает плеяду национальных художников. В первую голову, родоначальника казахской живописной школы Абылхана Кастеева. Лучшего портрета А. А. Риттиха в тот период, что создал ссыльный писатель и великомученик Юрий Домбровский, автор дилогии «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», не написать. Многокрасочно, сочно, как истый гурман, он описывает расцвет художника, апофеоз его «земледельческого» таланта.

Сосланный в Алма-Ату писатель Юрий Домбровский пишет: «В Алма-Ате уже и тогда художников было предостаточно. Вовсю блистал, например, непревзойдённый Риттих. Кто из жителей Алма-Аты не застывал на улицах при виде этой величественной фигуры, бледного лица интеллектуала, взгляда светлых лучистых глаз и таинственной художественной бороды? А какие огромные блестящие холсты он писал! Амангельды перед повстанцами на белом наполеоновском коне; стол, залитый солнцем, а на нём огромные цветастые яблоки, отборный алма-атинский апорт. Два пионера, один высвечен солнцем, и на нём сверкает всё: белая блузка, красный галстук, люстриновые штанишки; другой в тени, они что-то мастерят, – «Планеристы»; гроб, обитый красным и чёрным, а рядом фигура в кожанке с сжатым мускулистым кулаком – «Жертва революции». Да, да, кто из художников или так называемой интеллигенции не помнит Риттиха, ученика великих мастеров – Франца Штука и Бёклина? «Маг светотени» – так называл, захлёбываясь, «Литературный Казахстан». Он мог работать по двадцать часов в день, не снижая ни качества, ни продуктивности, мог за несколько дней расписать огромный павильон Сельскохозяйственной выставки, мог создавать огромные полотна на любую тему, в любой срок, любой величины! Он сверкал, искрился, переливался, изображал гнев, любовь, мужество, вздымал к небу сотни загорелых кулаков – и это называлось «Восстание». Рисовал пёструю толпу в праздничных национальных уборах, красавиц, красавцев, стариков, заливал всё ослепительным солнечным светом, расстилал белоснежные скатерти, разбрасывал блюда с фруктами, дыни и арбузы, караваи с серебряными солонками сверху, украинские рушники, казахские кошмы – и всё это называлось «Колхозный праздник». Да разве мог кто-нибудь сравниться с великим Риттихом? Все остальные художники меркли перед ним».

Раблезианские гиперболы, словно в описании пиршества Гаргантюа, несколько не скрывают го-голевской иронии панегирика. Где тут мэтр и где ремесленник, по-стахановски выдающий на-гора шедевры? Риттиху не удалось провести тонкого психолога и аскета Домбровского. А Государство тем более. В середине 1938 г., в пик уже всесоюзной славы, как гром среди ясного неба выходит постановление: «Члена оргкомитета Союза художников Риттиха за полную бездеятельность, зажим критики, рвачество и халтуру, за поступки, недостойные звания советского художника, общее собрание художников исключило из членов Союза».

И снова в бега. В Москву. В материнскую утробу. С началом войны – в эвакуацию. И опять в Казахстан. Обратно в Москву. И так до скоропостижной кончины в 1945 г. Наперегонки с дьяволом.

Летаргия на Ингульском мосту

Двадцатый век не был милосерден к своим ровесникам – николаевским музеям. Войны, разрушения, грабежи, идеологический диктат и нерадивое отношение сделали своё дело. В годы Второй мировой войны собрание художественного музея им. Верещагина почти полностью разграблено и уничтожено. Ольвийская коллекция историко-археологического (ныне краеведческого) музея вывезена в Кенигсберг, и следы её теряются. Трудно поверить, но в том музее были автографы Льва Толстого, византийские иконы, был свой Рембрандт. Невесть куда исчезла «восточная» коллекция музея 58-го Прагского пехотного полка – средневековая китайская и японская пластика, посуда, оружие, каллиграфия.

О чём говорить, если в горниле Второй мировой погибла коллекция Мюнхенской академии искусств – живопись, скульптура, исторические костюмы. Американскими бомбардировками разру-

шено само здание академии – шедевр архитектора Готфрида фон Нейрейтера. Венская академия пострадала не меньше. Храм искусств архитектора Теофила фон Хансена содрогался уже под артиллерией Красной Армии. Пострадали, погибли, исчезли работы Босха, Кранаха, Рембрандта, Рубенса, Тициана, Мурильо, Гварди. У двадцатого века лицо Варварства. Лицо Люцифера.

Как отмечалось выше, николаевцы не сохранили материальной памяти об А. А. Риттихе. В 2009 г. ушла из жизни московский биолог Людмила Александровна Риттих. Она не имела прямых наследников, потому все картины отца достались соседке по лестничной площадке. Та, найдя координаты алматинского музея, подарила несколько работ государственному музею искусств Республики Казахстан им. Абылхана Кастеева (ещё недавно Казахская государственная галерея им. Т. Г. Шевченко). Как ни странно, Риттиха в Казахстане оказалось мало. А ведь «казахский» период художника – самый известный, именно его выделяют, о нём пишут, в том числе исследователь Владимир Проскурин. Никто не ставил цели систематизировать «полного» Риттиха, сберечь то, что оставило неумолимое время. Небольшой портрет Джамбула работы Риттиха, например, нашёлся в 70-ти километрах от Алматы, в доме-музее поэта. Правда, современные туристы и экстремалы игнорируют ханское поместье обласканного властями акына-сталиниста. Они напрямик следуют к главной достопримечательности Семиречья – Всемирному наследию ЮНЕСКО – сакским петроглифам Тамгалы.

«Украинского», «николаевского» Риттиха никто никогда не искал. Тем более в местных музеях. Когда волею случая ваш покорный слуга заделался очередным хранителем краеведческого музея, то нашёл, что небольшая, назовём её «классической», часть художественного собрания музея просила даже не реставрации, а элементарного исследовательского внимания. Атрибуция, описание памятников в старых «сталинских» инвентарных книгах смехотворны и печальны одновременно. Этот убогий почерк – оттуда, из времён, что так цветасто живописал бедный Риттих.

Война, она – как стихийное бедствие. Потери войны можно понять и объяснить. Сложно объяснить логику бюрократа. Старого гоголевского письмоводителя и нового сталинского вандала Башмачкина. Бессмертного Акакия Акакиевича, который вместо украденной пьяными пролетариями старорежимной знатной шинели примерил вдруг мышастый френч столоначальника и вождя. Волосы встают на голове, когда листаешь пожелтевшие инвентари тридцатых-пятидесятых годов. Прилежной и безграмотной рукой партаппаратчика, вероятно, какой-нибудь райкомовской тётки («кадры решают всё», но грамотных не хватает), в анналы вносятся карты-схемы мнимых побед, диаграммы роста, расширения, охвата; всё остальное, опасное, идеологически смущающее – к изъятию, к ссылке в подвал, под арест! История музейного дела после Гайдученко и Мурзанова, Гедройца и Риттиха – история деградации. Впрочем, последний, вольно или невольно, сам приложил к этому длань. Увы, он хотел жить. И, в отличие от многих, выжил.

Таким чередом в руках оказался довольно форматный (метр на метр), потемневший от времени, масляный пейзаж со сценой летней рыбалки. В текущей научной документации авторство и время написания отсутствовали. «Вероятно, типичная оформилровка пятидесятых...» – таковой была подсказка и основная гипотеза уцелевших музейных коллег-старожилов. В «оформилровке» смущало всё – и повреждения холста, чей возраст тянул на сотню лет, и анахронизмы в городской топографии и в платье персонажей, а главное – смущала рука автора. Рука профессионала. Рука мастера.

За реставрацию полотна взялся художник Сергей Шевченко. И когда был укреплен холст, восстановлены многочисленные утраты и разрывы, из-под многолетней патины вспыхнуло вдруг нечто, что заставило вздрогнуть. То было оно, «кьяроскуро» Караваджо и Латура, Бёклина и Штука, «кьяроскуро» Риттиха! Нет, тогда ещё никто не подозревал, что автор именно он. Только потом авторство подтвердят искусствоведы Наталия Сапак и Лариса Тверитинова. Но то, что в музее обнаружен первоклассный шедевр, сомнений не вызывало.

И опять – инвентарные книги «проклятого прошлого», десятки захватанных страниц с орфографическими ляпами да чернильными кляксами. На протяжении лет менялось название картины – то «Мост через реку Ингул», то просто «Ингульский мост»; менялись учётные номера, но нигде, ровным счётом нигде, не указывался автор. Автора, верните автора!

Сюжетно картина проста. Она изображает излюбленное рабоче-крестьянское развлечение, умиротворённую сценку рыбацкого азарта в знойных лучах закатного дня. Художник пишет конкретный уголок Николаева, тот наплавной мост, о котором спустя десятилетия вспоминал старожил и почётный гражданин Ю. С. Крючков: «Мы приходили летом на Ингульский мост и садились на

брёвна. Редкие машины, проезжая по мосту, подтапливали его. Мост то тонул, то всплывал... Мост разводили. Процедура была простой: дядька-сторож отцеплял стопора – и кусок моста уходил по течению Ингула».

На картине линейная перспектива прогонов моста уходит вправо. На переднем плане скрупулёзно выписанные фигуры главных персонажей – рыбаков. За их спинами группа зрителей и болельщиков. Крупная композиция этой части холста заполняет всю левую диагональ. В правой диагонали третий план – выхваченные светом силуэты спешащих к берегу пешеходов. А выше – зелёные кручи и холмы центральной площади города. Под необъятным меркнувшим небом.

Всё здесь просто и одновременно хитро. Второй, скрытый, пласт произведения открывается не сразу. Если рассматривать компанию рыбаков справа налево, перед зрителем предстают все мужские возрасты: ребёнок, юноша-подросток, молодой человек, мужчина средних лет, старик. В троице зевая за их спинами автор подчёркнуто узнаваемо выписал основные социальные типажи времени – работницу-комсомолку, молодого совслужащего, красноармейца. Взгляды участников композиционной группы, своеобразной магической пирамиды, устремлены в одну точку, вниз, в густую и вязкую, почти непроницаемую речную гладь. Вот и лески нехитрых рыбацких снастей золотисто вздрогнули и умерли, застыв в недвижных водах. Ингула? Леты? Эти спасительные нити Ариадны поглотил Минотавр, Кронос, Люцифер, назовите его, как сумеете.

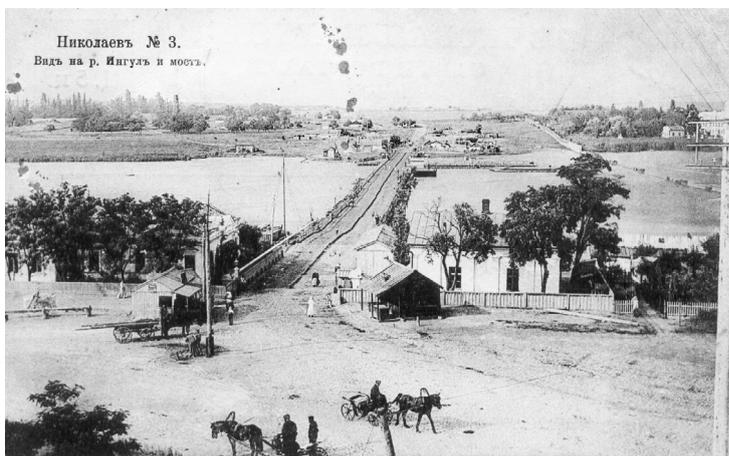
Молодость отдаётся гипнотическому очарованию бездны первой. Юноша с загорелым торсом томно распластался на дурманяще тёплой плахе моста. Его восхищённый взгляд неотрывен. Местечковый денди, босой и в кепи, философически сосредоточился над свободой выбора – отдаться искушению бездны или спастись? Мужчина в годах суетной рукой всё ещё ждёт клёва. Ведь зрелость – время забот. Но его нетерпеливое движение, как и взгляд, гаснет под колдовским наркозом нефритовой воды. А старик, подобно Ивану Северьянычу Флягину, «очарованному страннику» Лескова, заглянул в омут Ингула-Леты и отшатнулся, не узрев в бездне ничего, кроме бездны.

Летаргическое оцепенение рыбаков перетекает к персонажам второго плана. Круги эпидемии беспредметного созерцания расходятся, и кажется уже, людская толпа справа – женщины, мужчины, пожилой хохол в брыле на чумацком возу – панически бегут к берегу – прочь, прочь с моста наваждений! А над всем этим мороком единственная архитектурная доминанта – колокольня и купол Адмиралтейского собора. В символе – не только смелость художника, но и вызов. Вызов эпохе оголтелых антирелигиозных кампаний.

Сугубый реализм письма парадоксально подчёркивает символизм происходящего. Всякая деталь передана с точностью подробного натюрморта. Трёхмерны, осязаемо объёмны сваи и брусья настила, гвозди, крючья, пряжки на обуви. Жизненно всё – складки одежды, морщины на обветренных лицах, венозные старческие ступни, мальчишеские рёбра... И всюду – она, насыщенная, горячо-плотоядная игра светотени! Сальвадору Дали в его парижских оранжереях параноидальной свободы было легче завершать эстетические поиски Арнольда Бёклина. Невероятно трудно поведать притчу в условиях тотальной немоты и несвободы.

Поиск автора картины завершился благодаря банальной лупе. Именно ей обязана посмертная память о Риттихе. В дополнениях к одной из инвентарных книг конца сороковых удалось установить, что записью от 18/ХІІ.1948 под номером 268а в музее числится картина «Ингульский мост» «худ. Ритиха». Именно так – «рыцарская» фамилия с одной «т» и усечением не только профессии и призвания, но и творческой судьбы художника.

Теперь можно было снять защитный намордник, вымыть руки и выйти подышать на бесплодную зимнюю землю музейного плаца. В потоках аквамарина густые тени вековых деревьев контрастно лежали на пепельном насте двора. До весны оставалось далеко.

Вид на Ингульский мост

Алексей ТОРХОВ

КОНФЛИКТ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО

Один из моих любимых поэтов Алексей Алёхин очень неожиданно и точно сказал о природе поэтического творчества: «Садоводство, сродни поэзии, одинокое занятие. Грабли, тачка, карандаш, совок, ластик... Копаешься в цветочной грядке, как в стихотворной строке. И на тебя сверху поглядывает Бог». А что происходит в других видах искусства, например, в художественной фотографии? Где здесь точка сборки? С этим вопросом я обратился к известному николаевскому мастеру, владеющему современным визуальным языком, Любове Ивановне Савельевой. Мы говорили об истоках её творчества, основных этапах становления, о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в фотографии. Думаю, нет смысла передавать, что именно и как именно я спрашивал её. Важнее, что говорила она. Потому представляю некоторую часть нашей беседы в виде мозаичного монолога фотомастера.

* * *

Счастливым случаем

«К фотографии я пришла поздно, годам к сорока, человеком сложившимся, с определёнными художественными взглядами. За плечами были уже попытки творческого самовыражения. Я рисовала с детства и всю сознательную взрослую жизнь жалела, что не окончила специального учебного заведения. По специальности я – библиограф. Поэтому работала в учреждениях культуры – в отделах искусств областных библиотек, где общалась с художниками, в музыкальном училище. В школе училась играть на аккордеоне, жалею, что не выучилась игре на фортепиано. Очень любила классическую музыку, а выросла на роке и до сих пор его с удовольствием слушаю... К фотографии можно прийти в любом возрасте, если у тебя есть художественный багаж и есть что сказать людям. Меня к ней привёл счастливый случай. У нас дома несколько лет лежал новенький «Зенит» – купили в надежде на то, что мой сын, когда подрастёт, станет снимать. Года два я его безуспешно уговаривала, хотя другие мальчишки что-то фотографировали. И однажды, когда у меня вырос красивый цветок, я решила, что обязательно должна его запечатлеть. Поскольку я человек не технический, а «Зенит» имел массу непонятных для меня колёсиков и шкал, то чтобы разобраться во всём этом, начала читать специальную литературу. И как было приятно ощутить, что ты сама можешь справляться с не известным ранее инструментом и тебе по плечу выразить при его помощи именно то, что хочешь. Ну а ещё, наверное, судьба шла навстречу моему сильному желанию научиться фотографии, посылая мне людей, которые очень помогли сбиться в качестве фотографа».

Внутренний мир художника

«Я ощущаю, что в этой жизни меня волнует гораздо больше, чем узкие темы, которые готов воспринимать зритель. И поэтому мне безумно интересна встреча с миром каждого мастера. Пусть его работы далеки от моей стилистики. Меня поражает внутренний мир художника, нашедший отражение в его работах. Ты пытаешься понять, разглядеть, как он мыслит и чувствует. Бывает, я понимаю, что он от меня весьма далёк, но, с другой стороны, он мне очень интересен, потому что совершенен в своей области. Каждый снимает то, что ему ближе, замыкаться в себе и считать, что лишь в твоих работах заложена истина, по крайней мере, неразумно. Я люблю снимать, например, старые окна, увядание всего – в этом я не вижу ни разрухи, ни чернухи, а ощущаю особенную красоту. И для

меня очень важно передать ощущение тонкой красоты, которая сквозит абсолютно везде, и если я её замечаю, то стараюсь поделиться своим ощущением со зрителем. Причём моё ощущение красоты неразрывно связано с ходом времени».

Нарушение и ошибка

«Здесь проходит очень тонкая грань, которую молодые авторы порой не ощущают. Сознательное нарушение и ошибка – разные вещи. Ошибка – это когда режет глаз, а не когда картинка не соответствует законам построения. Различать это нужно обязательно. Необходимо учиться. Можно и по книгам (для начала изучить теорию), но ещё лучше – просто рассматривать произведения мастеров, и не только фотографов, но и живописцев. Да и вообще, любое проявление искусства, не обязательно визуальное, формирует художественный вкус, обостряет восприятие. Музыка – совершенно другой род искусства, но законы гармоничных или дисгармоничных рядов работают и здесь. А кто-то из классиков фотографии говорил, что фотографу, который не любит поэзии, создать что-то цельное очень сложно».

Конфликт вербального и визуального

«Я – человек литературный, читаю постоянно и много. А стало быть, слово для меня – очень важная часть моей жизни. И вот эта литературность как особенность внутреннего восприятия мне достаточно долго мешала. Особенно в начале пути, в процессе становления. Я не сразу это поняла. Но постепенно стала замечать: в альбомах, каталогах с выставок, что приходили с моими работами, мне нравилось, естественно, не всё. Периодически для себя отмечала, какие бы работы выбрала именно я, и странное дело, мои собственные работы в этот перечень не попадали. Не могла понять: почему так получается, ведь я снимаю для себя, искренне, не придумываю ничего? И только потом дошло – это конфликт восприятий: визуального и вербального. В фотографии должно быть как можно меньше вербальных смыслов. Если даже смыслы прочитываются, они должны передаваться, обеспечиваться визуальными средствами. Для меня именно это основной критерий хорошей фотографии».

Названия работ

«Обычно я не называю свои работы какими-то исчерпывающими или определяющими названиями. Когда это просят сделать для публикаций или выставок, делаю над собой усилие. Потому что я как зритель в чужой фотографии не люблю, если мне подсказывают и навязывают, когда растолковывают. Поэтому и мне не хочется, чтобы моя фотография кого-то заставляла думать так же, как я. В начале своего пути я ещё давала работам названия, хотя меня это всегда напрягало. А потом ушла от этого, поскольку осознала разлад между своей литературностью и собственным визуальным творчеством».

Опора (священник Михаил Шполянский)

Идентификация

Фрагменты и архитектура

«Хотя я постоянно снимаю на улицах – архитектура как таковая меня вообще в городе мало интересует. Наверное, это плохо, потому что старый Николаев потихоньку уходит в небытие. Разрушаются здания, более того, они порой варварски сносятся без оглядки на культурную ценность. Я понимаю: надо успевать снимать уходящую архитектуру. Увы, мне это как художнику совершенно неинтересно. Мне интересно снимать фрагменты городской жизни, не размышляя, станут ли они кусочками истории города или нет. Снимаю для себя, на всякий случай. Возможно, городу это когда-то и пригодится... Исходя из моего пристрастия к съёмке натюрмортов, наверное, я и фрагменты города снимаю по этим законам. С одним главным отличием: это уже съёмка не «мёртвой природы», как переводится слово «натюрморт», а живой природы. Я ведь и натюрморты снимаю, практически никак их не выкладывая специально. И даже если вижу перед съёмкой, что некоторые детали, компоненты излишни, обычно не убираю их из будущего кадра... Так и при съёмке на улице. Вроде бы все предметы, составляющие фрагмент, неживые, а в целом снял этот кусочек и видишь – это кусочек жизни. В нём много о жизни говорит, о прошлой или настоящей – неважно. Вот это мне интересно, чтобы в твоём снимке был не образ красоты, а образ жизни».

Фрагменты жизни

«Мгновение – частица бытия, разделённая с другим человеком. Останавливая, запечатлевая это мгновение при помощи технического устройства, главное, как говорится: «не выплеснуть вместе с водой ребёнка». То есть за деталями не забывать о главном – о присутствии в снимке бытия. Я называю это состоявшееся мгновение, этот удавшийся снимок – фрагментом жизни».

Сухой остаток

«Люблю видеть, ощущать, снимать жизнь такой, какая она есть. Без прикрас. Чувствовать время в одном мгновении. Я не ловлю скрытые смыслы обыденности, они сами, бывает, неожиданно наступают меня. Люблю обычную повседневную жизнь, в ней столько правды, а иногда и радости. Меняется жизнь, меняюсь я, меняются мои взгляды и сюжеты. Остаётся неизменным одно: фотография – это мой способ общения с миром. Или мира со мной. И мне безумно интересно это общение».

* * *

Что такое объектив? Зеркало, наделённое памятью и способное по нашей просьбе выхватывать определённые моменты жизни? Или предмет, который временно становится нашими глазами? Чем больше я созерцал фотоработы Любови Савельевой и общался с ней, тем отчётливее становилось убеждение: в её случае и для неё объектив – это больше, чем глаза. Он давно уже стал – взглядом.

Рефлексы

Нерешающий момент

Для меня вдвойне ценно чужое творчество, высекающее внутри искру, которую принято называть – искрой Божьей, способное разархивировать спрессованное во мне – во внутренний космос. И тогда открывается «бездна звёзд полна». Возникает поэзия. И рождаются неслучайные строки. Например, вот эти, посвящённые Любове Савельевой и её фотоработе «Побег» (см. 4 страницу обложки):

ТЕНЬ

невесомая моя
солнцебежная
сколько меня оставишь
досматривать тело твоё
как утомительный фильм
о жизни в двухмерном мире
сколько отпустишь
волочишься за мной
тёмной оболочкой
сдвинувшегося человечка
убегаешь от меня
как фазан-дерево
выпорхнувшее из-под ног
в каждом кадре
проживаемом в ходе монтажа
ты растёшь откуда-то
снизу и справа
по диагонали

сначала побегом
потом веткой
потом платаном
змеишься трещиной в асфальте
вползаешь на соседнее здание
ветвишься по крышам
тебя ещё можно окликнуть
и вдуматься в тебя
пока не прознали
тени деревьев соседних улиц
тени улиц соседних городов
пока не сползлись
в единое месиво ночи
говори
объектив переведёт твой
кляксоподобный вердикт
сколько меня оставишь
сколько отпустишь?

Савельева Любовь Ивановна. Родилась в городе Славгороде Алтайского края в семье военнослужащего. С 16-ти лет живёт в Николаеве. Окончила Киевский институт культуры по специальности «Библиотекарь-библиограф» (1989). Фотографией занимается с 1997 г. С 2000 г. – в Николаевском народном фотоклубе «Корабел». Участник и неоднократный победитель многих коллективных, национальных и международных конкурсов и фотовыставок. Работы демонстрировались более чем на 140 международных фотосалонах (как независимых, так и под эгидой FIAP) в 33 странах мира. Член Национального союза фотохудожников Украины (2002). В 2007 году получила звание художник Международной федерации фотографического искусства (AFIAP). Председатель правления Николаевской областной организации НСФХУ (2010–2017), с 2011 г. – член Правления, Художественного совета и Приёмной комиссии НСФХУ (Киев).

Инициация

Летальность

Елена ЖАТЬКО

ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД В НИКОЛАЕВЕ

17 декабря 1937 г. в газете «Правда» появилась статья «Чужой театр», а 7 января 1938 г. приказом Комитета по делам искусств театр им. В. Мейерхольда был закрыт. Через полтора года Всеволоду Эмильевичу будет предложено выступить на Всесоюзном съезде театральных режиссёров с «самокритикой». И он выступит, завершив свой монолог так: «Желая выплеснуть грязную воду, вы вместе с ней выплеснули и ребёнка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство». Меньше чем через неделю автор этих слов будет арестован.

Имя Всеволода Мейерхольда – актёра, режиссёра-новатора, педагога, создателя актёрской системы, получившей название «биомеханика», – по сей день известно во всём мире. Творческое становление режиссёра связано со знаменитым МХТом и его «отцами» – В. Немировичем-Данченко и К. Станиславским, «чайкой русской сцены» Верой Комиссаржевской, работой в Императорских театрах... Переломным событием в биографии Вс. Мейерхольда стал переезд в Херсон, где он вместе с А. Кошеверовым возглавляет группу молодых актёров. Этот шаг ознаменовал отказ от психологического театра и курс на поиск собственного стиля, что было возможно только на расстоянии от Москвы.

Херсон был известен Вс. Мейерхольду после удачных гастролей МХТа по южным городам империи. От родственницы А. Кошеверова режиссёр узнаёт о возможности аренды помещения в усадьбе Дворянского собрания в историческом центре Херсона. Именно здесь было принято решение устроить антрепризу. Городская дума согласилась передать пустующее здание молодым режиссёрам, но на определённых условиях. Главным было право городской думы влиять на утверждение репертуара театра. Взамен же антрепренёры получали здание в бесплатную аренду. Так, в 1902 г. в Херсоне родился новый театр, на сцене которого Вс. Мейерхольд не только осуществлял постановки в качестве режиссёра, но и был занят во всех пьесах как актёр (сыграл около 100 ролей).

Первый театральный сезон открылся 22 сентября 1902 г. постановкой пьесы А. Чехова «Три сестры» (в то время театр носил название «Труппа русских драматических артистов под управлением А. Кошеверова и Вс. Мейерхольда», Товариществом новой драмы он стал называться через год, после отъезда А. Кошеверова в Киев). Для херсонской публики эта пьеса была уже знакома по неудачным антрепризам, но, несмотря на это, постановка Вс. Мейерхольда произвела фурор. Местная газета «Юг» писала об очень удачном спектакле, который сумел раскрыть смысл «странной» пьесы: «...Если бы не подобная постановка, если бы не тот ансамбль, какой имел место в этом спектакле, драму «Три сестры» нельзя было бы и смотреть благодаря отсутствию в ней действия». После премьеры Вс. Мейерхольд и А. Кошеверов написали письмо А. Чехову, порадовав драматурга громким успехом. Помимо чеховских пьес, в репертуар молодого театра входили произведения А. Островского, Л. Толстого, Г. Ибсена и драмы «на потребу зрителей», например, комедия «Акробаты» Ф. фон Шентана.

Однако работа театра усложнялась тем, что публика Херсона не всегда приветствовала режиссёрские эксперименты. Это и подтолкнуло Вс. Мейерхольда устроить антрепризу в соседнем городе Николаеве. Первые двухнедельные гастроли, которые длились с 24 февраля по 7 марта 1903 г., прошли неоднозначно. Николаевской публике представили восемь спектаклей по пьесам – «Гибель «Надежды»», «Чайка» и «Мещане».

Первый спектакль «Гибель “Надежды”» Г. Гейерманса принёс Товариществу прибыль в 92 рубля, а второй – уже 131 рубль. Сборы от «Чайки» тоже росли – от 223 до 375 рублей. Самым большим успехом у николаевцев пользовались «Мещане»: 369, 525 и 612 рублей. До этого пьеса М. Горького не была представлена в Николаеве. Рецензент местной газеты «Южная Россия» П. Рудин напишет: «Артисты превосходно воспроизвели пред зрителем картины мутной, мещанской жизни. Чувствовалось в этот вечер, как между зрительным залом и сценой установилась связь, заставлявшая публику проникаться настроением, которым были полны все «сцены в доме Бессеменовых». Часто мы забывали, что видели перед собой игру актёров, – сама жизнь, неприкрашенная, реальная, проходила перед нами, что следует всецело приписать достоинствам отдельных исполнителей и безукоризненному ансамблю, которым так хорошо зарекомендовали себя наши гастролёры в предыдущих спектаклях». В роли Петра в постановке «Мещан» играл сам Вс. Мейерхольд, он также воплотил на сцене образы Баренда в «Гибели “Надежды”» и Треплёва в «Чайке».

П. Рудин даёт поэтическое описание спектаклю «Чайка», решённого явно в манере символистского театра: «Сад. Озеро дремлет, озарённое мягким лунным светом... Далеко, далеко за озером слышатся два свежих сильных голоса, – то замирая, то выделяясь, поют «Не искушай». За окном воеет, то жалобно, то гневно, одинокий ветер. Бушует глухая осенняя ночь. Тихо, томительно тихо в комнате, еле освещённой двумя свечами. Из дальней комнаты слышатся звуки шопеновской мелодии. Охваченная её грустью, меланхолично передаваемой задумчивым роялем, и сумраком ночи, тяжело рыдает у тёмного окна Маша... Публика проникается настроением этих живых картин, где никто не говорит, где лишь звуки рояля, завывание непогоды, стук бодрствующего сторожа и другие мелочи обстановки создают в нашей душе прекрасное дополнение к деятельности героев пьесы».

В апреле 1904 г., после удачных гастролей, местная городская общественная библиотека обратилась к Николаевскому градоначальнику с просьбой предоставить разрешение устраивать спектакли Товарищества под руководством Вс. Мейерхольда в театре Шеффера «для усиления средств библиотеки». Среди писем к В. Мейерхольду обращает на себя внимание письмо группы николаевских «театралов» от 22 января 1904 г.: «С удовольствием вспоминая прошлогодние гастроли Вашей труппы, которая своей высокохудожественной интерпретацией образцовых произведений «Новой драмы» доставляла нам большое эстетическое наслаждение, мы просим Вас посетить со своей труппой великим постом наш город и дать ряд спектаклей».

Просьба николаевцев будет удовлетворена, и вторые гастроли труппы Вс. Мейерхольда пройдут в феврале 1904 г. Их откроет 16 февраля на сцене театра Шеффера символистская пьеса С. Пшибышевского «Снег». Спектакль пройдёт семь вечеров подряд, собирая аншлаги. Также николаевские зрители смогли познакомиться с пьесами Г. Гауптмана «Праздник примирения» и «Коллега Крамптон»; но главным событием стали постановки «европейской новой драмы» Г. Ибсена – «Нора» и «Привидения». Эти спектакли не были приняты горячо. Вс. Мейерхольду даже приходилось показывать вместе с драмой «Нора» (пьеса «Кукольный дом») одноактную комедию А. Чехова «Юбилей», чтобы привлечь публику. Но причины неуспеха могли скрываться и в элементарных бытовых вещах. В театре Шеффера зимой было очень холодно и зрители просто не могли усидеть в креслах несколько часов подряд. Спектакли Вс. Мейерхольда по пьесам Г. Ибсена – это важная веха в истории становления режиссёра. Роль Освальда в драме «Привидения» была одной из горячо любимых Всеволодом Эмильевичем. Над ней он скрупулёзно работал долгое время, отшлифовывая свою уникальную манеру передачи психологии главного героя-морфиниста, гения и просто несчастного человека.

В конце марта 1905 г. Вс. Мейерхольд приехал в Москву к К. Станиславскому. На повестке дня – организация нового театра. Его проект Вс. Мейерхольд должен был сочинить в Николаеве, где играла его труппа. К своему учителю он писал: «Моя idee fixe. Благодарный за всё, что дал мне Художественный театр, хочу отдать ему все мои силы!» Проект, сохранившийся в бумагах К. Станиславского, включал создание нового репертуара («пьесы Г. Ибсена, С. Пшибышевского, М. Метерлинка, А. Стриндберга и др.») и «стремление к Высшей Красоте Искусства, борьбу с рутинной, трепетное неустанное искание новых изобразительных средств». Но главное в этих записях – это выработка репертуара, перечень пьес, расписание репетиций. Вс. Мейерхольд в это время работал над созданием так называемого условного театра – театра нового стиля.

Последние гастроли Товарищества новой драмы в Николаеве прошли с 27 марта по 30 апреля 1905 г. в рамках поездки по 12 городам империи. На страницах выходившей в Николаеве «Южной России» от 25 марта 1905 г., появится небольшое объявление: «В воскресенье, 27 марта 1905 г., в театре Шеффера (Монте) начнутся гастрольные спектакли Товарищества новой драмы под руко-

водством Вс. Мейерхольда. Первый спектакль – «Одинокие» Г. Гауптмана, дальше «Смерть Иоанна Грозного» А. Толстого (г-н Мейерхольд – Иван Грозный)). Помимо этих пьес, в репертуаре были заявлены «Дачники» М. Горького, «Враг народа» и «Дикая утка» Г. Ибсена, «Гибель Содома» Г. Зудермана и др. Проходили и литературные вечера, встречи со зрителями. Так, рецензент Я. К-н в номере «Южной России» от 9 апреля 1905 г. пишет: «Удивительно оригинальное, красивое впечатление производило чтение артистами стихов К. Бальмонта из его новой книги «Литургия красоты». В чтении участвовали г-жи Мунт (актриса, первая жена Вс. Мейерхольда), Волохова, Кремнецкая, гг. Мейерхольд, Певцов и Неверин...»

В последние дни гастролей «Южная Россия» опубликует «Письмо в редакцию». Автором его оказался секретарь городской думы, прозаик и драматург Григорий Ге: «Всем нам в Николаеве было в конце прошлого года известно, что в Херсоне театр сняла труппа гг. Кошеверова и Мейерхольда, играющая по школе Московского Художественного театра. Не думаю, чтобы я один, а многие, если не все, понимали так, что действующая труппа в Херсоне, конечно, пустилась в подражание. А потому это, должно быть, всё-таки ещё не новый, не действительный театр, а только несколько улучшенное старое, обыкновенное у нас дело театральной антрепризы. И вдруг на второй неделе поста явилась из Херсона к нам эта труппа артистов. Разумеется, я ожидал увидеть дело несколько исправленным, улучшенным. Я увидел это дело. И я говорю, не было у нас театра, каким он должен быть. Но вот у нас уже есть театр, действительный, живой, животворный театр... Наслаждаясь высоким удовольствием, получаемым в таком театре, зритель (сужу по себе) всё более и более проникается уважением и любовью ко всем этим актёрам и актрисам. Да, у нас уже есть, несомненно, есть театр...»

В Николаеве будет сделано несколько снимков во время этих последних гастролей – «Вс. Мейерхольд и художник К. Костин» и «Е. Мунт». Режиссёр оставит автограф и подпишет фотографию почитателю своего таланта: «Симпатичному Алексею Иванову на долгую память, апрель 1905 г.». Фото обнаружил в городском архиве Е. Г. Мирошниченко.

Рецензент «Южной России» с красноречивым псевдонимом Феникс 26 мая 1905 г. напишет прощальные слова: «Труппа Вс. Мейерхольда – единственная в своём роде. Это – сочетание лиц, преданных идее, понимающих задачи искусства, объединённых одним общим пониманием смысла исполняемых пьес и даже современных течений, поскольку они выражаются в литературе. Словом, Товарищество новой драмы с одной стороны – идеальная труппа не для одной провинции».

* * *

В Николаеве, по адресу Артиллерийская улица, 13, жил кумир Вс. Мейерхольда – писатель В. Гаршин (автор рассказов «Четыре дня», «Красный цветок» и др.). Бывал ли в этом доме великий режиссёр – история умалчивает. Но то, что николаевские театралы имели возможность в начале прошлого века видеть Вс. Мейерхольда в его лучших ролях на сцене, наблюдать за его режиссёрским становлением, – безусловно, обогащает летопись культуры Николаева, вписывая имя Всеволода Эмильевича золотыми буквами в книгу театральной истории города.

Анна Румянцева:

«ЛЬВІВСЬКИЙ ФОРУМ – КРОК УПЕРЕД»

У вересні 2016 року відбувся 23 Форум видавців у Львові – найбільше українське книжкове дійство та один з наймасовіших заходів подібного типу в Східній Європі. Учасниками Форуму стали представники 28 країн світу, а загальна кількість видавництв, які представили власну продукцію, значно перевищила попередні показники – більше 320 видавництв.

Уперше учасником Львівського міжнародного літературного фестивалю стало наше видавництво «Гліон», відкривши усьому світу миколаївську книгу.

– Анно Валеріївно, розкажіть, будь ласка, як виникла ідея взяти участь у Міжнародному книжковому форумі видавців у Львові?

– Останнім часом культурне життя Миколаївщини значно поживавилось, помітною стала активність багатьох молодих талановитих митців. Вони прагнуть сказати своє слово, поділитися власними шуканнями з аудиторією, виразити себе у творчості й роблять це майстерно. На мою думку, для миколаївців уже давно настав час виходити на нові обрії, а участь у такому масштабному книжковому заході, як Форум видавців, є просто надзвичайною можливістю.

Вперше за 23 роки Миколаїв представив власну продукцію на Форумі, і мені приємно, що ця місія випала нам.

– Львівський форум видавців – це лише книги? З якими враженнями ви повернулися, й чим запам'ятався цей захід?

– Хотілося б відзначити кропітку роботу організаторів, оскільки кожен день Форуму був наповнений сотнями подій на будь-який смак, тому вражень більше ніж багато. Ми потрапили не просто на з'їзд книголюбів, а на справжнє феєричне свято.

Звичайно книгами не обмежується цей захід, проте вони є центром усіх подій Форуму. Так, у рамках Львівського форуму проводяться: Львівський книжковий ярмарок, церемонія вручення книжкової премії «Найкраща книга», ніч поезії та музики non-stop, Львівський міжнародний літературний фестиваль, безліч тематичних форумів, фестиваль «Місто Лема», виставки та мистецькі проекти, автограф-зустрічі. Також кожного року запрошуються спеціальні гості, цьогоріч радували публіку Фредерік Бегбедер, Януш Леон Вишневський, Карл-Маркус Гаус та інші.

Крім того, значну аудиторію зібрали українські письменники: Сергій Жадан, Левко Лук'яненко, Оксана Забужко та інші. Презентували власні книги й відомі політичні діячі: Міхеїль Саакашвілі «Пробудження сили. Уроки Грузії – для майбутнього України», Борис Ложкін «Четверта республіка», Антон Геращенко «Добровольчі батальйони».

Також учасники Форуму мали змогу поспілкуватися з українськими та закордонними журналістами, а декому пощастило дати інтерв'ю Каті Осадчій.

– Яку мету ви ставили перед собою, збираючись на Форум? Чи вдалося досягти її?

– Чесно кажучи, давно хотілось побувати на такому «книжковому балі» особисто. Але нашою основною метою було познайомити форумців із унікальною книгою «Миттєвості війни» й представити книжковий стенд нашого видавництва. Ми були приємно вражені від кількості бажаючих познайомитись із миколаївською книгою. Причому приваблювали учасників як художні, так і наукові видання. Користувалися популярністю: «Скрипка з того берега» Д. Кременія, посібник «Історія рідного краю: Миколаївщина», «Та йде чумак дорогою. Чумацтво на Миколаївщині», «Бугогартівська паланка» О. Ковальової, «Історичними стежками Кінбурнської коси» Л. Твердовської та інші.

Крім того, Форум дав змогу отримати цінні знайомства, обмінятися досвідом, налагодити зв'язки з іншими видавництвами України для подальшої співпраці, а тому можна сміливо сказати, що мета досягнута.

– Одним із основних завдань було презентувати унікальне видання «Миттєвості війни». Як це було?

– Надзвичайно ґрунтовно ми готувалися до презентації історико-документального видання «Миттєвості війни», яка відбулась у Львівській національній науковій бібліотеці імені В. Стефаника. Неабияких зусиль доклали й Ірина Крючкіна, Алла Назарова із Центру пошукових досліджень і редакційно-видавничої діяльності та Костянтин Картузов, заступник директора науково-педагогічної бібліотеки.

Це книга про військовослужбовців, які загинули під час протистояння російській агресії в Криму та на сході країни, про волонтерський рух та земляків, які посмертно відзначені державними нагородами.

Особливістю книги є те, що у ній збережена авторська стилістика основного матеріалу. Тому згадки про загиблих героїв зачитували їх побратими, подавався й фото- та відеоряд. Нелегко презентувати такі видання, адже це не просто книга – це наш біль, наша пам'ять. Аудиторія настільки прониклася почутим, що уже не стримувала сліз. Хтось згадував своїх рідних, друзів... Не можна виразити словами те, що відбувалось у цей час в бібліотеці.

Це видання зацікавило й закордонних гостей. Саме тоді ми познайомилися з американським журналістом Девідом Саттером. А представники з Польщі відразу запропонували здійснити переклад та видати книгу польською мовою.

– Майже кожна область виділяє бюджетні кошти на розвиток місцевого книговидання. Чи підтримала область нашу книговидавничу справу?

– Моральну й фінансову підтримку ми отримали від народного депутата України Тараса Кременя, за що ми вдячні йому.

Миколаївська книга користувалася неабиякою популярністю на Форумі. Це свідчить про те, що у нас є потенціал: ми маємо талановитих авторів, наша продукція нічим не поступається продукції інших міст України, а в дечому й випереджає. Але, на жаль, у нас не було можливості представити усе різноманіття книг на Форумі й не вдалось познайомити публіку, яка прагне живого спілкування, з нашими авторами. Проте варто пам'ятати, що усе в наших руках, сьогодні діло лише за популяризацією. Маємо надію, що уже наступного року місцева влада підтримає книговидавничу справу і все ж знайде кошти для того, щоб і наші автори відвідали Форум, допоможе миколаївській книзі отримати заслужене визнання.

– Кому варто їхати на Форум? Його учасники – лише видавництва? Які можливості відкриває книжковий захід такого типу?

– На Форум варто їхати усім тим, хто любить книги, творчість, музику, спілкування. Я була приємно вражена від того, яка кількість молоді відвідує цей захід, більше того, Форум – переважно молодь. Це унікальна можливість на високому міжнародному рівні розповісти про миколаївську книгу. Для молодих авторів – шанс заявити про себе. Це місце зустрічі, місце народження нових ідей та проектів, це окремий світ.

Також цей книжковий захід варто відвідати й представникам місцевої влади, оскільки саме там можна отримати цінний досвід, як варто розвивати культуру Миколаєва та області. Дуже хочеться, щоб і у нас проводилися заходи такого типу, нехай менш масштабні, проте це буде значним кроком уперед.

– Наостанок хотілося б запитати: чи плануєте брати участь у 24 Форумі видавців у Львові?

– Ми все ще знаходимося у стані неймовірного захоплення й з нетерпінням чекаємо 24 Форуму. Тепер жодного сумніву не буде. Більше того, ми впевнені, що відвідати цей захід має кожен, чие життя так чи інакше пов'язане з книгою.

Бесіду вів Ілля Стариков

ПЕРЕКЛАД З ТРИПІЛЬСЬКОЇ

Велосипед ни при чѐм: 55 избранных стихотворений / Алексей Торхов = Велосипед ні до чоґо: 55 вибраних віршів / Олексій Торхов; переклад українською Валерії Богуславської. – Николаев: Илион, 2016. – 230 с.

Уперше вірші Олексія Торхова я прочитала в Антології, впорядкованій покійним Юрієм Григоровичем Капланом. Вони мені одразу сподобались якимось особливим, сказати б, особистим ставленням до слова, неординарністю поетичного мислення. І в мене, як завжди, коли мені вірші до душі, виникло бажання їх перекласти. Проте, не будши знайомою з автором (людиною), не знала, як він, автор, до цієї ідеї поставиться, а ще, не дай Боже, в нього, як у декого з російськомовних поетів, наявна ідіосинкразія до українського слова.

Тому за слушної нагоди – перебування в одній залі й на одному заході з А.В.ТОРховим – я не дуже сміливо підійшла до нього і попросила дозволу спробувати перекладати його вірші. Розуміючи, що він мене знати не знає, на доказ власної перекладацької спроможності подарувала йому тоненьку книжечку власних перекладів поезії Наталії Горбаневської.

Мені цікаво перекладати його вірші не через схожість поетичного стилю – якраз навпаки, хоча інколи і сама люблю пограти сенсами і співзвуччями, проте все ж у рази меншою мірою, принаймні, не шокроку. Може, в мене просто не вистачає хисту. Все-таки не дарма я вважаю себе в основному перекладачкою. Проте, на моє глибоке переконання, поет – завжди перекладач з якоїсь невловної мови на земну, і я рада, що знайшла в Олексієві однодумця (у вірші «Элюа» він каже про переклад з трипільської... Можливо, й так. Можливо, саме до такого сприйняття спонукає ольвійський степ, чий подих у Миколаєві відчутний). У вірші «Элюар. Глоток матриархата» це переконання у природній, материнській первинності поезії відображене ще повніше:

*что есть поэзия
как не женская первобыть
исторгающая из лона природы
на ладони судьбы
позволяющая всяк раз
рождаться в слове
удивляться слову
и в слове пребывать
как искре Божьей
вместо сердца*

Цей вірш, певніше, навіть маленька поема, близький мені ще й тим, що я впізнаю в нім і децицію власної долі, своє здивування звучанням українських слів, коли наша родина повернулася з евакуації в Україну, поступове долучення (дякувати старшій сестрі) до духмяності цієї мови, з якою згодом зріднилася.

Правду кажучи, я помітила суттєву зміну в його авторському стилі. Він став іще розкутішим і, на диво, якимсь відкритішим, сердечнішим, чи що (у вірші «Во мне» – «свежесбывшийся мальчик»). Він у своїх віршах розкрився для мене не тільки як непересічний поет, а як людина глибоко порядна, добра аж нібито по-дитячому. Особливо у вірші «Велосипед ни при чѐм», котрий розчулив мене ледь не до сліз, а це зі мною буває тільки тоді, коли читаю або слухаю справжню поезію.

Поезія Торхова не споруджує для себе палацу зі слонової кістки, не відгороджується від сучасності і злободенності, але й не послуговується гаслами. Все, що він говорить, не лише пропущене крізь розум, а й пережите серцем, перелите в поетичну образність. Його любов до України не гучна й не показна, він разом зі своєю поезією ніби зростається з цією землею, котра йому пече й болить

навіть більше, ніж усе інше на пострадянському просторі, – можливо, зараз навіть більше, ніж Сибір, де він народився. От як він висловлює це у вірші «Самая невозможная рыба»:

*и к ним устремятся
все сирены эгейского моря
все бледные демоны крыма и приднестровья
и будут кричать в них
«Кому и война музыка!»
и пока эта орда
совершенно глухая к миру
выбравшая самые громкие инструменты
играет какофонию
несовместимую с жизнью*

Торховська музикальність, яка неодноразово увиразнюється в його творчості (для прикладу, у віршах «Странная симфония», «У ничьей реки», «Танк мой Егорыч»), сприймає війну саме як какофонію – мабуть, саме так сприймає її один із його улюблених композиторів Валентин Сильвестров.

У вірші «Танк мой Егорыч», де, між іншим, ми чуємо й суто українські вирази, поет звертається до танка-ветерана, ніби до афганця, котрий, незважаючи на роки й поранення, йде добровольцем на НАШУ війну (офіційно іменовану «АТО»), наче з бажання відмахнутись як від надокучливої мухи):

*Танк мой Егорыч
– нумо (!) Егорыч
почуешь орду –
рыч!
Его рыч!
услышит...*

Не можу не сказати про вірш «Снегирь», написаний ніби не чорнилом, а оголеним нервом:

*Побудь на ветке – юн, босолап.
Приветом от непришедших пап.
Рядом щебечут чьи-то сердца –
Не распознать Отца...*

Чи важко перекладати вірші Торхова? Важко. Адже ментальність української мови цілковито відмінна від ментальності мови російської. Проте це не стільки важко, скільки, як на мене, цікаво, захопливо. Полегшує справу й те, що останнім часом, видається, ментальність самого Торхова дещо «українізована» (дякувати Богу, зараз така метаморфоза відбулася з багатьма чесними російськомовними українськими поетами). Але подеколи ці вірші заганяли мене у глухий кут. Я навіть написала авторові, що не спроможна перекласти вірш «Украина. Ледниковый период» – адже що маю робити в українському варіанті з літерою «ё», коли її в українській мові на дух немає? Та, мабуть, надто муляла мені власна неспроможність, засіла в голові, як скіпка. І раптом – наче блискавка: еврика! знайшла! Просто треба було з запропонованої автором головної вулиці зазирнути за ріг. У вірші «А.В.ТО(Р)портрет» довго думала, як відтворити «имя – созвучно с «алым», довелося теж відійти від спокуси перекладати «в лоб», так само, як і «внешность – воды не пить» (наскільки я розумію, в українській мові навряд чи є вираз, здатний дослівно передати російську ідіому «нам с лица не воду пить»). Намучилася з «С икон. / Из окон. / Испокон». Натомість у мене вийшло: «Звідалік. / З-під повік. / Споконвік».

Я б могла наводити приклади ще і ще, проте все це – перекладацька кухня, а не вітальня, де виховані люди приймають гостей.

Насамкінець я б хотіла подякувати Олексію Торхову – А.В.ТОРу – за виявлену мені як перекладачці довіру і за те відчуття творчого злету, яке мені пощастило пережити, перекладаючи ці вірші.

Сподіваюся, що читач – як російськомовний, так і україномовний – відчує це, як і справжність поезії Олексія Торхова.

З повагою до майбутнього читача –

*Валерія Богуславська,
перекладачка*

Издательский перекрёсток

ВОЛШЕБНАЯ КЛАДОВКА ЕВГЕНИЯ КУЦЕВА

Далеко не каждый мастер слова умеет писать для детей. Истинная радость – найти хорошую, добрую, умную сказку, учитывающую возрастные особенности юного читателя. Такой счастливой находкой для детей и их родителей являются три книжечки Е. А. Куцева: «Сказки новогодней ёлки» (2012) – для детей четырёх-девяти лет, «Сказки волшебные и правдивые» (2016) – для школьников 4–6 классов, «Сказка про Три-Седьмое царство» (2013) – для ребят средней и старшей школы.

Современных детей, едва научившихся ползать, не оторвёшь от компьютера. Обычно подвижные, они, как свечечки, на час-другой (при безопасной норме до одного часа) застывают перед ноутбуком. Понимая, как это вредно для психического здоровья, отмечаешь поневоле: электронная «читалка» способствует рождению устойчивого интереса и познанию мира. В рассказе «Лентух» (от «лень») Евгений Куцев в занимательной форме говорит о недуге мобильной игромании, для избавления от которой требуется сила воли и умение сказать себе «нет». У детей должен быть хотя бы приблизительный книжно-цифровой режим. Причём, поддерживая интерес малыша к чтению, нужно следить за уровнем внимания ребёнка: длительное чтение становится утомительным и нелюбимым.

К выбору сказки нужно подходить осторожно: в море детской литературы много и опасных рифов. Стремясь создать проблемную ситуацию, некоторые современные «сказочники» свои собственные фобии переносят в книги для детей, где порой каждая страница изобилует психопатогенной лексикой: паника, страх, агрессор, капканы, газовая атака, отрубленные головы, опасность, смерть. В подсознание ребёнка с неокрепшей нервной системой закладывается «точка невозврата», панический страх, неуверенность в своих силах.

Детский писатель Евгений Куцев совершенно по-иному создаёт конфликтную ситуацию: он не запугивает кровожадными и безмозглыми монстрами, а предлагает для решения проблем межличностные детские отношения, жизненные ситуации и природные стихии, учит решать проблемы путём мирных переговоров. Если в его книжке для малышей хрупкая нежная снежинка, защищая своих подружек, находит в себе смелость первой выступить против больших и сильных шаров и пристыдить их, то в книге для школьников автор сказки «Каменный дракон» рисует величественный образ защитника, героя, которому невозможно жить без надежды, мечты, без родной земли и уверенности в завтрашнем дне. И юноша, рискуя жизнью, смело, но с миром идёт к дракону на переговоры и помогает и ему, и своим соплеменникам обрести свободу. Против стихийной физической силы Сына Горы Ансар выдвигает равнозначную силу духа, мудрости, доброты и знаний. «Мы сильны тем, – говорит молодой рыбак, – что помним многое, что знания храним, что сыновей своих учим».

Трудно анализировать сказки, где каждое слово, словно нота, заняло своё место: поменяешь, заменишь – испортишь музыку. К высказанным мыслям, занимательным диалогам, описываемым событиям, подбору лексики писатель относится, как нейрохирург к выбору рабочих инструментов, ибо чувствует и понимает, что сказка для малыша не развлечение, а живительная пища для развития, роста, восполнения душевных запросов. В сказках Куцева нет образа повествователя, но, читая их, чувствуешь присутствие умного, чуткого, любящего волшебника, несущего ответственность за доверчиво протянутую руку ребёнка, за внимающие чистые глаза малыша – зеркало безгрешной детской души. Таинственную атмосферу ожидания вечернего чтения автор проигрывает в книжке, он обучает родителей секретам прелюдий сказочных посиделок.

В «Сказках» место действия (зал с камином и новогодней ёлкой), диалоги ёлочных игрушек, разговоры детей, проживающих в доме, являются и кольцевым обрамлением к каждой истории, и фоном всего книжного сериала. Таким образом, рождается маленькая сказочная повесть из семи коротких завершённых сюжетов на каждый день первой новогодней недели – это поддерживает интерес детей к чтению и не утомляет их.

Разнообразие зачинов развивает фантазию и речь: *«когда-то давным-давно»* – и попадаешь в заповедный мир лесных птиц; *«жил-был мальчик»* – это рассказ об увлечённых детях, вынашивающих мечту, которая сбывается; *«где-то там, на юге»* – и начинается познавательный урок по географии; *«однажды в новогоднюю ночь»* – это происходит с каждым из нас раз в году.

Авторские сказки Е. Куцева – занимательная школа практической педагогики, уроков словесности и развития речи для детей и взрослых. Легко и непринуждённо усваиваются уроки этики: все спят, поэтому игрушки разговаривают тихо, шепчутся; *«если мама детям пообещала – обязательно выполнит»*; перед выходом из дома *«куклы не забывают одну страшно важную вещь: посмотреть на себя в зеркало»*; *«пожалуйста»* – слово непростое, и силы волшебной добавляет; *«когда все домашние дела переделаны, самое время взять в руки любимую книжку»*.

Ёлочные игрушки преподносят малышам простую человеческую истину: можно, забывая о себе, получать радость от того, что сумел кого-то осчастливить, подарить праздник. Но оказывается, тем же ёлочным игрушкам делать добрые дела и не хвалить себя, не хвастаться – невыносимо трудно, а унижение младших и беззащитных, эгоизм и самовосхваление приводят к ссорам, обидам, разбивают дружбу. В другой сказке от чрезмерного хвастовства исчезает красота Божьей Коровки. Часы, символ вечности и справедливости, примиряют спорящих: *«Все-все кра-си-вы, так-так»*. А Дед Мороз добавляет: *«И неповторимы. И каждый из вас дарит людям радость. Но вы очень хрупкие. Нужно беречь друг друга. Не ссориться по пустякам»*. Хочется взять эти слова в узорную рамочку. В заключительной сказке доброта Снегурочки и мудрая сила Деда Мороза творят чудо – оживает белый мраморный голубь, напоминая читателям: мир, добро и красота – должны быть живыми, а не нарисованными.

В маленьких историях на примерах заговоривших насекомых, птиц, игрушек высвечиваются каждодневные детские проблемы. И решаются они без запретов и назиданий: ребёнок видит себя и жизненную ситуацию со стороны; сам становясь судьёй, анализирует события; прощает обиды; признаёт свою неправоту; учится формулировать собственные мысли. Если язык народных сказок лаконичен, изобилует постоянными эпитетами, сравнениями и ограничен в выборе героев, то современные сказки Евгения Куцева ставят настолько высокую, при этом разумную и сильную, языковую планку, что вызывают восторг лексическим разнообразием, выбором героев (можно всё оживить и со всем заговорить); подбором синонимов (*шары пытели, раздувались от важности, гордо переглядывались, снисходительно хихикали, фыркали недовольно, кричали, вертелись*); эпитетов (*тихие, вежливые, нежные нити дождика*); антитез (*смелая маленькая снежинка*); метафор (*серенькое, пасмурное настроение*); олицетворений (*незаметно подкрался вечер*).

Подросли и пошли в школу дети Евгения Альбертовича, и он написал для них «Сказки волшебные и правдивые». В отличие от предыдущих, куда вошли сказки-эпизоды, во второй книжке автор, следуя законам возрастной психологии, помогает развивать речь, обращается к пространственным описаниям и логическим рассуждениям. Четвероклассник Рома – любознательный фантазёр, ему снятся волшебные сны, он постоянно задаётся вопросами, находит доказательства, учит читателей- сверстников рассуждать, пересказывать события, привнося в них доброту и радость. В рассказе об озорной смешинке любящая и мудрая мама поддерживает в сыне состояние спокойствия и уверенности, определяя главную мысль в его неуёмной деятельности такими словами: *«Вырастешь, и у тебя всё будет получаться так, как ты придумашь»*.

Третья книжка «Сказка про Три-Семьое царство» – новая ступень на пути становления личности юных читателей. В пьесах для постановки на сцене школьного театра автор предлагает подросткам мощнейшее средство – иронию и самоиронию, юмор и сатиру. Это оружие не разрушает, а помогает формировать и укреплять личность и общественную позицию старшеклассников.

Евгению Куцеву, моряку, историку и педагогу, чувствующему суть и музыку слова, есть что сказать читателям. Он талантлив, интеллигентен, и в писательской работе ему помогают мудрость и доброта. А ещё он согласен с А. Эйнштейном, который однажды заметил: *«Чтобы ваши дети были умны, читайте им сказки. Чтобы они были ещё умнее, читайте им ещё больше сказок»*.

*Зоя Шаталова,
учитель-методист*

Издательский перекрёсток

СКАМЕЙКА МУДРЕЦОВ

Поэзия дерева: очерки / ред. А. С. Геращенко [и др.]; фото. А. Кремко. – Николаев: Илион, 2016. – 324 с. – (Серия «Одарённые мудростью»).

Книжная серия «Одарённые мудростью» о выдающихся земляках, внёсших значительный вклад в развитие культуры Николаевщины, пополнилась новым, четвёртым, изданием. Книга очерков «Поэзия дерева» рассказывает о жизненном пути и творчестве трёх николаевских педагогов и художников: Леонида Шкарубы, Михаила Ковалевского и Юрия Одробинского.

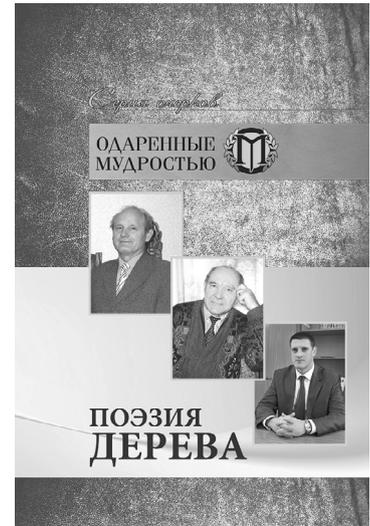
Работы этих мастеров резьбы по дереву широко известны, они разные по форме, тематике, исполнительской манере и технике. Но объединяет их одно – своё философское осмысление бытия, мысли и эмоции они передают через создаваемые в дереве образы. Можно восхищаться удивительной деревянной пластикой и самобытностью декоративных панно Юрия Одробинского, духовным величием христианских святых в иконах Леонида Шкарубы, причудливыми животными, которые рассмотрел Михаил Ковалевский в корнях деревьев или изобразил деревянной мозаикой. Работы заставляют задуматься о многогранности жизни, от божественного до будничного.

Художественная резьба по дереву в небогатой лесами степной зоне Северного Причерноморья? Почему именно этот материал вдохновил мастеров на самовыражение? Что является музыкой для души Леонида Шкарубы? Что первично для воплощения художественного замысла у Юрия Одробинского? Что подталкивало взяться за кисть или перо Михаила Ковалевского? Книга даёт возможность получить ответы на эти и многие другие вопросы.

Интересна структура книги. Она построена в виде интервью одного из инициаторов проекта «Одарённые мудростью» профессора Ильи Старикова, которые он берёт у главных героев очерков, знакомя без прикрас с вехами их биографии. Перед читателями проявляется многогранность интересов талантливых земляков, глубина познаний в истории, литературе, искусстве. Каждая страница заставляет думать, становится понятной философия художественных образов авторов. Прекрасное оформление книги, многочисленные цветные иллюстрации помогают расшифровывать и понимать заложенный художниками замысел. Близкому знакомству с их жизнью и творчеством способствуют многочисленные свидетельства родных, друзей, коллег, учеников, рецензии, оценки профессионалов из мира культуры и искусства. Восхищением и эмоциями наполнены отзывы посетителей творческих выставок мастеров резьбы по дереву.

Нашему южному краю повезло на талантливых людей. Особенно это касается героев книги, которых объединяет художественный поиск, литература и преподавательская деятельность.

Сборник очерков «Поэзия дерева» будет любопытен всем, кто интересуется историей и культурой родного края, увлекается живописью, художественной обработкой дерева, чеканкой, поэзией. После прочтения книги переполняют чувства признательности и благодарности людям, которые творят в Николаеве и для Николаева.

*Наталья Морква,
заведующая отделом Центральной городской
библиотеки им. М. Л. Кропивницкого*

ЗОЛОТОЙ КОРАБЛЬ В ЛАЗОРЕВОМ ПОЛЕ

Наука, которая занимается гербами, называется геральдикой. Это одна из вспомогательных исторических дисциплин. Гербы делятся на две большие группы: личные и городские. Нас интересует второй вариант, так как речь пойдёт о гербах города Николаева, которому уже исполнилось 227 лет, и за это время город четырежды менял свой герб.

*Первый герб Николаева
1803 года*

В начале XVIII века в России было упорядочено законодательство о составлении гербов городов. Николаев с начала XIX века и до 1917 года входил в состав Херсонской губернии, и только непродолжительное время (1802–1803) существовала Николаевская губерния. Главным командиром Черноморского флота в 1802 году был назначен маркиз де Траверсе, будущий Морской министр, который много сделал для развития Николаева: возродил судостроение, учредил ремесленную управу, основал Депо карт, где печатались также книги. При Депо карт была создана морская библиотека и Кабинет древностей – первый на юге страны и в Николаеве музей. При Черноморском штурманском училище существовал любительский театр. Тогда же город получил свой первый герб, высочайше утверждённый 3 октября 1803 года.

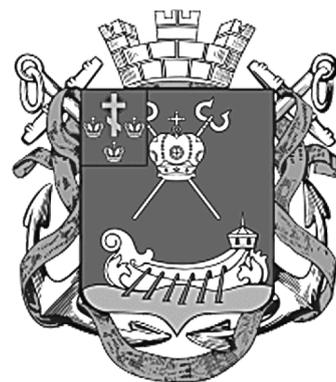
П. П. фон Винклер в своей книге «Гербы городов, губерний, областей и посёлков Российской империи» даёт ему такое описание: «На щите, разделённом от верхней середины к нижним углам,

чёрное поле, над серебряною кадильницею изображён золотой крест, окружённый лучами, а по сторонам: в голубом поле Архиерейская митра и в золотом поле Архиерейский посох». Изображение на гербе Николаева библейской символики связано с наименованием города. Он был назван в честь победы – взятия штурмом крепости Очаков 6 декабря 1788 года в день Святого Николая Мирликийского – покровителя путешественников, моряков и всего морского дела. Наличие на гербе архиерейского посоха и митры – символов Святого Николая Зимнего – понятно, а вот наличие кадильницы в виде чаши с крестом вызывало у николаевских краеведов много толкований. Её принимали даже за чашу Грааля и предполагали, что она хранится где-то в подземельях города. На самом деле чаша, или кадильница, символизировала распространение света христианской веры. Она была связана с планируемым ещё Г. А. Потёмкиным Спасо-Николаевским монастырём. Своеобразна и необычна форма первого герба города – щит делится на три треугольные части двумя диагоналями, хотя обычно щит делился на две или четыре части.

Следует пояснить, что в геральдике чёрный цвет обозначает печаль, благоразумие, смирение; серебро – символ чистоты и невинности; золото – богатства, справедливости, великодушия; голубой – красоты, мягкости, величия. Это почти все геральдические цвета, и они присутствуют на гербе нашего города, свидетельствуя о его благоразумии, чистоте, богатстве и красоте.

В середине XIX века была проведена геральдическая реформа, и к 1862 году было пересмотрено 316 городских гербов. При изучении герба Николаева обнаружилось несоответствие двухцветного поля регламентированному правилу (одноцветность). Кроме того, Николаев к тому времени стал центром судостроения и крупным торговым портом.

16 марта 1883 года в царствование Александра III был утверждён второй герб Николаева. В проекте «Записки о гербе военно-портового города Николаева» исполняющего должность управляющего

*Второй герб Николаева
1883 года*

гербовым отделением департамента герольдии Сената было указано: «Так как город Николаев есть одним из главнейших портов Южной России, то оставляя митру и посох я полагаю изобразить в гербе сего города сверх того корабль». Центральным изображением герба является золотой корабль с шестью чёрными вёслами на серебряной волнообразной окраине. Это символизировало кораблестроение и судоходство. Общий фон щита – лазоревый. Над кораблём расположены атрибуты Святого Николая – архиерейская митра на двух накрест положенных посохах. В верхнем левом углу на небольшом прямоугольном щите – герб Херсонской губернии, в состав которой тогда входил Николаев. Он состоит из трёх императорских корон и в центре крест.

*Третий герб Николаева
1969 года*

1857 года часть гербов получила украшение в виде башенных корон, лент и других деталей. Щит Николаева был украшен серебряною башенкою «о трёх зубцах и короною», хотя серебряная башенная корона давалась уездным городам, каковым наш город не был, и окружён двумя перекрещенными золотыми якорями, соединёнными Александровской (красного цвета) лентою – свидетельством портовой принадлежности города. В советское время этот герб с христианской символикой был упразднён.

Новый герб Николаева появился только в 1969 году, он должен был отражать те изменения, которые произошли в городе за последние полвека. Городской совет объявил конкурс на эскиз герба. В конкурсе победил эскиз художника В. С. Козловского. На сине-красном поле (цвета Государственного флага Украинской ССР) изображён серебряный парусник, напоминающий очертаниями фрегат «Святой Николай» – первое судно, построенное в Николаеве. Под килем расположена половинка золотой шестерни, в верхнем левом углу – атрибут советской власти – серп и молот золотого цвета. Он просуществовал около тридцати лет.

В 1997 году Николаевский горисполком объявил конкурс на лучший проект городского герба. Была создана специальная комиссия, состоящая из краеведов, историков, художников, специалистов по геральдике. Конкурс проходил в три этапа. На выставках были представлены около тридцати вариантов герба. Авторы использовали фигуру Святого Николая, якоря, амфоры и прочие элементы, свидетельствующие о нашем городе и его истории. Среди авторов были не только профессионалы, художники, но и школьники, студенты, домохозяйки, самодеятельные художники. Выводы комиссии были неутешительными, и возникла идея использовать один из старых николаевских гербов. После долгих споров голоса членов комиссии склонились в сторону герба 1883 года, с которого убрали в верхнем левом углу символы Херсонской губернии. Новый герб был утверждён в День города на торжественном заседании городского Совета 26 сентября 1997 года. В лазоревом поле на серебряной волнообразной оконечности золотой корабль с чёрными вёслами, сопровождаемый в главе щита золотой архиерейской митрой, на двух золотых же накрест положенных посохах. Щит увенчан серебряною короною о трёх зубцах и наложен на два золотых якоря, перевязанных Александровскою червлёной лентою. Тогда же Всероссийское геральдическое общество признало новый герб Николаева одной из лучших реконструкций старого.

Вымпел с последним николаевским гербом побывал даже в космосе. В 2010 году на космическом корабле «Союз» наш герб провёл 177 дней вместе с космонавтом Александром Скворцовым. 4 декабря вымпел был возвращён в Николаевскую мэрию.

*Четвёртый герб Николаева
1997 года*

Наталья Кухар-Онышко,
историк-краевед

ДОМ С АТЛАНТАМИ

История домов бывает подчас интереснее человеческой жизни.

К. Паустовский

Ещё древние зодчие и их заказчики вертикальные опоры строительных конструкций выполняли в виде мужских скульптур. Их называли атлантами по имени античного титана Атланта, удерживающего на своих плечах небесный свод. Тогда и возникла в литературе тема атлантов.

В городе на Южном Буге она связана лишь с бывшим домом купца П. И. Литвиненко на улице Пушкинской, 35, последним дореволюционным строением. Владелец, видимо, понимавший толк не только в коммерции, украсил внешний вид своего дома множеством декоративных деталей: лепкой, фигурными аттиками на карнизах, полуколоннами и масками, фризами, рельефами – всё говорит о том, что в старом Николаеве водились мастера-строители и ваятели-декораторы. Они придали бывшей Бульварной улице неповторимую индивидуальность, с 1900 года она носит имя первого поэта России.

Купца Литвиненко можно благодарить и за то, что подарил городу две парные поясные фигуры атлантов. На фасаде дома № 35 ещё совсем недавно можно было увидеть всего трёх уцелевших бородатых силачей с закинутыми за головы руками. Они прислонены к порталу и подпирают спинами балконы. Фигуры их были покрыты копотью, осколки разрушающихся деталей завершали неприглядный вид. Вероятно, о таких скульптурах атлантов писал поэт С. Кирсанов: «От муки вековой / Обшелушились лица, / И дождь, / Как скользкий пот, / По животам струится».

Это последние городские атланты. Ещё несколько десятков лет назад их было больше, украшали наружный вид построек исторического центра города и образы кариатид – изваяния женщин.

В первые дни весны 2009 года особняк на улице Пушкинской отгородился от любопытствующих забором. Пять месяцев спустя он уже предстал в своём первоизданном виде. Вот что рассказал руководитель реставрационно-строительных работ Е. Г. Токарь: «Приступая к восстановлению дома на Пушкинской, мы, конечно, хорошо представляли объём реставрационных работ. Без всякого преувеличения можно сказать, что менее затратно было бы построить новое подобное здание. Из-за технической сложности реконструкции (было невозможно использовать строительные леса) пришлось привлекать специалистов-верхолазов. Только проект реставрации моделей атлантов занял более двух месяцев, его автор В. В. Миколайчук. Фасад здания насчитывает несколько сот декоративно-художественных деталей, потребовались мастера, способные возродить богатую лепку: медальоны с рельефными профилями, наличники окон, вензеля, вазы, маски людей и животных, розетки – все эти классические приметы старинных архитектурных комплексов.

Цокольный этаж здания облицован красивым тёмно-розовым гранитом, он носит название «Россо-Сантьяго» Капустянского месторождения Николаевской области. Следует сказать, что реставраторам пришлось пристроить фронтоны над центральной аркой въезда во двор, он естественно завершил архитектурный облик особняка, доминирующего в ряду других обновлённых строений улицы.

Евгений Мирошниченко

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

«...Сугубый реализм письма парадоксально подчёркивает символизм происходящего. Всякая деталь передана с точностью подробного натюрморта. Трёхмерны, осязаемо объёмны сваи и брусья настила, гвозди, крючья, пряжки на обуви. Жизненно всё – складки одежды, морщины на обветренных лицах, венозные старческие ступни, мальчишеские рёбра... И всюду – она, насыщенная, горячо-плотоядная игра светотени! Сальвадору Дали в его парижских оранжереях параноидальной свободы было легче завершать эстетические поиски Арнольда Бёклина. Невероятно трудно поведать притчу в условиях тотальной немоты и несвободы...»

Сергей Пискурёв

Александр Риттих. «На Ингульском мосту».
Холст, масло (вторая половина 1920-х гг.).
Николаевский краеведческий музей

ЧИТАЙТЕ В НАСТУПНИХ НОМЕРАХ:

- Бузька Ойкумена: **МІЖ ЮПІТЕРОМ І МАРСОМ.**
Імена миколаївців на мапі зоряного неба
- Поезія: **Олекса РІЗНИКІВ** (80-річчя), **Віктор МАМЧЕНКО,**
Іван ЦАРИННИЙ (65 років з дня народження)
- Публіцистика: **Олена ПОНОМАРЬОВА.**
МИКОЛАЇВСЬКИЙ ВИХІД. Біла еміграція у Франції
Наталія КОСТЕНКО.
ЛЮБОВНІ І СКОРБОТНІ ЕЛЕГІЇ ДМИТРА КРЕМІНЯ
- Майстерня: **Іван АЙВАЗОВСЬКИЙ.**
ВИД м. МИКОЛАЄВА. До 200-річчя художника-мариніста

